

«ЖЕНИТЬБА» Н.В. ГОГОЛЯ

Когда комедии
были смешными

С. 52

ЧТОБЫ ЗНАНИЯ СТАЛИ СИЛОЙ

В НАЧАВШЕМСЯ НОВОМ УЧЕБНОМ ГОДУ В 44 ТЫСЯЧИ ШКОЛ по всей России отправились получать знания 13 миллионов школьников. Из них 1,5 миллиона – это первоклассники. Накануне возбужденные родители, наверное, чаще всего обсуждали проблему школьной формы. Ведь в России, впервые после распада СССР, фактически вводится дресс-код: внешний вид ученика отныне должен «соответствовать нормам делового стиля и носить светский характер». Детали одежды определять в том числе детям, родителям и педагогам. Единой для всей страны прежней школьной формы уже не будет. Но это – форма. А что будет с содержанием?

С 1 сентября вступил в силу закон «Об образовании в Российской Федерации». Средняя школа, пожалуй, главное звено в общей системе образования. Верно будет сказать, что это – системообразующий институт. От того, как она работает сегодня, зависит наше будущее. Говоря о том, что советское наследие в этой сфере исчерпало себя и надо двигаться в будущее, важно обозначить контуры этого будущего. Не приведет ли, в частности, переориентация от получения абстрактных знаний к обретению навыков и неких компетенций к появлению узколобых людей-винтиков, погруженных лишь в свою узкопрофессиональную сферу, не обладающих широтой мышления, без чего невозможно ориентироваться в современном мире? Не станет ли необратимой наметившаяся, по мнению многих обеспокоенных специалистов, деградация среднего образования? Что чревато, в свою очередь, деградацией страны. Кто будет создавать новую инновационную экономику? И не страшно ли нам будет оставить нашу страну, ее инфраструктуру, экономику, медицину – и наше собственное здоровье – потом в управление тем, кто сейчас пошел в первый класс? Все ли мы делаем сейчас для того, чтобы преодолеть кадровый кризис профессии школьного учителя? Да, в последние годы много делается для того, чтобы зарплата учителей наконец начала приближаться к уровню, обеспечивающему достойную жизнь. Многого ждут в этом плане от внедре-

ния новой системы оплаты труда, более зависимой от качества работы педагогов. Важно при этом, чтобы она еще не зависела от своеволия директоров школ. Было бы, кстати, полезно пометчать и о том, чтобы люди, задача которых в том числе обеспечить соблюдение общефедеральных стандартов в образовании, получали бы и общефедеральную зарплату, не различающуюся в разы от региона к региону. Как, скажем, действует система оплаты федеральных судей. Впрочем, очевидно, что деньги – это не исчерпывающее средство. Зарплата не тождественна социальному статусу. Что-то еще должно измениться в обществе, в самой его атмосфере, чтобы люди твердо и окончательно поверили в то, что знание – это сила. Сила созидания, прогресса, достижения счастья и благополучия. ■

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР – ТАСС)»

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Россотрудничества

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Министр культуры Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

СКОРОСПЕЛОВ П.П.

Исполнительный директор фонда «Русский мир», заместитель председателя правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЮРКОВ Е.Е.

Директор Института русского языка и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры Аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Директор департамента специальной связи МИД России

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ЯКУНИН В.И.

Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06 Как провожают корабли...
09 Новая волна в медицине

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 12 Статусная битва
16 «Слово за нами!»

ИСТОРИЯ

- 20 Солнце Аустерлица
погасло в Лейпциге

- 28 Странная земля

НАСЛЕДИЕ

- 36 Игумен земли Русской

- 46 Вынь-ка зеркальце
складное

- 52 «Шалость большого таланта»

ЭКСПЕДИЦИЯ

56 Персидское хождение

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

66 Герой фельдшерского труда

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

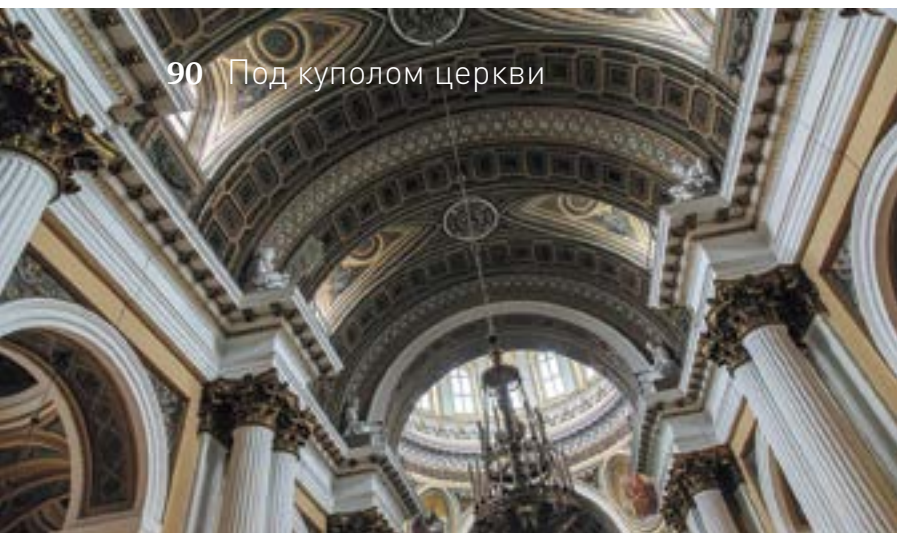
70 Мать лесов

ПУТЕШЕСТВИЕ

76 Восточный берег

РЕПОРТАЖ

84 Грязная игра

90 Под куполом церкви

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(499) 519-01-68

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Зоя МОЗАЛЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
РИА НОВОСТИ

КАК ПРОВОЖАЮТ КОРАБЛИ...

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В АВГУСТЕ РИГА ПРИНИМАЛА У СЕБЯ УЧАСТНИКОВ КРУПНЕЙШЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕГАТЫ THE TALL SHIPS RACES 2013, В РАМКАХ КОТОРОЙ В СТОЛИЦУ ЛАТВИИ ПРИБЫЛА ГРАНДИОЗНАЯ ФЛОТИЛИЯ ИЗ 100 ПАРУСНИКОВ И СОВРЕМЕННЫХ БЕРМУДСКИХ ЯХТ. В ПРЕСТИЖНЫХ МОРСКИХ ГОНКАХ УЧАСТВОВАЛИ И РОССИЙСКИЕ СУДА, СРЕДИ КОТОРЫХ НАИБОЛЬШИМ ВНИМАНИЕМ У ПУБЛИКИ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ УЧЕБНО-ПАРУСНЫЙ БАРК «КРУЗЕНШТЕРН», ОДИН ИЗ САМЫХ БЫСТРЫХ ПАРУСНИКОВ ПЛАНЕТЫ, «МИР», И ЗНАМЕНИТЫЙ ПЕТРОВСКИЙ «ШТАНДАРТ» – ТОЧНАЯ КОПИЯ ПЕРВОГО БОЕВОГО КОРАБЛЯ, ПОСТРОЕННОГО ПЕТРОМ I В 1703 ГОДУ.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, В 2003 году, Латвия уже принимала у себя парусную регату, которая более пятидесяти лет проводится под эгидой Международной ассоциации обучения парусному спорту Sail Training International. В парусном мире сегодня нет более престижного и зрелищного мероприятия, чем эта регата. Международные гонки учебных парусных судов проводятся ежегодно, а раз в четыре года они проходят в Балтийском море.

Десятки городов мира борются за право принимать регату, победители определяются в результате строжайшего отбора за три-четыре года до ее проведения.

В The Tall Ships Races 2013 в общей сложности приняло участие более 3 тысяч человек – членов экипажей и курсантов. Основные цели и задачи регаты – привлечение молодежи к парусному спорту, пропаганда морских профессий и установление дружеских контактов между молодыми людьми из разных

стран, поэтому каждый город, принимающий у себя международную регату, по договору должен обеспечить и профинансировать участие как минимум 25 юношей на одном или нескольких парусниках.

Регата-2013 стартовала из датского портового города Орхус и направилась в Хельсинки. Вот здесь-то и случилось ЧП... В шведской части Балтийского моря, между островами Эланд и Готланд, затонул старинный 24-метровый норвежский парусник «Дракон», построенный в 1897 году и принадлежащий Музею мореходства в Ставангере. На судне возникла течь, и оно стремительно погрузилось на дно. Членов экипажа удалось спасти с вертолета, но погиб, упав за борт, один из добровольцев-спасателей из команды голландского судна Wylde Swan, которое поспешило на выручку тонущему паруснику... Шторм в эти дни на Балтике достигал 5–6 баллов, так что досталось и другим участникам гонок. Проливным дождем и холодным ветром встретила регату столица Финляндии, Хельсинки, но уже на подходе к Риге погода изменилась к лучшему. Все четыре дня, пока путешественники гостили в Рижском пассажир-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ском порту, светило яркое солнце. Но и без него город весь сверкал от обилия ярких красок – сотни тысяч нарядно одетых взрослых и детей приехали в центр латвийской столицы полюбоваться уникальным по своей красоте зрелищем. Всего, по подсчетам Рижской думы, в празднике приняли участие 1,5 миллиона зрителей – рекорд для массовых мероприятий в Риге.

Самым красочным мероприятием стало костюмированное шествие участников регаты The Tall Ships Races по центру Риги – не хуже бразильского карнавала! Тем более что среди его участников были и 70 смуглых бразильских моряков, прибывших на военном парусном корабле Cisne Branco. Но самыми веселыми и экзотичными, по общему признанию публики, были посланцы военно-морского флота Ома-

на: учебный парусник Shabab Oman (экипаж 54 человека) впервые принимал участие в гонках по Балтийскому морю.

Больше всего участников регаты прибыло в Латвию из Великобритании (16 судов), Польши (15) и России (13). Крупные парусники почти все были открыты для посещений. Но, например, чтобы попасть на «Крузенштерн», приходилось стоять почти в километровой очереди. Тем не менее от желающих отбоя не было. Оно и понятно, самый большой российский четырехмачтовый барк, длиной почти 115 метров, до 1991 года находился в ведении Рижской базы тралового флота, как и его собрат – «Седов». Когда в августе 1991 года случился путч, оба учебных парусника находились в море. Капитаны, опасаясь за дальнейшую судьбу кораблей, приняли решение

Больше всего было желающих попасть на знаменитый российский барк «Крузенштерн»

не возвращаться в Латвию. С тех пор ни «Крузенштерн» (порт приписки – Калининград), ни «Седов» (Санкт-Петербург) ни разу в Ригу не заходили. Некоторые горячие головы до сих пор считают, что Латвия могла бы побороться за их возврат. Но один из организаторов рижского этапа регаты The Tall Ships Races 2013 и ее участник от Латвии, яхтенный капитан дальнего плавания Угис Калманис, десять лет возглавляющий Латвийскую ассоциацию обучения яхтенному спорту, не разделяет эту точку зрения: «Меня часто спрашивают, не жалко ли, что Латвия потеряла два таких уникальных парусника, – сказал он. – Мой ответ таков: это были немецкие парусные барки, построенные в 20–30-х годах XX века для перевозки зерна и других товаров из Южной Америки в Европу. Советский Союз получил их в качестве военных трофеев после победы во Второй мировой войне. И я считаю, что нам, стране, которая потеряла независимость в результате этих исторических потрясений, неуместно претендовать на распределение военных трофеев. И второе – если бы мы сохранили эти громадные яхты для нашей Морской академии, что с ними сегодня стало бы? Ведь для содержания учебного парусного судна такого класса требуются огромные деньги».

Многие рижане встречали легендарный парусник как близкого друга, который вернулся к родному причалу после затянувшегося морского путешествия (а уж прощались с «Крузенштерном», когда он вместе со всей парусной флотилией под звуки оркестра выходил из Даугавы в сторону Рижского залива, почти как с олимпийским мишкой – тысячи и тысячи людей с тоской смотрели вслед русскому кораблю, а потом долго махали руками, флажками, паннами, а кое-кто даже плакал...).

Нашим гидом на борту знаменитого четырехмачтовика, который прибыл в Ригу одним из первых, согласился стать третьим штурманом Вадим Новиков. Вадим в море ходит уже два года – после окончания Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. «Крузенштерн» – это хорошая школа для тех, кто хочет научиться управлять па-

Привет «Русскому миру» от курсантов парусного «Мира»!

русскими судами, потому что специально этому нигде не учат, – рассказал молодой штурман. – Курсанты после второго курса приходят к нам на практику по различным специальностям – судоводители, механики, радиооператоры, здесь они проходят обучение и получают свою первую квалификацию, либо матроса, либо моториста. Сейчас у нас на борту обучается 120 курсантов из разных морских колледжей Калининграда, Санкт-Петербурга и Астрахани, есть юнги и из Москвы. Плюс экипаж – еще почти 80 человек».

Мы заходим в судовой музей, здесь можно узнать всю историю парусника, начиная с момента его рождения на гамбургской судовой верфи в 1926 году, когда он еще назывался «Падуа». В январе 1946 года на «Падуа» был поднят советский военно-морской флаг, а в феврале судно получило название «Крузенштерн» – в честь адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна, ученого-гидрографа и руководителя первой русской кругосветной экспедиции 1803–1806 годов. Сегодня барк «Крузенштерн» принадлежит Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота России и регулярно участвует в международных парусных регатах. Наибольшего успеха в международных регатах «Крузенштерн» добился в 1992 году в регате, посвященной 500-летию открытия Америки. «Крузенштерн» победил в гонке от Бостона до Ливерпуля, во время которой развил рекордную скорость – 17,4 узла (32,4 километра в час).

«Я бы разделил всех, кто к нам прибывает на обучение, на тех, кто серьезно заинтересован в профессии и в обучении всем тонкостям морского дела, – рассказал капитан «Крузенштерна» Михаил Вячеславович Новиков, с которым мы общались в капитанской рубке. – Они приходят на судно, и сразу же видна степень их ответственности и серьезности. И есть категория курсантов, которые еще по-детски смотрят на жизнь, для них это всего лишь увлечение подросткового возраста. Так было во все времена, в том числе и наши». Капитан рассказал, что он сам когда-то был курсантом на барке «Седов» в Риге, с которым сейчас они часто обмениваются экипажами во время разных регат,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В Рижском заливе шведы открыли пальбу из пушек. Петровский «Штандарт» – на подходе...

так же как и с парусником «Мир». Поговорив с некоторыми курсантами, мы узнали, что самое интересное для них – забираться на мачты на высоту 50–60 метров, а самое тяжелое – парусные авралы, когда нужно в быстром темпе ставить паруса, убирать их, выравнивать реи. Проходить практику на «Крузенштерне» считается очень престижным, сюда попадает далеко не каждый, а только лучшие курсанты. Интересна история и единственного российского парусника XVIII века, «Штандарта», который был первенцем и любимцем Петра I. Корабль служил во флоте с 1703 по 1719 год, а в 1727-м был поставлен в Кронверкский проток за Петропавловской крепостью. Фрегат быстро пришел в негодность, и вдова Петра I Екатерина издала указ – парусник разобрать... В 1994 году группа энтузиастов взялась за строительство точной копии «Штандарта». На воду его спустили в 1999 году.

Строили корабль в Петербурге прямо на берегу Невы, в районе Орловского парка. Об этом рассказал капитан парусника Владимир Мартусь – многократный чемпион России по парусному спорту, серебряный призер чемпионата мира по виндсёрфингу, выпускник Ленинградского кораблестроительного института: «Здесь все по-настоящему. Судно построено из дерева, у нас натуральные веревки и паруса, нет клея и пластика. Понятно, что корабли того времени не ходили против ветра, то есть когда встречный ветер, мы либо вынуждены стоять, либо заводить двигатель. «Штандарт» принадлежит некоммерческой организации, и мы сами должны находить средства на содержание судна, но плавание на судне бесплатно для молодежи. Для перехода я нахожу 10 человек с опытом, и до 30 человек мы можем принимать молодых ребят «необстрелянных». Обстановка – спартанская.

Посланцы военно-морского флота Омана на параде в Риге

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Сон в гамаках. На роскошные условия рассчитывать не приходится». Остается добавить, что максимальная скорость «Штандарта» под парусами – свыше 13 узлов. Самый сильный шторм, который пережил «Штандарт», – 9 баллов. На паруснике 7 орудий, которые салютуют во время инсценировок исторических баталий. Фрегат исполнил роль корабля Кука «Резолюшн» в немецком документальном фильме и снимался в фильме об арктической экспедиции Виллема Баренца.

Под стать петровскому «Штандарту» возвышался у рижского причала и его ровесник, можно сказать, в некотором роде даже противник – самый большой в мире исторический парусник, шведский «Гётеборг», прототип которого загадочным образом затонул в 1745 году в шведских водах. На его борту везли большой груз из Китая – фарфор, чай, шелк. Парусник воссоздали в 1995 году. Снаружи и внутри парусник выглядит так же, как и 250 лет назад, здесь все сделано вручную в основном из дуба. Но есть и современная компьютерная система навигации.

Проводить гостей и полюбоваться парусниками во всем их величии вышли в море десятки любителей парусного спорта, они сопровождали колонну до Рижского залива на своих катерах, яхтах, моторных лодках и даже скутерах. Каждое проходящее мимо судно прощалось громким гудком, аплодисментами и даже музыкой. А шведский «Гётеборг» на радость публике произвел несколько пушечных выстрелов. Не ударил в грязь лицом и русский «Штандарт» – ответил такими же оглушительными залпами из своих пушек. Замыкал парусное шествие «Крузенштерн», за три дня в Рижском порту принявший на своем борту около 10 тысяч посетителей. Глядя на это фантастически красивое зрелище, мне вспомнились слова молоденького практиканта с «Крузенштерна». Он рассказывал, что многие люди плачут, когда российский парусник отходит от берега. Так было в Хельсинки, в Таллине, в Риге, да и в других портовых городах мира, где живут наши соотечественники. Парнишка искренне недоумевал – чего плакать? Эх, сынок...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НОВАЯ ВОЛНА В МЕДИЦИНЕ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЮРМАЛЕ ПРОШЕЛ ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ РУССКОГОВОРЯЩИХ ВРАЧЕЙ «НОВАЯ ВОЛНА В МЕДИЦИНЕ», В КОТОРОМ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ ОКОЛО 300 МЕДИКОВ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН – РОССИИ, ЛАТВИИ, БЕЛОРУССИИ, ЭСТОНИИ, УКРАИНЫ, ЛИТВЫ, ГЕРМАНИИ, КИПРА. СОПРЕДСЕДАТЕЛЯМИ ФОРУМА СТАЛИ ДВА ЛЕГЕНДАРНЫХ ВРАЧА РОССИИ И ЛАТВИИ – ЛЕОНИД РОШАЛЬ И ВИКТОР КАЛНБЕРЗ.

О РГАНИЗАТОРЫ ФОРУМА – Латвийское общество врачей, многие из членов которого когда-то обучались в медицинских вузах СССР, – решили провести профессиональную конференцию на русском языке с участием как маститых академиков, так и совсем еще молодых медиков. В конце концов, если огромную популярность в мире получила эстрадная «Новая волна», то почему бы не организовать такую же «Волну» и в медицине? Идею коллег поддержал латвийский академик, хирург-травматолог Виктор Калнберз, он помог им связаться с президентом Национальной медицинской палаты Леонидом Рошалем, «Детским доктором мира», как давно уже окрестили журналисты известного российского врача. Леонид Михайлович предложение рижан поддержал, со страниц специально созданного для «Новой волны в медицине» интернет-портала он обратился с при-

зывом ко всем соотечественникам, независимо от того, где они сейчас проживают и работают, принять участие в работе юрмальского форума: «Считаю, что это хорошая идея – собраться русскоговорящим докторам. Любый язык объединяет людей. И русский язык также. Именно это нас сближает. Нас сближает и наша профессия... Мы в разных странах делаем с вами одно дело. И каждый участник нашей встречи, надеюсь, готов поделиться своими мыслями, как нам это сделать лучше», – написал сопредседатель медицинской «Новой волны» Леонид Рошаль.

По аналогии с форматом эстрадной «Волны» медики также решили, что главной целью мероприятия будет поддержка молодых врачей-лидеров. Именно они должны сказать свое слово в медицине будущего, связанной с нанотехнологиями, иммунологией, биоинженерией, трансплантологией и т.д. Предста-

вить на суд мэтров свои научные рефераты согласились десятки молодых (до 35 лет) и талантливых сотрудников научно-исследовательских центров, государственных и частных медицинских клиник. Но помимо молодежного акцента русскоговорящие медики собрались и для того, чтобы узнать, что нового происходит друг у друга в странах, а также обсудить злободневные проблемы здравоохранения.

Громом аплодисментов встретили на «Новой волне в медицине» человека, которого называли совестью России, легендой и бриллиантом в созвездии врачей с мировым именем – Леонида Рошалья. Надо заметить, сам детский доктор наотрез отказался быть звездой и попросил его считать обычным человеком. Председатель Латвийского общества врачей Петерис Апинис, автор идеи нового форума и известный в Латвии врач, представляя сопредседателя собрания, выразил уверенность, что в новом веке продолжительность активной жизни человека будет длиться значительно дольше. И доктор Рошаль – убедительный пример того, что ждет нас в будущем: в свои 80 лет он не только оперирует, читает лекции, руководит медицинским центром, но еще и лихо водит машину. Вот и до Юрмалы он добирался из Москвы через Белоруссию за рулем собственного автомобиля.

Леонид Михайлович вспомнил, как впервые побывал в Латвии 55 лет назад, когда, будучи председателем студенческого научного кружка 2-го Московского мединститута им. Пирогова, участвовал в первой медицинской конференции при кафедре детской хирургии. Тогда же он познакомился и подружился с хирургами из Латвии – докторами А.П. Биезиным и Я.В. Волколаковым. «Это были легендарные хирурги и замечательные люди, – вспоминал Леонид Рошаль. – Доктор Биезинь был председателем той нашей первой врачебной конференции, которая продолжается уже более полувека. Я неоднократно бывал в Риге, но вот в Юрмалу попал впервые. Это действительно прекрасная идея проведения здесь русскоговорящего конгресса – спасибо вам! Я не принадлежу ни к каким партиям и живу по своим законам, для меня превы-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Врачи из Белоруссии и с Украины были рады встрече с «Детским доктором мира»

ше всего дружба и контакты между людьми, независимо от политики, от которой ничего хорошего я никогда не ждал и не видел. У нас с вами общая граница, это означает, что мы должны жить в мире и дружбе, оставив в стороне все то плохое, что когда-то было в истории наших стран. Мы должны вместе думать, что нам делать дальше. Русскоговорящие врачи сегодня живут по всему миру – это и Америка, и Европа, и Азия, и постсоветские страны, нам обязательно нужно больше общаться, нужно учиться друг у друга».

Его коллега-сопредседатель форума Виктор Константинович Калнберз, недавно отметивший свой 85-летний юбилей, высказал предположение, что Форум русскоговорящих врачей в Юрмале станет важным ежегодным событием в медицине и научно-исследовательской области, здесь его участники смогут делиться успехами и неудачами в медицинской практике, обсуждать проблемы здравоохранения, предлагая их альтернативные решения, вносить свои предложения для решения задач и вызовов современности. А ведущий вместе с Леонидом Рошалем заседание форума Петерис Апинис напомнил, что около половины студентов-медиков Европы обучаются профессии на русском языке, одна треть всех научно-медицинских журналов в Европе также выходит на русском языке, который является одним из рабочих языков ВОЗ. «Развитие современ-

ной медицины сегодня происходит фактически в двух разных пространствах – англоязычном и русскоязычном. Очень часто они не пересекаются. Это неправильно. Мы хотим у нас в Латвии предоставить площадку для встречи медиков, знающих русский язык, сегодня они проживают не только в странах бывшего Союза, но и в Германии, Израиле, США, Англии, Греции, Италии. Мы здесь тоже еще не забыли этот язык, – сказал журналу «Русский мир.ru» лидер Латвийского общества врачей. – У нас много общих проблем, о которых мы будем говорить в Юрмале на русском языке, будем искать варианты для сотрудничества и взаимопонимания».

О необходимости таких связей и контактов говорили многие участники русскоязычного форума, представляющие латвийскую сторону. Было заметно, что они с огромным удовольствием выступают на профессиональные темы на русском языке, чего многим из них не доводилось делать на медицинских конференциях уже почти двадцать лет. О своих планах и надеждах на сотрудничество с российскими коллегами журналу «Русский мир.ru» рассказал заместитель директора рижского Музея истории медицины им. П. Страдина профессор Юрис Салакс: «У нас хранятся уникальные материалы по дореволюционному, довоенному и советскому периодам, и сейчас мы ищем партнеров, которые помогли бы нам обрабаты-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

вать эти экспонаты. В России, к нашему сожалению, пока нет своего национального музея истории медицины, но у нас есть планы проведения больших совместных выставок. Так, одна из них, возможно, уже в ближайшее время будет организована в Институте Склифосовского под названием «Раритеты русской медицины» – сейчас идет обсуждение этого проекта. Мы уже готовим совместную российско-латвийскую выставку о янтаре в медицине и связанных с этим мифах. Мы прекрасно знаем и помним, что латвийская медицина базировалась на русской школе, большинство наших ведущих врачей и ученых-медиков обучались в Москве или Петербурге. В нашем музее множество экспозиций посвящено знаменитым русским медикам Латвии, экспонаты были переданы их вдовами и наследниками, думаю, они тоже представляют интерес для показа на выставках в России».

Выступивший с докладом доктор Рошаль признался, что многие вещи сегодня он услышал от латвийских коллег впервые, и они произвели на него сильное впечатление. Проблемы здоровья человека, затронутые на форуме, по мнению Леонида Михайловича, надо решать всем миром, в том числе и русскоговорящим. Сам доктор Рошаль рассказал участникам форума о деятельности возглавляемого им Международного благотворительного общественного фонда помощи детям при ката-

строфах – землетрясениях, обвалах, наводнениях. И этот рассказ, который сопровождался показом пронзительных слайдов с фотографиями искаленных детей, ставших жертвами природных стихий в самых разных уголках нашей планеты, никого не оставил равнодушным.

В перерыве между пленарными заседаниями «Доктора мира» окружили его коллеги из Белоруссии и с Украины, которые были рады лично пообщаться со знаменитым хирургом. Ответил Леонид Рошаль и на вопросы местных журналистов. Он признал, что в Латвии заслуживает внимания система последипломного обучения будущих медиков. «Нам интересно также более подробно изучить латвийский опыт реформ здравоохранения, чтобы не повторять ваши ошибки, – заметил российский детский хирург. – Смотрим, к чему привела у вас ликвидация советской системы здравоохранения, введение института семейных врачей, платных услуг. Что касается проблем этики, то на прошедшем недавно Первом конгрессе врачей России был принят подготовленный нами кодекс этики врача. Конечно, он носит рекомендательный характер. Пока не будет механизма саморегулирования, как в Германии, где за нарушение этических норм врача исключают из медицинской палаты и он больше не имеет права оставаться в профессии. Вы знаете о нашей Программе здоровья – это первый серьез-

Лидер латвийских медиков Петерис Апинис предложил сделать Юрмалу площадкой для встреч врачей, знающих русский язык

ный шаг, который был предпринят в 2008 году, после того как я, будучи председателем комиссии по здравоохранению при Общественной палате, внес предложение о признании здравоохранения России неудовлетворительным и не соответствующим Конституции РФ. Это было очень жесткое решение, но Общественная палата меня поддержала. А в результате родилась первая национальная Программа здоровья, под которую нам три года назад выделили 640 миллиардов рублей. Таких денег наша медицина еще никогда не видела. Но ситуация в стране была и впрямь катастрофичная, никто не хотел работать участковыми врачами на зарплату в 6 тысяч рублей. По распоряжению Владимира Путина им добавили еще по 10 тысяч. И народ пошел!» Провели модернизацию учреждений по оказанию неотложной медицинской помощи. Тем не менее, как признал Леонид Рошаль, 2–3 процента ВВП на здравоохранение – это в три раза меньше, чем в развитых странах. Незначительные перемены претерпела и российская система подготовки будущих медиков. Сегодня молодежь все еще охотно идет в медицинские вузы – конкурс есть, и немалый, что радует. Но плохо, что после окончания института сейчас нет распределения, молодой человек пять-шесть лет учится за государственный счет, а потом идет работать... в магазин. Как считает доктор Рошаль, выпускники медвузов должны после окончания учебы отработать определенное время по распределению. Напомнил он и о необходимости профилактической работы, про которую основательно забыли и в России тоже, но сейчас уже понятно, что для сохранения здоровья нации без нее не обойтись. Более 30 молодых медиков выступили на «Новой волне» перед маститыми учеными со своими докладами и презентациями, авторы лучших работ были награждены премиями по тысяче евро. Причем оценивалось не только содержание доклада, но и ораторское искусство выступающего, умение вести дискуссию, аргументированно отвечать на вопросы из зала. Организаторы форума договорились о встрече с коллегами на будущий год в Юрмале – на очередной «Новой волне в медицине». ■

СТАТУСНАЯ БИТВА

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

КАКИМ БЫТЬ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА УКРАИНЕ – ГОСУДАРСТВЕННЫМ, РЕГИОНАЛЬНЫМ ИЛИ ВТОРЫМ ИНОСТРАННЫМ? ОТВЕТ НА ЭТОТ ВОПРОС ЗАТЯГИВАЕТСЯ ДО 2016–2017 ГОДОВ.

ДЕЛО ПРОИСХОДИЛО в стенах Киевского университета. Шел VI Форум творческой и научной интеллигенции стран-участников СНГ. Его рабочим языком был объявлен русский. Неожиданно дров в костер спора о том, какой должна быть культура и культурный код нации, подкинули хозяева. На круглом столе «Тарас Шевченко: творчество

и межкультурный диалог» ученые из Ивано-Франковска и Львова предложили гостям из 11 стран слушать их доклады на украинском языке. Аргумент: «событие происходит в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко». Первой к выходу демонстративно потянулась профессура Киевского университета. Затем «диспут» покинули россияне, литовцы и

поляки, чуть позже гости из Армении и Франции.

– Я видел, что ученые из Средней Азии ничего не понимали, но деликатно не покидали стен аудитории. – Расстроенный Виктор Сидоренко, народный художник Украины, с осторожностью подбирает слова. – А организаторы секции, к их и моему стыду, не сделали замечания докладчикам, хотя неуважение к гостям налицо. Это один подход к росту национальной идентичности украинцев. Есть и другой. Здоровые силы все же понимают, что русский язык останется языком межнационального общения, а английский – языком глобализации. Но эти силы у нас, как профессура Киевского университета, могут лишь робко протестовать против неуважения к гостям. Он задумчиво помолчал и добавил: «И к себе, получается». Впрочем, ситуации, когда гостям, спрашивающим по-русски, отвечают «на ридной мови», на Украине все реже считают проявлением неуважения.

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

ИГРА НА ПОНИЖЕНИЕ

Тренд эпохи на Украине другой. На улицах, в метро или в вузах Киева часто можно увидеть социальную рекламу: «На украинском говорить модно!» В чем приходилось убеждаться не раз. Если спросить: «Как пройти?..» или «Как доехать?..» – не всегда, но все чаще, особенно молодежь, ответит по-украински. Вовсе не потому, что хочет подчеркнуть суверенную дистанцию от России или проявить национальную идентичность. «Просто привыкли, – объясняет студент Киевского университета Анатолий Гуменюк. – Русские слова уже вспоминать надо». Однако если турист что-то покупает в магазине или на рынке, делает заказ в ресторане или кафе, все та же молодежь с необычайной легкостью переходит на русский язык. «Просто надо», – без тени осуждения и иронии комментирует обыденную ситуацию Гуменюк.

Пожалуй, две мотивации – «привыкли» и «надо» – во многом объясняют перманентно меняющуюся политику официально-го Киева по отношению к статусу русского языка на Украине. Эта языковая политика как мозаика в калейдоскопе. Перетекает из статуса в статус, уже не с каждой сменой власти, а в рамках одного президентства – Виктора Януковича. Надежда на определение статуса русского языка постоянно меняется. И каждый раз игра идет на его понижение.

Сегодня уже мало кто помнит, но одно из предвыборных обещаний Виктора Януковича – придать русскому языку статус официального на Украине, где на востоке и юго-востоке 85 процентов населения – русскоязычные, а для 47 процентов населения страны русский – родной язык. Всего же на русском языке говорят до 75 процентов граждан Украины. Однако почти сразу выяснилось, что шансов у русского языка стать государственным почти нет. Для этого соответствующий законопроект, который пока никто не собира-

ется даже разрабатывать, должен набрать в Верховной раде две трети голосов. Что было невозможно при «оранжевых» и почти невозможно при нынешней власти. Ведь два года назад, когда проект закона предлагал объявить русский язык официальным (вести документооборот на двух – украинском и русском – языках и вести преподавание в части школ и вузов на русском языке), депутаты от оппозиции устраивали безобразные драки в парламенте и попросту заблокировали принятие закона.

Теперь страна готовит очередные (им несть числа) поправки к закону «Об основах государственной языковой политики». Этот закон, подписанный в августе 2012 года Виктором Януковичем, но не ратифицированный парламентом, предоставлял русскому языку, как и языкам других народов Украины, статус регионального. По этому проекту закона в тех областях страны, где хотя бы 10 процентов населения говорят на негосударственном языке, он может использоваться наряду с украинским в публичной сфере, в суде- и делопроизводстве. Однако и этот проект был провален парламентом. Акции протестов националистов на западе страны и очередные драки в парламенте привели к тому, что проект закона опять был отправлен на доработку.

На сей раз рабочую группу экспертов по языковой политике возглавил первый президент страны, Леонид Кравчук. Он имеет репутацию крайне осторожного, центристски настроенного политика. И тем не менее принятие поправок к закону радикальнее даже тех, на которых настаивала парламентская оппозиция. Они еще более затрудняют получение официального статуса для любого языка, в том числе русского.

Так, если изначально закон закреплял за украинским языком статус государственного, а все остальные могли быть региональными при условии, если на нем в регионе говорят хотя бы

10 процентов, то последние поправки эту норму ужесточают. По новому проекту, чтобы язык получил статус регионального, на нем должны говорить как минимум 30 процентов населения. Кроме того, если, по закону, решение о придании языку статуса регионального принимает сельский, местный или областной совет, то после вступления поправок в силу по каждому случаю окончательное решение будет принимать Верховная рада. Так фактически предложенные поправки идут вразрез с предвыборными обещаниями Партии регионов и Виктора Януковича о предоставлении русскому языку статуса второго государственного.

– Когда поправки вступят в силу, сделать любой язык не то что государственным, а даже региональным будет гораздо сложнее, – считает депутат-регионал Вадим Колесниченко. – Но мы не теряем надежды придать всем языкам, на которых говорит страна, статус региональных. Так как более половины всех украинцев говорят на русском языке, мы по-прежнему предлагаем использовать его не только на бытовом уровне, но и на общенациональном – в школах, университетах, госучреждениях и парламенте. Новые поправки этот план упраздняют, но, думаю, не навсегда.

ИГРА НА ПОВЫШЕНИЕ

Игра на повышение процентных ставок для придания языку статуса регионального продиктована тем, что по старому проекту закона русский язык могли бы легко признать региональным во всех восточных и нескольких центральных областях Украины. Это полстраны: Сумская, Харьковская, Луганская, Донецкая, Днепропетровская, Запорожская, Херсонская, Николаевская и Кировоградская области, а также юг – Одесская область и полуостров Крым.

– Если бы в большей части страны русский стал региональным, слишком велик шанс, что депутаты-регионалы вновь под-

няли бы вопрос о повышении его статуса до уровня второго государственного, – полагает политолог Михаил Погребинский. – Впрочем, предлагаемые поправки тоже этому не особо мешают, но затрудняют русскому языку продвижение к официальному статусу. Ведь у Партии регионов в парламенте стойкое большинство. Они могут сначала сделать русский язык региональным в большей части страны. После этого уже можно говорить и о втором государственном языке.

Однако состояние неопределенности, когда у русского языка нет никакого статуса, похоже, становится новым правилом формирования национальной идентичности украинцев. Ведь одновременно с ужесточающими поправками к закону о языках рабочая группа Кравчука разработала «Государственную программу развития украинского языка». По ней, используя опыт стран Балтии и Казахстана, создаются регулярные курсы изучения украинского языка для госслужащих, военных и других граждан страны. По опыту России создаются языковые курсы (платные) и вечерние школы (бюджетные) для мигрантов, желающих учить украинский язык. Разработчики госпрограммы предлагают также обеспечить все учебные заведения литературой на украинском языке, подготовить комплексный онлайн-курс по его изучению, обеспечить поддержку книгоиздания на украинском и функционирование украинского языка в сфере кино. К зарплате учителей украинского языка и литературы доплаты уже установлены. А популяризация государственного языка продолжается с помощью социальной рекламы и концертов эстрадных звезд.

Но оппозиция, включая парламентскую, крайне недовольна «трусливым» продвижением государственного языка. Парламентарии от «Батькивщины» опять отказываются голосовать за поправки рабочей группы Кравчука, предлагая свои. На сей

раз они подготовили совместный проект закона о языках. Его авторы – депутаты Мария Матисос («УДАР»), Ирина Фарион («Свобода») и Владимир Яворивский («Батькивщина») – переплюнули ученых из Ивано-Франковска и Львова, предлагавших иностранцам слушать свои доклады на украинском языке. Неореформаторы законодательно предписывают, например, врачам общаться с пациентами «исключительно на украинском языке»; телеграммы отправлять либо на украинском, либо с использованием букв латинского алфавита; преподавать только «на государственном языке». И хотя большинство парламентариев и экспертов считают эту законодательную инициативу перегибом и говорят, что в таком виде ее никогда не примут, «разминка» перед дискуссией в обществе опять началась. Что вновь отодвигает время определения статуса русского языка на Украине уже хотя бы как регионального языка.

Более того. Как утверждает большинство экспертов, скорее всего, подвешенное состояние, в котором находится русский язык, продлится неопределенно долго. По прогнозу политолога Михаила Погребинского, украинское общество к полноценным дискуссиям по языковому вопросу вернется ближе к президентским выборам 2015 года.

РУССКИЙ – ВТОРОЙ ИНОСТРАННЫЙ?

А пока русский язык выживает на Украине как может. По факту он «временно» находится вне всякого статуса и закона. На государственном уровне, если не считать сокращающееся количество русских школ, русский язык в школах и вузах не изучается. Как признают и политолог Михаил Погребинский, и парламентарий Вадим Колесниченко, это продуманная, но временная языковая политика украинского государства. Оно заинтересовано в росте национальной идентичности своих граждан за счет роста популярности и востребованности государственного язы-

ка и в сужении ареала использования русского. Затягивание с неопределенностью статуса русского языка позволяет поднять авторитет украинского языка и по факту снизить статус русского языка до второго иностранного. Дело в том, что с сентября 2013 года во всех украинских школах с первого класса введено обязательное изучение иностранного языка. Таков новый, как подчеркивают законодатели, европейский «Государственный стандарт начального и среднего базового образования». По стандарту начиная с пятого класса вводится обязательное изучение второго иностранного языка. Первым остается английский язык, а для второго всем школам и учащимся предоставлено право выбора. По данным Министерства образования и науки Украины, на сентябрь 2013 года большинство школ со вторым иностранным определилось почти сразу: 45 процентов школ выбрало немецкий язык, 30 процентов – русский, 14 процентов – французский, 8 процентов – английский (усиленное изучение английского языка), 2 процента – польский, 1 процент – испанский. Однако, как считают чиновники Минобра Украины, количество школ, которые будут и дальше выбирать русский язык как второй иностранный, станет расти. Проблем две. Первая – кадровый голод: учителей иностранных языков не хватает, и их почти не готовят, а учителя русского языка, вытесненные из школ в годы языковых реформ бывшего президента Ющенко, часто просто безработные. Вторая проблема – растущий в обществе спрос на русский язык.

– Потребность в грамотном русском осознает все большая часть родителей и педагогов, – считает оппозиционный депутат Лилия Гриневич (фракция «Батькивщина»), председатель комитета Верховной рады по вопросам науки и образования. – Он остается языком межнационального общения. А вторым иностранным должен быть

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКОВ

действительно иностранный, а не русский. Но для этого у нас не хватает педагогических кадров. Поэтому школы и выбирают русский язык как второй иностранный. По данным, которыми располагает наш комитет, в Киевской области около 57 процентов школ изучает вместо второго иностранного языка русский, а в Донецкой – 88 процентов. Так Минобр декларирует европейские лозунги, но не может им соответствовать. Впрочем, Министерство образования и науки Украины «палки в колеса языковой реформы» от депутатов принципиально игнорирует. Как заявил министр образования и науки Украины Дмитрий Табачник, выступая на VI Форуме интеллигенции СНГ, русский язык как второй иностранный будут последователь-

но изучать школы, которые этого захотят сами. Таким образом, ставка Украины на определение статуса русского языка контурно, но прорисовывается: в неопределенном будущем, возможно, это региональный язык в тех регионах, где исторически живут русские и говорят на русском не менее 30 процентов населения. Но, скорее всего, в большей части страны русский язык превратится во второй иностранный язык. Что фактически уже началось.

ЧТО ЗАВТРА?

Когда в кулуарах Киевского университета журналисты и академики спросили ученого с мировым именем Бориса Патона: «Как же так? Русский для украинцев – второй иностранный?» – ученый только философски улыбнулся.

– Не ждите от меня оценок, кто прав, кто виноват, – сказал, отвечая на вопрос корреспондента «Русского мира.ru» Борис Патон, президент Национальной академии наук Украины. – Все мы, расставшись с советской идентичностью, как можем, так и ищем свой культурный код и свое лицо. Свое лицо – это культура, а тело – экономика. Лицо пока в подростковых прыщах, а тело болит. У нас все болит. В этих условиях вся надежда на мудрость народа и ум власти. Народ и не думал отказываться от русского языка. А власть... Умная власть, видя противоречивые проявления культурного и ококультурного процесса, старается найти себя в интеллектуальном процессе, а не подчинить его себе. ■

«СЛОВО ЗА НАМИ!»

ЖУРНАЛ «РУССКИЙ МИР.RU» ПУБЛИКУЕТ ОДНУ ИЗ РАБОТ, ПРИСЛАННЫХ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС «СЛОВО ЗА НАМИ!», КОТОРЫЙ ПРОВОДИТСЯ ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР» В СВЯЗИ С ПРАЗДНОВАНИЕМ В 2013 ГОДУ 1150-ЛЕТИЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. ПРЕДСТАВЛЯЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ЭССЕ НИКОЛАЯ ВИНОГРАДОВА ИЗ КИРГИЗИИ, ЗАЯВЛЕННОЕ АВТОРОМ В НОМИНАЦИИ «СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ РУССКОГО МИРА». С УСЛОВИЯМИ КОНКУРСА МОЖНО ОЗНАКОМИТЬСЯ НА ПОРТАЛЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» (WWW.RUSSKIYMIR.RU). НАПОМИНАЕМ, ИТОГИ КОНКУРСА БУДУТ ПОДВЕДЕНЫ В ОКТЯБРЕ 2013 ГОДА, А ПОБЕДИТЕЛЕЙ ПРИГЛАСЯТ НА VII АССАМБЛЕЮ РУССКОГО МИРА, КОТОРАЯ ПРОЙДЕТ 3-4 НОЯБРЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ.

Э ССЕ... ЧТО ЭТО ТАКОЕ? Открываю толковый словарь, читаю: эссе – это жанр, «сочетающий подчеркнуто индивидуальную позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь». Вот я и выскажу свою, возможно, слегка парадоксальную, точку зрения.

Я родился в 1991 году – в год, когда распался Советский Союз. Мои родители, хотя и хорошо знали слова великого Конфуция: «Не дай нам Бог жить в эпоху перемен», решили, что жизнь не кончается с распадом страны. Вот я и появился. В киргизской земле похоронены мои прабабушки, прадедушки, бабушка. Здесь живут еще одна моя бабушка и два деда. Один мой дед, профессор, до сих пор преподает физику в Киргизском национальном университете, хотя ему уже 87 лет. Преподает на русском языке, и с каждым годом у него все меньше групп, обучение в которых ведется на русском языке. Если двадцать лет назад в этих группах училось до ста студентов, то сейчас их пять-шесть. Вот такая грустная статистика.

Кому он нужен, этот русский? – часто слышим мы сегодня. Эдакий двойной смысл. А действительно: кому он нужен, этот русский человек, который живет не в России? И нужен ли русский язык тому, кто живет не в России? Все языки одинаково хороши для тех, кто на них говорит. Но никто не усомнится в том, что человеку, владеющему несколькими языками, доступно гораздо больше, чем моноязычному. Такой человек имеет доступ к сокровищам культурного наследия тех народов, языком которых владеет. Это огромное богатство. Человеку, владеющему русским языком, открыта дверь в Русский мир.

У моего деда есть знакомый – Шаршекеев Озгоруш. Он – член-корреспондент НАН КР, доктор физико-математических наук. Самое главное – он очень интересный человек. Ему 75 лет, он настоящий Учитель. И мне, и своим студентам он рассказывает о том, что отец его был репрессирован, сослан в 1938 году в какой-то лагерь, где и пропал. Вскоре умерла мама, и он остался в маленьком селе у дальних родственников. В селе не было ни одного русского человека, школу Озгоруш

окончил в 20 лет и, не зная практически ни слова по-русски, приехал во Фрунзе поступать на физический факультет, так как бредил астрономией. Ему было невероятно трудно понять, что означает слово «произведение» в математике (он знал, что есть произведения Пушкина и Гоголя, так как же может быть какое-то произведение в формуле?), что означает «частное» (у них в селе был один человек, не вступивший в колхоз, – его все звали «частный Асыл» – так о каком «частном» может идти речь, когда делят одно число на другое? Ведь ни о колхозе речь не идет, ни о дядюшке Асыле, который в этот колхоз вступать не пожелал). «Эх! – говорит Озгоруш Шаршекеевич, – если бы вы только знали, ребята, как мне было тяжело без русского языка...». Но таких, как Озгоруш Шаршекеевич, не так много. Есть немало преподавателей, которые нам – тем, кто учится в группах с русским языком обучения, – читают лекции на киргизском языке, игнорируя наши просьбы перейти на русский. А ведь большинство этих преподавателей учились на русском языке, многие – в России. Но в их головах и сердцах произошла большая перемена. Такая же перемена случается и с теми, кто стремится во власть. Накануне выборов все они бьют себя в грудь и кричат с высоких трибун о братстве и равенстве языков. Но что за перемена, какого масштаба происходит в их душах, если, придя к власти, они вывешивают на своих кабинетах таблички: «Здесь говорят только по-киргизски»? Они построили в своих душах мощные баррикады, отгораживающие их от Русского мира.

Жаль, что мне не посчастливилось пожить в то время, когда все страны СНГ были одной великой державой. Сегодня я бегу по административному корпу-

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

су нашего главного вуза страны и читаю надпись на дверях: «Здесь говорят только на киргизском языке!» Выросло целое поколение моих ровесников, кто русский язык не знает и не хочет знать. «Нам и без него нормально», – твердят они, толкая перед собой тачку по базару. Им внушают это те, на чьих кабинетах висят таблички: «Здесь говорят только по-киргизски»... Начальникам гораздо легче управлять «тачкистами» (как их у нас называют), чем иметь дело с теми, кто знает не только киргизский и стремится получить хорошее образование (а не захочет ли потом этот образованный молодой человек занять его кабинет и сменить табличку на дверях на такую: «Здесь говорят на том языке, на котором вам удобно?»). Многие мои сверстники понимают, что сегодня без русского языка они вполне могут прожить в Кыргызстане. Но огромное количество тех, кто мечтает выучить русский и уехать в Россию. Да, сегодня отношения с Россией заметно холоднее, чем были до пресловутой «тюльпановой» революции. Все мы прекрасно понимаем, почему это происходит. Навер-

ное, властям без разницы, с кем дружить. Кто больше заплатит, с тем и дружат. Сегодня продается многое. Своя цена есть и у дружбы. Вот только простые люди хотят все же дружить с Россией. Оказывают ли помощь тем, кто хочет знать русский язык? На государственном уровне – нет. Хочешь учить – учи, не хочешь – не учи. Каждый делает выбор сам и помощи не ждет. Кто-то просто отдает детей в школы с русским языком обучения (с этим в столице проблем нет, так как большинство школ здесь с преподаванием именно на русском; а вот в регионах наоборот: только школы с киргизским языком обучения и носителей русского языка нет вообще). Зреет проблема: учителя стареют. Молодые в школы не идут. Зарплата в 50 долларов при колоссальной физической и психологической нагрузке мало кого привлекает. Кто помогает в изучении русского языка? Как это ни банально – Россия. Учебники – из России, пособия и методические разработки – из России. Официальный Кыргызстан эту помощь снисходительно принимает: хотите – помогайте, хотите – нет. А вот люди,

простые люди, а не те, на чьих кабинетах висят пресловутые таблички, благодарны. Родители, не говорящие на русском, приводят детей в школы с русским языком обучения. Сами приводят, их ведь никто не заставляет. Они двадцать лет толкали тачку по грязному рынку с громким криком: «Жол! Жол! (Дорогу!)» и не хотят, чтобы их дети занимались тем же. Сам я химик. Помимо учебы работаю с киргизскими ребятами (русских-то осталось менее 10 процентов) и волей-неволей помимо химии прививаю им любовь к великому русскому. Вы говорите о языке Тургенева и Толстого? Мне, честное слово, смешно: какой Тургенев? Какой Толстой? Слушаю, как общаются ребята на перемене: «Ну, ты, конкретно в кайф?» Второй отвечает: «Чисто конкретно. Ат души»... «Да ты не парься, бухни и откисай»... Так говорят и мальчики, и девочки и прекрасно друг друга понимают. И я их понимаю: куда деваться – современный подростковый сленг. В наших ли силах этому сленгу противопоставить волшебный русский, на котором «отговорила роща золотая»? Уве-

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

рен, мы, русские, преподающие в Кыргызстане, можем и должны это сделать. Химия – наука очень серьезная, сложная и интересная. Есть масса невероятных зрелищных опытов, которыми можно завлечь ребят. Те, кому это интересно, приходят ко мне и после уроков. Мы делаем с ними хлопушки и бенгальские огни, фейерверки и переводные картинки, выращиваем невероятные кристаллы и при этом обсуждаем самые разные темы. Нечто вроде давно забытого кружка. Мы говорим о новых фильмах и передачах. Мы говорим с ребятами на настоящем русском языке.

Говорят, что существуют три стиля речи. Высокий, чтобы общаться с Богом. Средний – для простого разговора. И низкий, который можно позволить только в общении с самим собой. А у нас высокого стиля сейчас просто не стало, средний занял его место, а низкий – это язык общения. Ведь мы что угодно можем услышать на телеканалах. У нас нет мужчин и женщин – одни «мужики и бабы», «телки» и «мочалки», не лицо, а «морда», «фейс». И все это – по центральному российскому ка-

налам. Мат, насилие и ужасающая речь на языке, который не хочется и нельзя называть русским, льется грязным потоком в уши, а затем умы, души и сердца наших ребят. Кому он нужен, такой русский язык? Никому. Его нельзя слушать, на нем нельзя говорить. «Но ведь на нем говорят, – возражают мне ребята, – говорят на российских каналах, значит, и нам можно». Вы бы слышали, как они цитировали Сашу Белого и Космоса из «Бригады». Этот блатной жаргон телевидение буквально вколачивает в ребят. Ах, эта мнимая романтика зоны... А давайте-ка почитаем об этой «романтике» у Солженицына. Я учу их говорить на другом русском. Все ли они меня понимают? Наверное, нет. Но даже если пять-десять человек из класса задумаются над тем, какой русский язык им нужен, я считаю это огромным достижением.

В Кыргызстане сегодня рьяно пропагандируется лозунг «Учить нельзя, забыть», относящийся к русскому языку. Хорошо, что не все на эту пропаганду ведутся. Но ровесники развала Союза, мои ровесники, которые не знают ни слова по-русски, – вот тот

контингент, который охотно верит в то, что все беды в Кыргызстане от русского языка. Им не нужны аргументы, им это вбили в головы, и им проще воспринимать это как аксиому. Их учат ненависти к людям, говорящим по-русски. 70 процентов населения Кыргызстана вообще не говорят по-русски, а уж тем более не пишут и не читают. Пыла наших властей хватает лишь на громкие бесконечные нападки и самую настоящую истерию. Когда их слушаешь, создается впечатление, что все беды у нас происходят из-за русского языка. А вот если бы все говорили по-киргизски, то наступило бы у нас процветание?! Кто главные хранители русской культуры в нашей стране? Мне кажется, каждый русскоязычный, каждый, для кого русский является родным языком. Написал и задумался: а каждый ли? Русских у нас в Кыргызстане осталось мало. И немалая часть из оставшихся влечит жалкое существование. Жуткие лица людей дна в нашей стране – в основном русские. Бомжи и алкоголики – в основном русские. Конечно, не они носители русской культуры, да и ка-

кой бы то ни было культуры вообще. Их не так много, но они есть, и это пугает, так как ребята их видят, запоминают и задают очень нелюбимые вопросы: «Вот они – русские. Чему они могут нас научить? Это ваш Русский мир?» Приходится отвечать. Да, это опустившиеся, несчастные люди, которые уже вряд ли смогут вернуться к нормальной жизни. Такие были и будут всегда. У любого народа. И они вас ничему не научат. Так кто же является проводником русской культуры? В первую очередь это мы – русские учителя, которые независимо от того, какой предмет преподают, учат ребят говорить по-русски. Учат русской истории, рассказывают о русской культуре. Учат и химии, в которой русские сделали массу ярчайших открытий (один Менделеев чего стоит! А Ломоносов? Он и жнец, и швец, и на дуде игрец – и химик, и физик, и математик, и при всем при этом еще и поэт!). Сами учителя собственным примером (как это ни банально и высокопарно звучит) преподают ребятам культуру русской речи, русскую культуру вообще. Кому он нужен, этот русский, и в каком виде? Нужен ли ребятам русский фольклор? Думаю, нет. Скажу честно, я и сам начинаю скучать, когда слышу старинные русские заунывные песни или игру на балалайке. Но вот научить киргизских ребят любить русский язык, русскую культуру, Россию – это я хочу и с удовольствием делаю. Тем более сегодня очень многие хотят знать русский. Что лукавство: Кыргызстан очень слабое и экономически неразвитое государство. После развала великого Союза все наши мощные заводы и фабрики с уникальным оборудованием разобрали по винтику, по кирпичику и продали в соседний Китай. Вы представить себе не можете, какой это ужас – идти по восточной окраине нашей столицы, где на многие кварталы растянулись жуткие развалины бывших заводов-гигантов. Этакий

«Сталкер» или Припять. Правда, ни атомных взрывов не было, ни войны. Где все те, кто работал на этих заводах? Иных уж нет, а те далече. Большинство в России. «Катитесь, катитесь, – кричали им вслед, когда все ринулись в 1991-м от греха подальше, – проживем и без русских!» «И без русского языка проживем, – вторили им, – мы по-русски наговорились!» А у меня в голове строчки из великолепного стихотворения Окуджавы: «Виновен не язык, а подлый дух холопский». Люди всегда сами виноваты в том, что дух холопский превалирует над здравым смыслом. «Забудьте русский язык! Он вам не нужен!» – кричали со всех сторон. Дошло до абсурда: «И фамилии нам не нужны, пусть у русских они будут, у нас по-другому!» И что? Сегодня тысячи парней и девушек, родившихся в те годы, не могут выехать из страны потому, что вместо фамилии у них в паспорте запись: уулу (сын) или кызы (дочь). Алмаз уулу Айбек – Айбек сын Алмаза или Сапар кызы Венера – Венера дочь Сапара. И получается, что в классе пять дочерей Сапара и восемь сыновей Алмаза. Путаница и неразбериха. Сейчас все паспортные столы страны переполнены заявлениями с просьбой изменить паспортные данные на русский вариант. Зачем? Те, кому сегодня около 20, хотят ехать в Россию – кто-то продолжить учебу, кто-то работать. Ведь только по официальным данным, из нашей страны в Россию выехало более миллиона человек. А это пятая часть всего населения! И продолжают уезжать тысячами. Причем едут коренные жители – киргизы, ведь русские давно уехали почти все. Как у нас в Кыргызстане относятся к русским? Вы знаете, сегодня часто с удивлением спрашивают: «Как, вы не хотите в Россию? Но ведь там лучше, даже мы, киргизы, уезжаем туда». Нас здесь осталось слишком мало, чтобы к нам относились плохо, как это было двадцать и даже десять лет назад. Тогда русских бук-

вально захлестнула жуткая волна ненависти. Тогда многие все бросали и бежали в Россию. Сегодня тех, кто не опустил (а таких русских здесь подавляющее большинство), уважают. Чувствуем ли мы помощь России? Буду честным – я не чувствую. Да и какая она может быть – эта помощь? Если у тебя есть голова на плечах, если ты хочешь чего-то добиться – то действуй. И не надо никому внушать: учи русский язык. Многие сами хорошо это понимают.

Совсем недавно я написал такие строки, которые читал ученикам:

*Для мировой культуры
история Руси –
Не пласт, а целый пластище!
Ты у меня спроси:
«Что ж так важна для мира
история страны,
Которую стараются порвать,
как рвут штаны?»
А я тебе отвечу:
в стране с названием «Русь»
История великая. Россией я горжусь!
Порвать ее на части,
на мелкие клочки
Хотят враги культуры.
А ну-ка, мужички!
Давайте-ка теснее
сплотим свои ряды,
Наш мир, культуру русскую
спасем мы от беды!»*

Ребята меня слушали и, помоему, слышали... Никто не говорит сегодня о дружбе народов. Анахронизм ли это понятие? Умерло ли оно двадцать лет назад вместе со смертью великого государства? Можно ли его реанимировать? Сложный вопрос. Но, несмотря ни на что, я не теряю надежды на то, что восторжествует разум, и слово (а главное – дело) за нами – молодыми, правильными, любящими Россию и русский язык, открывающими дверь в Русский мир ребятам других национальностей...

*С уважением к России,
русскому языку и русской культуре,
Николай Виноградов
(русский киргиз
или киргизский русский?)
Бишкек*

СОЛНЦЕ АУСТЕРЛИЦА ПОГАСЛО В ЛЕЙПЦИГЕ

И. Ругендас.
Битва народов
(Сражение
под Лейпцигом
16–19 октября
1813 года)

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

БЕЗ МЕСЯЦА СТО ЛЕТ, КАК В НЕМЕЦКОМ ГОРОДЕ ЛЕЙПЦИГЕ ПРОШЛО ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОСВЯЩЕНИЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСИЯ, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО. НА ТОРЖЕСТВА ПРИБЫЛИ ДЕЛЕГАЦИИ МНОГИХ СТРАН ЕВРОПЫ, В НИХ УЧАСТВОВАЛИ КАЙЗЕР ГЕРМАНИИ ВИЛЬГЕЛЬМ II, КОРОЛЬ САКСОНИИ ФРИДРИХ-АВГУСТ III, НАШУ ДЕРЖАВУ ПРЕДСТАВЛЯЛ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ.

Д О НАЧАЛА ПЕРВОЙ мировой войны оставалось менее года. Многие уже понимали, что совсем скоро не совместные торжества, а жестокое противоборство на фронте станет причиной следующих встреч русских и пруссаков. Но тогда, в октябре 1913-го, на окра-

ине большого поля под Лейпцигом люди старались об этом не думать. В голове не укладывалось, что солдаты почетного караула в мундирах разных стран, сопровождавшие при перезахоронении в крипте нового храма прах русских генералов Шевича, Кудашева, подполковника Юргенева, безымянных нижних чинов, станут врагами друг другу. И уж тем более никто на церемонии и представить себе не мог, что спустя несколько лет великий князь Кирилл первым из членов дома Романовых снимет царские вензеля с погон, нацепит красный бант на мундир и принесет присягу Временному правительству...

Деньги на храм в Лейпциге собирали всей Россией. Да так успешно, что от первого сданного рубля до закладки церкви прошло всего пять лет. Сам храм построили невероятно быстро – за неполных десять месяцев. Аккурат к 100-летию Битвы народов, которая состоялась в Саксонии 16–19 октября 1813 года. Битвы, ставшей последним и решающим крупным сражением военной кампании того года между наполеоновской Францией и 6-й коалицией европейских стран во главе с Россией.

Памятник
Битве народов.
Лейпциг.
Архитектор
Бруно Шмитц.
1898–1913 годы

ВО ВРЕМЯ ПЕРЕМИРИЯ

Новый виток противостояния предваряли несколько недель мира. Если таковыми можно назвать два с лишним месяца, наполненных войной дипломатов, формированием резервов, организацией поставок вооружений, боезапаса и провианта. Это был тот самый мир, что хуже любой войны. Потому как всем было ясно: он кратковременен и ненадежен. И нужен обеим сторонам только по одной причине – подготовка к новым сражениям.

Формально переговоры шли. Как между политиками и дипломатами враждующих групп, так и внутри антинаполеоновской коалиции. И весьма непросто определить, где именно процесс шел труднее и запутаннее. Расшифровать позицию Бонапарта особых сложностей не представляло. Было очевидно, что, с одной стороны, он тянет время, восстанавливая боеспособность армии, с другой – рассчитывает на чувство страха перед своим гением, которым была пропитана вся Европа в течение многих лет. Французский император предполагал, что едва сформировавшуюся коалицию противоречия разорвут изнутри. Уж больно по-разному смотрели на войну и мир Россия, Пруссия, Австрия, Англия и Швеция.

Русский император Александр I твердо стоял на своем: Париж должен пасть, и Наполеон вместе с ним. Иначе мира в Европе не достичь. Но при этом царь понимал, что в одиночку такую задачу России не решить. Даже вместе с агрессивно настроенной Пруссией вряд ли удастся. Рассчитывать на военную помощь британцев было наивно. Они соглашались оплачивать расходы, контролировали морские коммуникации, но ввязываться в сухопутную войну опасались. Да и не сказать, что располагали для этого большими ресурсами. Британские солдаты завязли в войне с французами в Испании и Португалии. Постоянного внимания требовали далекие колонии, где то и дело вспыхивало недовольство.

Шведский кронпринц Карл-Юхан, в недавнем прошлом маршал Франции Жан Бернадот, армию выставил, но решать собирался только локальные задачи на севере германских земель и во французской союзнице Дании, территорию которой ему очень хотелось уменьшить ровно на одну Норвегию.

Самыми хитрыми и двуличными выглядели австрийцы. Меттерних даже специальный термин запустил в обиход: «вооруженное посредничество». По его схеме, русские и пруссаки должны были пребывать в постоянном беспокойстве по поводу того, активизируется ли австрийская военная сила или нет. Беспокойство сие усугублялось непомерными амбициями Вены по части дележки наследства Наполеона. В то же время нелишне и самого Бонапарта держать в таком же состоянии. Нервировать, но мосты за собой не палить. А вдруг грянет-таки генеральное сражение, корсиканский гений свершит чудо – и что тогда? Россия вернется в свои пределы залечивать раны, шведы и британцы укроются за северными проливами. Пруссак? Ну, тем не привыкать сидеть под Наполеоном. Выходит, главной жертвой станет... Австрия?

Итак, в Праге шел своим чередом мирный конгресс, по всеоб-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

щему убеждению, обреченный на неудачу. Наполеон, верный привычке считать себя всегда правым, писал жене (между прочим, дочери австрийского императора): «Мира не будет, если австрийцы не перестанут ловить рыбу в мутной воде...» Так оно в целом и случилось. Пражский конгресс завершился ничем. Кроме того, Бонапарт знал, что параллельно в Бреслау (ныне – Вроцлав, Польша) идут внутрикоалиционные переговоры, цель которых – выработать стратегию войны на втором ее этапе. К слову, там у союзников дела продвигались куда успешнее. К середине августа британцы уже начали платить. А у русских, австрийцев, шведов и пруссаков родился окончательный план, отцом которого стал наш генерал Карл Федорович Толь.

Все собранные союзниками силы поделили на три части: Богемскую армию под командой австрийского фельдмаршала Шварценберга (250 тысяч), Силезскую армию под началом прусского фельдмаршала Блюхера (100 тысяч) и Северную под рукой шведского кронпринца Бернадота (150 тысяч). Также учитывали и потенциал формирующейся в Варшавском герцогстве армии под управлением русского генерала Леонтия Беннигсена (60 тысяч). Не считая польского кулака, который присоединился к войскам только в конце сентября, Россия выставила свыше 170 тысяч солдат и офицеров. То есть более трети всех сил коалиции. Причем самой боеспособной трети. В течение всей осени русские докажут, что это заявление – не преувеличение. Надо отдать должное солдатам-пруссакам, которые сражались достойно. Австрийцы же воевали как всегда. То есть – скучно и медленно.

Сверхзадача перед всеми группировками ставилась следующая: пользуясь раздробленностью сил армии Наполеона, нападать на корпуса его маршалов, но генерального сражения избегать. Измором и нервотрепкой и взять корсиканца!

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Несмотря на очевидное преимущество русских генералов по части опыта успешной войны с Наполеоном и вновь вспыхнувшие амбиции царя Александра, главнокомандующим всеми силами стал австриец Шварценберг, в особых стратегических талантах ранее не замеченный. На этот компромисс русский государь пошел, опасаясь, что в противном случае Бонапарт окажется прав, и коалиция треснет по швам.

Кстати, о Бонапарте и французах. Наполеон потратил мирную паузу не зря. К середине августа 1813 года он сумел собрать армию в полмиллиона человек с лишком. Правда, часть этих сил стояла в Италии, часть сражалась во Франции, часть находилась в блокированных крепостях или базировалась в гарнизонах. И все-таки под ружьем в полевых армиях против коалиционной группировки имелось свыше 400 тысяч солдат и офицеров, включая все еще верных союзников: саксонцев, баварцев, вюртембергцев, поляков и датчан. Конечно, о бывшей Великой армии напоминали, пожалуй, только солдаты Старой и Молодой гвардии. Четверо из пяти солдат были новобранцами, а кавалерию почти полностью сформировали заново. И все-таки...

И. Ругендас.
Пленение
генерала
Вандама
в сражении
под Кульмом
30 августа
1813 года

ТРИ БИТВЫ

Потом об этом будут много спорить. Да и сегодня спор не окончен. Его суть: что случилось с Наполеоном в 1813 году? Некоторые утверждают, что гений не безграничен. Наступил предел – и начались ошибки. Другие склонны кивать на необъяснимое. Третьи упрощают до предела, доказывая, что прежние победы Бонапарта суть везение, и не более. А тут фарт кончился. Четвертые уверяют, что виной всему – характер полководца, в котором на сей раз доминировал не разум, а искаженная самооценка. Все стороны правы в одном: в осеннюю кампанию 1813 года Наполеон совершал нехарактерные для него ранее ошибки. В том числе и стратегического масштаба.

Но самый интересный вопрос – он совершал эти ошибки потому, что сам ошибался в расчетах, или его вынуждали ошибаться противники?

Начнем с того, что Бонапарт впервые подчинился логике, которую ему предложили враги. Французский император также расчленил свои войска на отдельные группировки, поставив перед ними различные задачи. Даром его маршалы твердили ему, что победа там, где находится сам Бонапарт. Эти люди знали военное дело и трезво оценивали собственный полководческий потенциал. Года-

ми они являлись беспрекословными исполнителями полководческой воли Наполеона. И, став в результате отличными исполнителями, в большинстве своем потеряли столь необходимое при самостоятельных действиях чувство инициативы. Такими стали Мюрат, Ней, Удино, Макдональд, отчасти Даву...

Первые же три крупных сражения подтвердили эту истину. 23 августа маршал Удино столкнулся с войсками Северной армии Бернадота на пути к Берлину. И был бит. При почти полном равенстве сил. Только пленными корпус Удино потерял свыше 2 тысяч человек. А при ощутимом дефиците в живой силе у французов на счету был каждый солдат.

26 августа на речке Кацбах маршал Макдональд встретился с Силезской армией Блюхера. Лобовая атака с форсированием разлившейся от непрерывных дождей реки – и французы откатились назад, оставив в плену... 18 тысяч человек. В общем, Макдональд потерял у Кацбаха почти 50 процентов своего корпуса из 65 тысяч. В этом бою особо отличились русские части генералов Остен-Сакена и Ланжерона, прежде всего Ахтырский гусарский полк. На памятных досках в храме Христа вы-

бито – при Кацбахе русские потеряли 3500 убитыми и ранеными. Все это время Наполеон в буквальном смысле не знал, «куды бечь». То ли как-то попытаться разобраться с Берлином, до которого так и не дошел Удино и от которого в сторону Гамбурга удалился Даву? То ли спешить на помощь Макдональду и покончить с настырной Силезской армией Блюхера, собравшей наиболее агрессивные части коалиции? То ли реагировать на движение Богемской армии Шварценберга, тронувшейся наконец с места и собиравшейся захватить Дрезден?

Тревожила мысль: как там справится с задачей генерал Вандам, которому с 40 тысячами человек поручено обойти Богемскую армию с тыла? На эту операцию Наполеон делал особую ставку. Он понимал, что встретится с войсками Шварценберга под Дрезденом в открытом бою. И если победит (а как же иначе?), то у противника будет один путь отступления – горными дорогами в Чехию. И если Вандам все сделает правильно, то он-то и перережет врагу дорогу. Гибель Богемской армии – это фактически выигрыш всей кампании. Вандам совершил положенный ему

марш и – напоролся на отряд генерала Александра Остермана-Толстого на дороге Кульм–Теплице. Грянул бой, который принес новую славу Русской императорской гвардии. Отряд Остермана в два раза уступал по численности французскому корпусу. Но в составе отряда была 1-я гвардейская пехотная дивизия: преображенцы, семеновцы, измайловцы и лейб-егеря. Позже, когда давление французов усилилось, подошел резерв: тяжелая гвардейская кавалерия, а с ними гвардейские же уланы и драгуны. Когда к концу дня солдаты Вандама все же прорвали оборонительные порядки русской пехоты, исход сражения решил батальон семеновцев и атака улан и драгун.

Возобновить бой Вандам решил утром. Но теперь все его преимущество растаяло. К отряду Остермана-Толстого по приказу Барклая-де-Толли присоединились крупные резервы, и численное большинство оказалось на нашей стороне. Барклай предложил простой и эффективный план. Русские атакуют французов в лоб, австрийцы заходят с фланга, пруссаки с тыла. Так и сделали. Корпус Вандама прекратил существование 30 августа. В плен сдался он сам, три генерала и 12 тысяч солдат и офицеров со всеми орудиями. Шпагу генерала лично принял российский император Александр I.

Остерман-Толстой этой сцены не увидел. В первый день боя под вечер шальное ядро оторвало ему руку. Перед ампутацией генерал сказал: «Вот как я заплатил за честь командовать гвардией. Я доволен». После двух операций граф Александр Иванович вернулся в армию, но уже после взятия Парижа. В 1816 году возглавил Гренадерский корпус, однако вскоре по болезни ушел в бессрочный отпуск. Жил в Европе, но в 1831–1833 годах путешествовал по Востоку. В 1835-м в Кульме (ныне – Хлумец, Чехия) открыли памятник в честь подвига гвардейцев. Николай I по этому случаю произвел Остермана в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного.

Дж. Доу.
Портрет графа
А.И. Остермана-
Толстого,
генерал-
лейтенанта.
1825 год

ДЕЛО ПОД ДРЕЗДЕНОМ

Кульмское сражение завершилось после того, как Наполеон одержал первую победу в осенней кампании 1813 года.

Богемская армия, ведомая неторопливым фельдмаршалом Шварценбергом, подошла к саксонской столице, Дрездену, 25 августа. Город оборонял французский гарнизон в 6 тысяч человек. Под рукой Шварценберга имелось почти 200 тысяч при 600 орудиях. Наполеон находился далеко. Правда, точнее о главной французской армии в штабе австрийского главнокомандующего ничего сказать не могли. Разведка там была поставлена неважно. Шварценберг пребывал в сомнениях, пока приехавший в лагерь российский император с двумя французскими (!) генералами не потребовал принять хоть какое-то вразумительное решение.

Но прежде – о генералах. Оба перешли на русскую службу в 1813 году. Антуан Анри Жюмьни, швейцарец по происхождению, службу начал на родине, потом – во французской армии, в штабе маршала Нея. Личные разногласия с начальником штаба Великой армии маршалом Бертье привели его в русский стан. Он числился в свите Александра I, но в истории остался как один из видных военных теоретиков и... историков войны.

Жан Виктор Моро – фигура не менее яркая. Это он учился воевать у самого Суворова, будучи его главным оппонентом в Итальянском походе 1799 года. Вскоре после ряда успехов Моро стал жертвой подозрений Наполеона. Тому показалось, что Моро хочет составить ему политическую конкуренцию. Генерал был изгнан из Франции, жил в США. В 1813 году русский царь пригласил его на службу. Правда, ту должность, ради которой он пересек океан, Моро так и не получил. Государь планировал именно его сделать главнокомандующим. Отсюда ясно, почему совещание под Дрезденом закончилось чуть ли не оскорблением в адрес Шварценберга. «Меня боль-

ше не удивляет, – бросил Моро в запальчивости, – что вы в течение семнадцати лет всегда были биты». В виду имелась австрийская армия целиком.

Упрек справедлив. И дальнейшие события тому подтверждение. Пока Шварценберг топтался у стен Дрездена, вымачивая своих солдат в палатках под проливным дождем, к городу подошел Наполеон с 150 тысячами солдат. И в самом городе, в относительно приличных условиях, начал готовиться к бою. Принялись за подготовку и союзники, хотя ни один офицер в 200-тысячной армии так и не понял, почему атака на город назначена на 4 часа дня.

Когда на следующий день, 26 августа, выяснилось, что к столице Саксонии подтягиваются французские резервы, союзники решили сражение не зазывать, а отступить. Но не тут-то было! Штаб Шварценберга «забыл» отменить приказ об атаке. И в 4 пополудни грянули из всех стволов. А потом пехотные колонны пошли на приступ. Уличные бои не принесли австрийцам и пруссакам успеха. Французы выдавили их из города.

27 августа в атаку пошли уже французы. Наибольшего успеха добился Мюрат, взявший 10 тысяч пленных. К позднему вечеру отступление от Дрездена превратилось в беспорядочный исход. Общие потери союзников до сих пор неизвестны. Разнобой в источниках весьма показателен: от 20 до 37 тысяч человек. Среди погибших оказался и генерал Моро. Ядро ударило ему в ноги, и, теряя сознание, он воскликнул: «Мне, французу, умереть среди врагов Франции от французского ядра!»...

Русских от французских ядер под Дрезденом погибло немного, так как активных боевых действий они почти не вели. Но двух генералов тем не менее потеряли – Лукова и Мелиссино. А теперь – вновь об ошибках Наполеона. Казалось бы, под Дрезденом он был верен себе: быстр, смел, агрессивен, хладнокровен. Но почему он не преследовал потерявшего самообладание противника? Тем более что где-то там, километрах в 50 от Дрездена, в Рудных горах, уже должен был появиться Вандам. Чтобы сомкнуть клещи...

Сражение при Дрездене 26–27 августа 1813 года. Гравюра с картины Куше

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Эпизод
Лейпцигского
сражения
(Битвы народов).
Раскрашенная
гравюра Фроша
по оригиналу
Лемана

БИТВА НАРОДОВ

С клещами, как мы уже знаем, у Наполеона не получилось. Богемская армия союзников уцелела. «Силезцы» Блюхера тоже не дремали. А шведский кронпринц Бернадот активизировался не на шутку. Ему предстояло остановить маршала Нея, получившего приказ Бонапарта взять Берлин.

5–6 сентября произошло сражение в бранденбургских землях у местечка Денневице. Наполеон хотел было прийти на помощь Нею и совместно уничтожить Северную армию союзников, но тактика, взятая на вооружение коалицией, не позволяла Бонапарту удалиться от главного театра военных действий – из Саксонии.

А под Денневице победил Бернадот. Именно в том бою впервые стало понятно, что доверять частям из стран-сателлитов уже нельзя. Ней располагал не только французскими солдатами, но и польскими, саксонскими, итальянскими, вестфальскими и баварскими. Сражение выдалось упорным, силы противников были примерно равны. Но настал час, когда 7-й саксонский корпус Рейнье не выдержал на-

пряжения и побежал. Чуть ранее отказалась идти в бой вестфальская кавалерия.

Вероятно, Наполеон понимал, что его союзники в 1813 году ненадежны. Потому и старался так формировать корпуса и армии, чтобы прореживать их части коренными французскими. Под Денневице саксонцы дрогнули именно тогда, когда остались один на один с атакующими пруссаками.

Русских солдат в армии Бернадота в этом бою было немного, не более 5 тысяч. В основном кавалерия и несколько артиллерийских рот. Как раз с артиллеристами и связан чуть ли не анекдотический случай. Когда французы побежали, ездовые одной из конно-артиллерийских рот верхом рванули за противником и захватили в плен знамя. Не исключено, что это единственный случай в истории, когда «боги войны» умудрились унизить «царицу полей».

Заканчивался сентябрь. Армии союзников занимались «демонстрациями». Проще говоря, дразнили корсиканца, не доводя дело до открытых столкновений. А во французской армии зрело недовольство, де-

зертировали уже тысячами. В боях и стычках было потеряно до 100 тысяч человек и треть орудий. Начались проблемы с продовольствием и боекомплект. Стратегия Наполеона, заключавшаяся в том, чтобы разгромить армии коалиции по частям, давала сбой.

А начальники союзной армии приблизились к пониманию того, что время генерального сражения назрело. Поздней осенью и тем более зимой на пятачке прусско-саксонской земли много не побегаешь с пушками, обозами, больными. Провиант в этих землях исчерпался, а подвозить его издалека по разбитым и замерзшим дорогам трудновато. Короче – пора драться! Армии союзников – Шварценберга, Блюхера и Беннигсена – стали стягиваться к Лейпцигу. Первой подошла Богемская армия. 14 октября стычка кавалеристов Мюрата и Шварценберга переросла в массовый кавалерийский бой, каких в истории было немного. В рубку у Либертвольквица попало 14 тысяч всадников. Мюрат эту схватку проиграл. Зато Наполеон узнал, что «богемцы» уже тут. Также выяснилось, что Блюхер, Бернадот

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и Беннигсен кто в переходе, кто в полупереходе от Лейпцига.

Таким образом, в первый день битвы сошлись силы, примерно сопоставимые с теми, что сражались на Бородинском поле: 120 тысяч французов и 130 тысяч союзников. Сразу стоит заметить, что битва могла закончиться в один день и полным поражением Богемской армии, если бы император Александр I не вмешался в планирование операции. Шварценберг задумал атаковать первым и послать русско-пруссские колонны болотистой долиной между двумя речками. Добром бы это не кончилось. План пересмотрели, и губить войска в болотах не стали.

Ключевым моментом этого дня стала мощная конная атака, организованная Мюратом. 12 тысяч всадников атаковали боевые порядки союзников строго по центру. До катастрофы оставались минуты, но и на сей раз распорядительнее других оказался русский царь. Встречный конный удар, организованный им, смешал планы французской кавалерии. Это решение – отправить в бой лейб-гвардии Казачий полк и Черноморскую сотню при нем – спасло не только Богемскую армию, но и самого русского императора. Конники Мюрата находились в 800 метрах от царевой став-

ки на холме, а что для боевого коня – 800 метров? Считанные минуты! Но рванувшие наперез казаки этих минут французам не оставили.

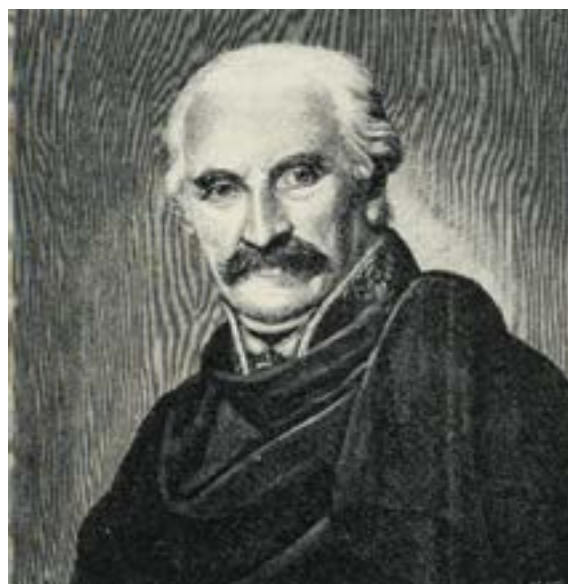
Бой уже затихал в ожидании следующего дня, когда стало известно, что Силезская армия Блюхера вступила в бой с корпусом маршала Мармона, стоявшим в заслоне. Пруссак в тот день отличились не меньше русских кавалеристов. Они стояли насмерть, отгородившись от атакующего врага стеной, собранной из тел погибших.

Второй день битвы прошел относительно спокойно. Бонапарт решил обратиться к диплома-

К. Верне.

Кавалерийская схватка французских гусар с казаками. 1817 год

Гехард фон Блюхер, князь Вальштадтский (1742–1819), прусский фельдмаршал, участник ряда Наполеоновских войн. Гравюра Грегера. 1816 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тии и через плененного накануне австрийского генерала Мерфельда предложил начать переговоры о мире. В качестве последнего средства отписал письмо австрийскому императору и по совместительству тестю Францу I. Письма остались без ответа, а на третий день грянул главный бой.

18 октября на Лейпцигском поле сошлось до полумиллиона человек. Это сражение стало крупнейшим за всю историю войн вплоть до битв Первой мировой. Союзники наступали по полукружью фронта длиной 14 километров, французы с достоинством отбивались. Настал момент, когда Наполеон, отличающийся фантастической интуицией, почувствовал, что можно изменить ход боя. Развернул Старую гвардию в боевой порядок и лично возглавил контратаку. Было это в два часа пополудни. И в эти же минуты вюртембержцы и саксонцы – те самые саксонцы! – бросили фронт и перешли на сторону коалиции. Далее французам оставалось только продержаться до вечера. На иное сил и средств уже не было. И они продержались. А ночью Наполеон принял тяжелое для него решение – отступить.

Бонапарт уводил остатки армии в сторону Рейна. Но десятки тысяч солдат оставались в Лейпциге, прикрывая отступление. Им предложили сдать город, но они были готовы на это только в том случае, если их отпустят с оружием и знаменами. Императоры-союзники отказались.

19 октября французы дрались ожесточенно. Но их оттеснили к реке, через которую имелся только один мост. И когда сопротивление стало бессмысленным, французы побежали к переправе. Но что такое один мост, когда в минуты надо переправиться тысячам? Но и этого оказалось мало. После эвакуации мост должно было взорвать. Но ответственный генерал отлучился, полковник пропал, и какой-то капрал с испуга задание выполнил. Но только раньше времени...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Среди прочих, утонувших в водах реки Эльстер, оказался и маршал Франции поляк Понятовский. Его маршальство продолжалось всего 12 часов. В плену оказались 22 генерала, более 20 тысяч солдат и офицеров, 325 пушек, обозы. Общие потери армии Наполеона составили около 80 тысяч человек. Союзникам побе-

да досталась недешево: общие потери – свыше 55 тысяч, русских – 22 тысячи. Наполеон ушел. И увел около 100 тысяч человек. Но это уже не было армией. Это были деморализованные, измученные люди. История с исходом из России повторилась. Разница была в том, что после кампании 1813 года и особенно после Битвы наро-

Сражение под Лейпцигом. Гравюра Скотта с картины Крафта

дов Франция перестала доминировать в Европе. Эпоха Наполеоновских войн подходила к концу. Да, еще ждали воинов сражения первых месяцев 1814 года. Еще мало кто знал, что в Бельгии существует такая деревенька со звучным названием – Ватерлоо. Но в принципе вопрос был решен. Во многом – благодаря русскому оружию и последовательной политике императора Александра I.

***

В октябре 2013 года Европа готовится отметить 200-летие битвы под Лейпцигом, радикально изменившей судьбы многих государств. Бургомистр Лейпцига Буркард Юнг публично заявил, что ждет в гости мэра Москвы и иерархов Русской православной церкви. Памятник героям Битвы народов всюду реставрируют. Позолоту на куполе храма Святителя Алексия уже обновляют. И в России на федеральном уровне появилась специальная комиссия, учрежденная премьер-министром.

П.И. Бабаев. Подвиг гренадера лейб-гвардии Финляндского полка Леонтия Коренного в битве под Лейпцигом в 1813 году. 1846 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

СТРАННАЯ ЗЕМЛЯ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

В КОНЦЕ АВГУСТА 1914 ГОДА ЗАКОНЧИЛАСЬ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС, КОТОРУЮ ВОЗГЛАВИЛ ГЕОРГИЙ СЕДОВ. НЕМНОГОЕ ИЗВЕСТНО О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ЕЩЕ В 1910 ГОДУ ВМЕСТЕ С СЕДОВЫМ ЗАДУМАЛ ПОХОД В АРКТИКУ, – НИКОЛАЕ ПИНЕГИНЕ, ХУДОЖНИКЕ, ПОЛЯРНОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕ, ПИСАТЕЛЕ, АВТОРЕ ПЕРВОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА ОБ АРКТИКЕ. В МАЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 130 ЛЕТ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ. НАМ УДАЛОСЬ РАЗЫСКАТЬ ВНУЧАТУЮ ПЛЕМЯННИЦУ НИКОЛАЯ ПИНЕГИНА, СВЕТЛАНУ СКАЧКОВУ, КОТОРАЯ РАССКАЗАЛА О РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫХ ФАКТАХ БИОГРАФИИ СВОЕГО ЗНАМЕНИТОГО РОДСТВЕННИКА.

В МОСКОВСКОЙ КВАРТИРЕ профессора МГУ Светланы Скачковой все говорило о том, что династия связана со странствиями и морем. На стенах – репродукции картин Айвазовского, в одном из углов комнаты – военно-морской флаг с одного из катеров Северного флота. Дед Светланы Скачковой был двоюродным братом Николая Пинегина. Он был моложе Николая Васильевича на пятнадцать лет, очень дорожил дружбой с ним и прислушивался к его мнению. Именно по совету старшего брата он, взяв семью, отправился строить военный аэродром за полярным кругом, а затем заложил первый камень в Салехарде. Отец Светланы, Александр Васильевич Родионов, капитан 1-го ранга, был командиром испытательной гидроакустической базы Северного флота, служил на четырех флотах. В арктических морях побывали и два родных брата: Анатолий – капитан 1-го ранга, профессор, теперь директор Отделения Института океанологии в Санкт-Петербурге, и Владислав – тоже капитан 1-го ранга и тоже профессор. Вся семья побывала в тех местах на Кольском полуострове за полярным кругом, которые описывал их знаменитый родственник... В домашней библиотеке профессора хранится архив: фотографии родителей, сестер и детей Николая, снимки из северных экспедиций полярного исследователя, наброски этюдов, черновики статей с пометками Пинегина. Из скромности он довольно мало писал и рассказывал о себе, а единственная биография была издана в 2009 году Андреем Ивановым, историком из Елабуги, откуда Пинегин родом. Светлана Скачкова листала альбом с фотографиями – пейзажи, корабли, порты, моряки XIX века, – погружая нас в этот удивительный отрезок истории, когда ради заполнения белых пятен на картах люди жертвовали жизнями. А Арктика была окутана тайнами, страшными легендами, смертельными опасностями, она казалась недостижимой. Вот

АНДРЕЙ СЕМАШКО

как описал будни первопроходца Николай Пинегин в книге «В ледяных просторах», составленной по дневниковым записям экспедиции к Северному полюсу 1912–1914 годов: «Вчера брели до колен в снегу, проваливались по пояс между торосами, вязли ногами в трещинах, скользили по скалам льдин и падали. Снова вставали, снова шагали навстречу бешеной метели – страшному слепящему потоку... В поту, с безудержной бранью на устах и в сердце, надсаживались мы, ставя и толкая тяжелую, облепленную снегом нарту. Трясущимися от натуги руками подымали кнуты и хлестали милых старательных собак и заглушали свирепым криком жалость к ним, качающимся на ногах. И было пленяющей мечтой: лечь без движения...»

МЕЧТАЮЩИЙ О СЕВЕРЕ

Николай Пинегин родился 10 мая 1883 года в семье ветеринарного врача. Когда мальчику было 10 лет, умерла мать, и отец, имея на руках троих детей, женился во второй раз, от нового брака родились четыре девочки. Николай с двумя сестрами тяжело переживал перемены. Домашние неурядицы сказались на учебе: мальчика исключили из Пермской гимназии в пятом классе за отказ посещать церковные службы. В свободное вре-

Светлана Скачкова дома со своей мамой Маргаритой Владимировной Родионовой

мя он много рисовал. «Ходит такая легенда у нас в семье, что Пинегины были родственниками великому русскому живописцу Ивану Шишкину, тоже елабужанину, – говорит Светлана Скачкова. – Пинегины просили Шишкина дать несколько уроков Николаю, но не сложилось». В 17 лет, в 1900 году, юноша ушел из дома, отправился в Казань и поступил в Художественную школу. В эти годы и появилась у него мечта об Арктике. «Был такой известный художник Александр Борисов, который писал Север в необыкновенных ярких красках, – говорит Светлана Скачкова. – Пинегин сказал, что не видит в творчестве Борисова правды, а хочет рисовать Север таким, какой он на самом деле.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Николай Пинегин – студент Казанской художественной школы

И, еще учась в Художественной школе, задумал свой первый поход в края снега и льдов».

На первую свою экспедицию Николай Пинегин копил средства как мог: рисовал на заказ портреты, играл в духовом оркестре, разъезжал с бродячими актерами и экономил на всем, питаясь хлебом, селедкой и чаем. С двумя друзьями он задумал отправиться из Казани по Северной Двине на обследование Северо-Екатерининского канала – водного пути из Камы в Северный Ледовитый океан. Этот канал длиной 19 километров начали строить в 1785 году по повелению Екатерины II, в 1822-м он был открыт, но судоходство по нему продолжалось только до 1847 года, когда появился новый водный путь. Юноши обратились с письмом о финансовой и научной помощи в Императорское Русское географическое общество. В ответном письме пришлось удостоверение о покровительстве Географического общества и... предложение купить карту в ближайшем магазине. Денег не дали, но это обстоятельство не изменило планов путешественников. Как ни странно, удостоверение Географического общества не только понадобилось, но и спасло путешественникам жизни, когда жители селений неподалеку от Северо-Екатерининского канала чуть не расправились с ребятами, решив, что те везут ящики с золотом. Беда пришла в экспедицию с другой стороны: один из юношей был серьезно ранен в руку из-за неосторожного обращения с ружьем, на том путешествие и кончилось. Шли годы, Николай Пинегин продолжал жить мечтой о Севере, накапливая опыт и работая где придется. В 1906–1907 годах он служил на Китайско-Восточной железной дороге чертежником, затем – землемером в саратовской артели. Но по ночам зачитывался литературой о Поморье, тундре и северных краях.

В душе жила мечта – показать миру настоящий Север. В 1907 году он поступил в Петербург-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

скую академию художеств. И к 1910 году ему наконец удалось накопить на путешествие из Архангельска на Новую Землю. Долгожданный Север Николай Пинегин воспринял как доисторическую землю. Вот что он пишет в очерке «Записки полярника»: «Странная земля! Окинешь взглядом весь широкий простор – нет на нем зеленого цвета. Под ногами грифельно-серый шиферный сланец и галька, мертвый, безжизненный цвет. Всюду голые камни, хрустящий шифер и потрескавшаяся грязь. И кажется на первый взгляд, что здесь земля гола, как в первозданные эпохи, когда она делилась на сушу и море, когда еще не успела родиться органическая жизнь». На Новой Земле Пинегин написал этюды, которые имели успех на осенней Академической выставке в Петербурге. Но главное, на этой «странной земле» произошло судьбоносное знакомство художника с Георгием Седовым. Георгий Седов через два дня после своей свадьбы возглавил гидрографическую экспедицию по исследованию Крестовой Губы и плыл на одном корабле с Николаем Пинегиным на Новую Землю. Их знакомство переросло в дружбу, и там, среди снегов и льдов, они договорились вместе идти к Северному полюсу.

ПЯТНО В СЕРЕДИНЕ КОРОНЫ

Экспедиция собиралась в страшной спешке. 14 декабря 1911 года Руаль Амундсен достиг Южного полюса. Опасаясь, что норвежец откроет и Северный, офицер Гидрографического управления Георгий Седов подал рапорт об отпуске со службы, в котором писал: «Амундсен желает во что бы то ни стало оставить за Норвегией честь открытия Северного полюса, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг». О покорении Северного полюса заявили также американцы Фредерик Кук и Роберт Пири. Российская элита отнеслась к инициативе Седова как к безрассудству. Пожертвования на предприятие были ничтожны. Законопроект по экспедиции к Северному полюсу провалился в Государственной думе (Седов просил 50 тысяч рублей). Наконец совладелец газеты «Новое время» Михаил Суворин устроил через свое издание акцию в поддержку путешествия и субсидировал 108 тысяч рублей. Волнение в обществе поднялось необычайное – о ледяных пустынях говорили и в светских салонах, и на торговых площадях. 10 тысяч рублей внес Николай II. «Ходила такая легенда, что основная часть пожерт-

Николай
Пинегин
с супругой
Алевтиной
Евлампиевной,
сыном Юрием
и сестрой
Марией перед
походом
к Северному
полюсу.
Санкт-Петербург,
1912 год

вованый была из Мариинского театра, – говорит Светлана Скачкова. – От какой-то балерины». По первоначальному плану предполагалось выйти в Северный Ледовитый океан из Архангельска в начале июля 1912 года, направиться к Земле Франца-Иосифа и там зазимовать, исследуя берега, климат, строение земных пород, собрать коллекции. К Северному полюсу Георгий Седов намеревался отправиться по плавучему льду на собаках, а обратно двигаться или к оставленному кораблю, или к северным берегам Гренландии. В июле 1912 года Седову удалось купить старую деревянную парусно-паровую шхуну «Святой великомученик Фока». Ее грузоподъемность не позволила взять все приготовленные припасы и горючее – их пришлось выгрузить. Судно не успели полностью отремонтировать, поэтому за три дня до отплытия уволились капитан, помощник капитана, штурман, механик, помощник механика и боцман, ссылаясь на плохую подготовку «Фоки» к плаванию. Забегая вперед, скажем, что старенький корабль хоть и давал течи в жестокие штормы, но оказался крепким. Зато все остальное... Морское министерство неожиданно аннулировало отпуск радисту, взятому на «Фоку», и экспедиция осталась без связи, так что рассчитывать на вызов помощи не приходилось. Поставщики провианта оказались нечисты на руку, и полярники во льдах ели гнилую солонину, которая способствовала цинге, уносившей жизни. А «ездовые» собаки, за которых заплатили тройную цену, оказались обычными дворняжками. За исключением нескольких, выписанных из Архангельска заранее. Из 22 участников экспедиции самым старшим и опытным был 35-летний Седов. Экспедиции требовалось пройти 2 тысячи километров. В итоге пройденный путь оказался в десять раз короче и намного сложнее, чем представлялось. Первую зимовку пришлось устроить, не доходя до Земли Франца-Иосифа, около полуострова Панкратьева,

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

из-за непроходимых льдов. В эти месяцы был описан северо-восточный берег Новой Земли, найдены расхождения с предыдущими картами. Седов обогнул на санях северную оконечность острова, прошел от полуострова Панкратьева до мыса Желания. Теплой одежды не хватало, обострились отношения между Седовым и капитаном корабля Николаем Захаровым. Результаты исследований, а также просьбу выслать к Земле Франца-Иосифа судно с углем и собаками отправили 21 июня 1913 года с капитаном Николаем Захаровым и тремя членами экипажа. Но те сорвали сроки доставки корреспонденции. Газеты того времени писали, что элитный морской офицер Захаров сделал это намеренно, не мог он заблудиться в известных ему местах в хорошую погоду. Помощи полярники не получили. Прибыв осенью 1913 года на Землю Франца-Иосифа, экспедиция не нашла ни угля, ни провианта. Несмотря ни на что, пошли дальше. Паровые котлы шхуны топили разобранной на Новой Земле базой, салом моржей, под конец начали разбирать корабль. От Земли Франца-Иосифа далеко уйти не удалось из-за погоды, и на вторую зимовку остановились в бухте острова Гукера. Эта зима в Арктике выда-

лась беспрецедентно холодной, температура достигла рекордных минус 50,2 градуса. Скудные запасы дров не тратили на отопление, использовали только для приготовления пищи. Люди умирали от цинги. Несмотря на жуткие условия, научную работу не прерывали: ученые и те, кто мог ходить, вели наблюдения. Пинегин выходил на этюды, проводил замеры, охотился.

2 февраля 1914 года тяжело больной цингой Георгий Седов с двумя матросами отправился на собаках к Северному полюсу. Экспедиция трагически погибла. Вот как Николай Пинегин описал в своей книге прощание капитана с командой, понимавшей, что это последний их разговор: «Седов старался ободрить больных: «Жизнь тяжела, стоит еще самая суровая пора, но время идет. С восходом солнца исчезнут все ваши болезни. Полюсная партия вернется благополучно, и мы вместе с семьей, счастливые, с сознанием выполненного долга, вернемся на родину! Мне хочется сказать вам не «прощайте», а «до свидания». Все стояли в глубоком молчании. Я видел, как у многих навертывались слезы. Пожелали счастливого пути». Седов скончался 5 марта вблизи острова Рудольфа. «Это, конечно, был осознанный шаг, – говорит Светлана

Возвращение
с охоты
на тюленя.
Новая Земля.
1913 год

Скачкова. – В глубине души Георгий Седов понимал, что до Северного полюса им не дойти, а оставаться дальше здесь нельзя. Он, как начальник экспедиции, не мог бесславно вернуться, не выполнив задания».

Остаться во льдах дальше означало верную гибель всех. «Николай Пинегин, как один из первых единомышленников Георгия Седова, ощущал на себе моральную ответственность за исход экспедиции, поэтому делал все, чтобы корабль смог вернуться в Архангельск. Это был человек-стержень, неформальный лидер экспедиции, – говорит Светлана Скачкова. – Ему спасшиеся люди были обязаны жизнью. Он лучше всех охотился, а свежее мясо означало возможность не умереть членам команды от цинги. У него была та поразительная сила духа, которая поднимала команду из бездн отчаяния, не позволяла ссорам провалить всю кампанию». Жизнелюбие этого человека было поразительно. Пинегин был единственным, кто не болел цингой, потому что, несмотря на непогоду и недомогания, каждый день выходил из каюты, чтобы работать. Писал этюды, дрессировал белых медвежат, занимался научной работой, охотился, рисовал шуточные стенгазеты – и это в то время, когда команда была охвачена болезнями, депрессиями, паникой.

Путь домой ознаменовался удивительным событием. Полярники случайно нашли во льдах Арктики Валериана Альбанова – штурмана парохода «Святая Анна» из погибшей северной экспедиции Георгия Брусилова. «Святая Анна» отправилась в 1912 году штурмовать Северо-Восточный проход, но льды отнесли ее далеко на север. 29 августа 1914 года полуразрушенный «Фока» вошел в реку Рынду Мурманской области. Через неделю путешественники прибыли в Архангельск на попутном пароходе. Там они узнали о том, что идет война, что нет прежней страны и что их уже давно никто не ждет.

**ПОМОГИТЕ НАМ,
ПОКА НЕ ПОЗДНО**

Вернувшись домой, Николай Пинегин продолжил учебу в Академии художеств, окончив ее в 1916 году. Преподавал рисунок в Художественном училище А.Л. Штиглица. Шла война, и он поступил художником-историкографом в Историческую часть Черноморского флота. Для подготовки к весенней выставке Академии художеств он взял отпуск и уехал в Петербург. На выставке в 1917 году он получил премию имени Куинджи за картину «Полярный покой». Но радость длилась недолго. В разгар выставки грянула Февральская революция 1917 года. И Пинегин был избран в первый Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Отпуск окончился, он возвратился на службу на Черноморский флот и заведовал художественной студией в Симферополе. Во время Гражданской войны студию в Симферополе разогнали, белые и красные правительства лихорадочно менялись. В это время Николаю Пинегину пришлось снимать документальные кадры военных действий на Перекопе. Жить было не на что, вернуться в Петербург к семье не было возможности, информации о том, что происходит, не было, и Пинегин начал искать возможность для эмиграции. Помог друг, писатель Георгий Гребенщиков, написавший письмо главе Управления внешних сношений в правительстве Врангеля в Крыму Петру Струве с просьбой помочь выехать из Крыма в Париж. В этом письме были строки: «Мы решили пробираться в Париж самыми героическими способами, вплоть до добывания средств черною работой, что я уже в течение четырех месяцев и делаю, занимаясь извозом и поденщиной»; «я не буду находить сильных слов для того, чтобы передать Вам всю обиду, которую испытываем мы от сознания, что мы, немногие культурные работники, совсем не пользуемся никакой поддержкой государства»;

В кают-компани
«Святого Фоки»

«помогите нам, пока не поздно. Ответьте мне и, вызвав Пинегина, побеседуйте с ним». Струве откликнулся и дал телеграмму через Константинополь послу Временного правительства во Франции, который занимался и беженцами из России. В Константинополь Пинегин прибыл в октябре 1920 года, но, не получив французской визы, застрял там почти на год, подрабатывая грузчиком, рисуя вывески, проводя экскурсии по византийским памятникам. Затем направился не в Париж, а в Прагу, где получил заказ на декорации к опере «Борис Годунов». Весной 1922 года в Берлине он встретился с Максимом Горьким, который советовал ему писать о Севере и помог издать книгу «В ледяных просторах». Пинегина начали приглашать читать лекции об Арктике. В это время полярник сблизился с писателем Алексеем Толстым, с которым они вместе искали возможности вернуться в СССР. Это удалось в 1923 году благодаря ходатайству Максима Горького, с которым они подружились. На родине Николай Пинегин продолжил исследовать Арктику. В 1924 году он работал наблюдателем в аэроразведке. В 1927 году Академия наук СССР

поручила Пинегину построить на Новосибирских (Ляховских) островах постоянную геофизическую станцию. Он построил ее за полтора года, занимаясь гидрографическими исследованиями в течение двух лет. «В это время, по словам Саши Пинегина, одного из внуков Николая Васильевича, Сталин отдал негласный приказ забыть имя Пинегина и внимание сосредоточить на Иване Папанине, – говорит Светлана Скачкова. – Папанин ведь – советский герой, а Пинегин – герой царской России. В связи с этим Пинегин спешил вернуться с Ляховских островов в феврале, когда в тех краях даже местные жители выезжают в дальний путь редко. Он возвращался на собаках, обморозил себе легкие, стал много болеть, оттого и умер». В 1930 году он взялся за создание в Ленинграде Музея Арктики, сейчас это крупнейший в мире музей по этой теме, насчитывающий порядка 100 тысяч экспонатов, включая, конечно, и картины Пинегина. Он занимался популяризацией Арктики: писал книги и статьи, ходил в первую туристическую экспедицию на Северный полюс, организованную «Интуристом». В 1932 году возглавил экспеди-

цию на остров Рудольфа в рамках программы Второго Международного полярного года, в ходе которой была построена метеорологическая радиостанция, долгое время считавшаяся самой северной в мире. С 1931 по 1934 год был главным редактором «Бюллетеня Арктического института». Опубликовал книгу об экспедиции Брусилова по материалам его дневников. В 1937 году в Музей Арктики в Ленинграде он привез 19 коробок с киноплёнками, заснятыми во время экспедиции 1912–1914 годов: полярные маки, охота на медведя, тюлени, моржи, птичьи базары... Сколько картин написал Пинегин, не знает никто: многое было раскуплено в частные коллекции, подарено. «Николай Васильевич очень часто дарил свои работы, – говорит Светлана Скачкова. – Однажды он написал большое полотно «Сладкий сон», где были изображены среди льдов спящие на снегу медведи. К нему приехали полярники и попросили картину продать. Он ее подарил. Чтобы выжить, Николай Васильевич часто свои картины сдавал в магазин Союза художников на Невском проспекте. А несколько картин он подарил Максиму Горькому. Николай Васильевич не раз бывал у него в гостях и в Крыму, и в Ленинграде. У Горького была большая галерея, где были выставлены различные подарки: вазы, картины и даже наброски стихов на листке бумаги. Картины, подаренные Пинегиним Горькому, висели в этой галерее, потом оказались за рубежом, а затем часть их вернулась в Музей Арктики и Антарктики».

С «паркетной» работой пришли трения с партийной организацией Института Арктики. Припомнив ему эмиграцию, НКВД отправило Пинегина в Казахстан на поселение в ссылку. Вступились за него писатель Константин Федин и профессор Владимир Визе. Через несколько месяцев ссылки Пинегина отпустили, но клеймо ссыльно-го на нем осталось.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИСТИННОЕ ЛИЦО ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

О личной жизни Николая Пинегина никогда не писали. Светлана Скачкова рассказала, что он был женат дважды. «Первая жена, Алевтина Евлампиевна, была женщиной современной тому времени, по-революционному раскрепо-

Вторая супруга
Николая
Пинегина, Елена
Матвеевна.
Санкт-Петербург.
1970-е годы

щенной, красиво выглядела, курила, – говорит Светлана Скачкова. – У них было трое детей: дочь Таня и два сына, Юрий и Дасий. Пока отец был в экспедициях, дети жили в интернате». Об Алевтине Евлампиевне Светлана Скачкова знает немного, но с ее внуком Александром познакомилась. По ее словам, Дасий работал начальником шахты на Крайнем Севере. Юрий был сотрудником Арктического института, ездил в экспедиции на Север, дети Юрия, Дима и Саша, тоже воспитывались в интернате. Старший, Саша, окончивший музыкальное училище, унаследовал любовь к путешествиям, риску, ходил в геологоразведку, он прожил непростую жизнь, сейчас пенсионер. У него есть сын Александр и две внучки. У Димы, которого уже нет, две дочери и двое внуков. История второго брака романтическая. С Еленой Матвеевной Николай Пинегин знакомился дважды: в первый раз – когда она была студенткой Училища Штигилица, второй – в казахстанской ссылке в 1935 году. Елена Матвеевна была внучкой петербургского портного, шившего одежду царским лакеям и кучерам, воспитывалась в Институте благородных девиц принцессы Терезии Ольденбургской, после революции училась в

Первая супруга
Николая Пинегина,
Алевтина Евлампиевна,
с сыновьями Юрием
и Дасием. 1930-е годы

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Художественном училище, где Пинегин преподавал. В годы учебы она, как и многие другие девушки, была влюблена в знаменитого преподавателя. Она рассказывала: «Николай Васильевич, высокий и стройный, размашистыми шагами входил в класс, рукой с поврежденным пальцем быстро поправлял непослушную прядь волос и, поздоровавшись, начинал говорить... Потом, наблюдая за выполнением задания, очень корректно делал замечания и подправлял рисунки. Он был недосыгаем, мы все знали, что он очень любил жену и своих детей». В ссылку в Казахстан она попала в 1935 году из-за происхождения. «Елена Матвеевна мне рассказывала, что ее отправили не в ссылку, а в командировку писать очерк о жизни казахов, она писала статьи в журналы, – говорит Светлана Скачкова. – Она приехала туда с вещами на 10 дней, написала очерк, а когда собралась уезжать, ей сообщили, что она останется в Казахстане жить. А где? Нужно было напрашиваться в юрты к местным жителям, работать негде, нищета страшная. Елена Матвеевна рассказывала, что подружилась с какой-то собачкой, которая носила ей кости, с козочкой, которую доила украдкой. Выживала как могла». Однажды Елена Матвеевна вышла гулять, шел дождь, и вдруг она увидела на дороге... Николай Пинегина. Он шел навстречу с мольбертом. «Он очень любезно раскланялся, – рассказывала Елена Матвеевна, – узнал меня, а я не знала, что делать, подпрыгнула от радости и облила его брызгами лужи с ног до головы. Он улыбнулся... С тех пор мы стали ходить друг к другу в гости. Завязалась дружба... Он видел, как мне было тяжело, и помогал как мог. Разница между нами была восемнадцать лет». Пинегин жил в зажиточной казахской семье, и через несколько месяцев ему разрешили вернуться с Еленой Матвеевной в РСФСР. Детей в этом браке не было. По словам Светланы Скачковой, Елена Матвеевна отмеча-

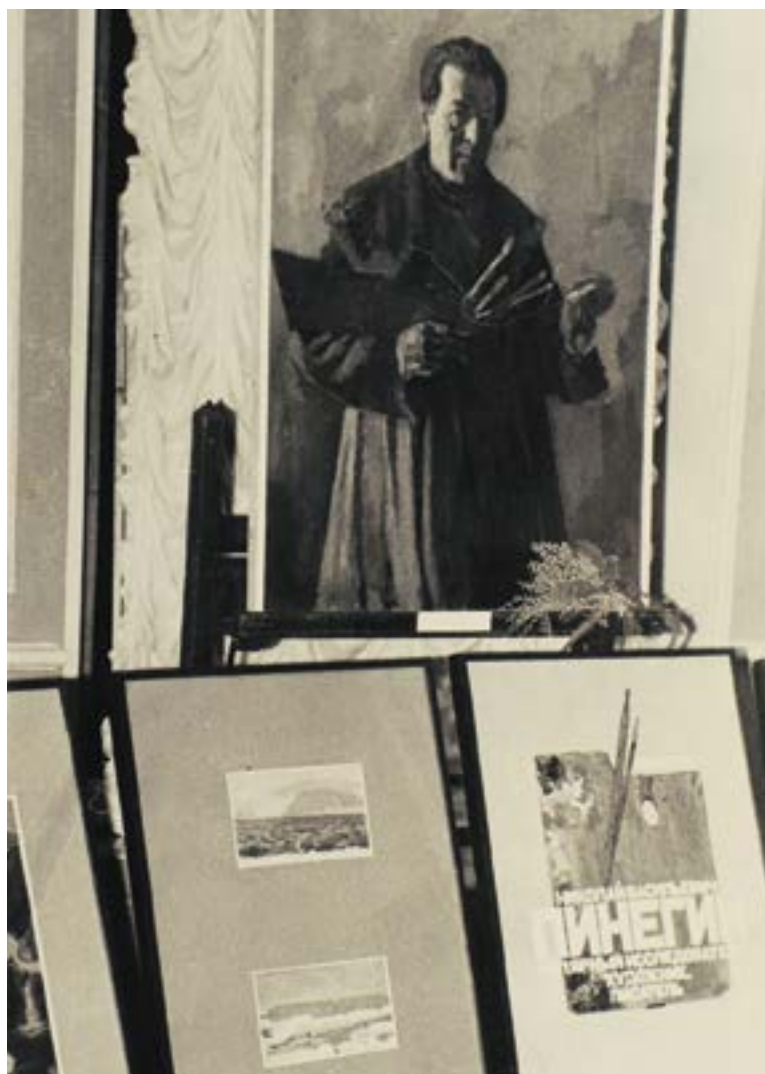
Картина Николая Пинеги
«Медвежата». В поисках замены ездовым собакам». 1912–1914 годы

из личного архива

ла свой день рождения 10 мая, в день рождения мужа, и говорила, что «лучше людей никогда не встречала. Это был сильный и выдержанный человек, который никогда не повышал голоса. С ним было как за камен-

ной стеной. Он настаивал, чтобы я, несмотря на тяжелые времена, продолжила образование в Герценовском институте на факультете иностранных языков, благодаря чему я, зная три языка, водила экскурсии по Эрми-

Неоконченный автопортрет. 1940 год. Музей Арктики и Антарктики

из личного архива

тажу и другим музеям». А когда Николай Васильевич приезжал из своих северных экспедиций, они гуляли по Ленинграду, взявшись за руки.

Жили в квартире, которую им выхлопотал Горький в знаменитом доме коридорного типа для деятелей литературы и искусства на канале Грибоедова, 9. Квартира №80 стала впоследствии знаменитым «полярным домом», где Николай Васильевич принимал своих гостей.

В гости к Николаю Васильевичу и Елене Матвеевне приезжал иногда дед Светланы Скачковой. Он рассказывал Светлане такую историю: «Однажды по дороге на Крайний Север я приехал в гости в Ленинград с детьми четырех и шести лет. Николай Васильевич почти никогда не ходил в гости, считая это зряшным времяпрепровождением, посиделки ему не нравились. Он считал, что нужно заниматься делом. Тем не менее в этот раз он отошел от своих принципов, и мы вместе ходили в цирк».

Из рассказа Светланы Скачковой складывается портрет Николая Пинегина как человека необычайно обаятельного и деятельного. Среди его страстных увлечений была игра на пианино. Даже во время экспедиции на «Святом Фоке» в часы отдыха

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

в первый год он садился за инструмент и играл, как и некоторые другие члены команды... У него было много друзей. Особенно близок он был с художником Микалоюсом Чюрлёнисом, их связывала любовь к живописи и музыке. Часто общался с Михаилом Зощенко и поэтессой Ольгой Берггольц. А после

Раздумья перед походом к Северному полюсу. 1912 год

Прижизненное издание книги Николая Пинегина «В ледяных просторах»

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

знакомства с Вениамином Кавериным Николай Пинегин стал прототипом Ивана Татаринова из «Двух капитанов». «Однажды к Николаю Пинегину пришел Вениамин Каверин, – говорит Светлана Скачкова, – с идеей написать роман о Севере. Попросил прочесть дневники. Николай Пинегин сказал, что материалы даст, но он сам еще пишет об экспедиции. И они договорились, что Каверин не будет писать о морях, а напишет о летчиках». Так возник роман, который в СССР знали все.

А Николай Пинегин доживал свои дни в безвестности. После ссылки его книги не публиковали, музеи перестали заказывать картины, а он продолжал писать и рисовать. Писал большой роман «Георгий Седов». Умер Николай Пинегин в 1940 году так и не реабилитированным, его похоронили на Литераторских мостках Волковского кладбища. Сейчас в Русском музее и Музее Арктики и Антарктики хранятся его картины «Белые медведи», «Полярный пейзаж», «Ледник на Земле Франца-Иосифа», «Лед взломало», «Льдина» и этюды. Его именем в 50-е годы был назван мыс на востоке острова Брюса, а через десять лет – озеро на севере острова Земля Александры на архипелаге Земля Франца-Иосифа.

Читая книги Николая Пинегина, человека смелого и решительно, безумно любившего Север и Арктику, верного друга Георгия Седова, посвятившего всю свою жизнь популяризации этой, тогда «не изведанной земли», мне думалось, что самыми лучшими мгновениями своей жизни он считал те, когда любовался северным небом. «В небе прекрасное зрелище, – писал он. – На земле у нас – страдание и уныние. Прекрасна ли ночь? Ее гнет чувствуют все живущие здесь. Каждодневность быта тяжела. Где же истинное лицо полярной ночи: в тишине ли ее, умиряющей все страсти, в красоте ли неба, усеянного звездами, и в зрелищах, роскошь которых, не видев, невозможно представить?»

A photograph of a monk from behind, wearing a long black pleated robe. He is standing in a church, looking towards ornate golden altars. The scene is dimly lit, with light reflecting off the gold and the monk's white hair.

ИГУМЕН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ. ПОД ЕГО БЕСПОЩАДНЫМИ ЛУЧАМИ СТЕНЫ СТАРОГО ИЕРУСАЛИМА КАЖУТСЯ БЕЛЫМИ И ОБМАНЧИВО-ХРУПКИМИ. ТЕНИ, И ПРЕЖДЕ НЕ СПАСАВШИЕ ОТ ЗНОЯ, СОВСЕМ ИСЧЕЗАЮТ. НО ЖАРА НЕ В СИЛАХ СПРАВИТЬСЯ С ПАЛОМНИКАМИ – ДВА ЛЮДСКИХ ПОТОКА НЕПРЕРЫВНО ДВИЖУТСЯ НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ: ОДИН ВТЕКАЕТ ВО ВРАТА ХРАМА ГРОБА ГОСПОДНЯ, ДРУГОЙ ВЫТЕКАЕТ ИЗ НИХ.

СТУПЕНИ ЛЕСТНИЦЫ, ведущей к площади перед храмом, за долгие века отполированы до блеска миллионами ног. Девятьсот лет назад по ним, так же как и мы сегодня, прошел «игумен земли Русской» по имени Даниил. Он был далеко не первым русским паломником в Иерусалиме, но стал первым русским путешественником, написавшим подробный путеводитель по Святой земле. Правда, тогда путеводители на Руси назывались «хождение» («хождение»), «паломник», «путник», на Западе – «итинерарий». Потом в русской литературе появится много «путников» по разным святым местам – до XVIII столетия их будет написано не менее пятидесяти. Самым популярным из них станет «Хождение Трифона Коробейникова», путешествовавшего в XVI веке, число копий которого насчитывает несколько сотен. Но и «Хождение игумена Даниила», видимо, было не менее любимым, раз с начала XII века до нашего времени сохранилось около 150 его списков! Мы почти ничего не знаем об игумене Данииле: как и все древние русские писатели, он был излишне скромнен, сообщив читателям лишь свое имя и сан. Так что до сих пор исследователи спорят о персоне игумена и о том, было ли его путешествие в Святую землю простым паломничеством, или он помимо того исполнял и дипломатические поручения русских князей...

«...Более двух верст от Вифании стоит столп, где встретила Марфа, сестра Лазаря, Христа». Существующий ныне на этом месте греческий монастырь «Встречи» во времена Даниила еще не был построен

«ПУТЬ ТЯЖЕЛ ВЕЛМИ»

Это сегодня из Москвы до Тель-Авива можно долететь на авиалайнере за четыре часа. Еще часа полтора по шоссе в автобусе с кондиционером – и вы уже в Иерусалиме. Такси, гиды, Интернет, удобные гостиницы, мобильные телефоны, кафе, бутылки с водой в холодильниках магазинчиков на каждом шагу... Нам, привыкшим к изощренному комфорту, трудно представить, каково было путешествовать людям в XII веке. Представить трудно, но узнать можно. Благодаря сохранившимся итинерариям и «хождениям»...

«Бесчисленное количество человеческих тел, совершенно растерзанных дикими зверями,

лежат на дороге и возле дороги... На этой дороге погибают не только бедные и слабые, но даже богатые и сильные: многие убиваются сарацинами, многие умирают от жары и жажды, многие от недостатка питья, многие оттого, что пьют слишком много» – так описывает свой путь из Яффы в Иерусалим в «Путешествии в Святую землю» англосакс Зеевульф, как и Даниил, совершавший паломничество в начале XII века. А вот что сообщает русский игумен о пути от Иерусалима к Иордану: «Путь очень тяжек, страшен и безводен: горы высокие, скалистые, на дорогах много разбоя. <...> Многие люди задыхаются от зноя и умирают от жажды водной».

Стены древнего Иерусалима и купол мечети Аль-Акса. Можно не сомневаться, что игумен Даниил тоже любовался этим видом

И на Руси, и в Европе паломники объявлялись неприкосновенными, не подлежали светскому суду, на время паломничества их имущество и семьи поступали под защиту церкви, они освобождались от долговых обязательств, а всем христианам предписывалось оказывать им гостеприимство. Но все это не спасало «божьих странников» от нападений разбойников и сарацин, бурь и штормов, топивших корабли, болезней и увечий, полученных в долгой дороге, голода, зноя или холода...

И на Руси, и в Европе паломников легко узнавали по внешнему виду. Европейца отличали *regam et basculum* – мешок и посох. Бедные несли мешок за плечами на веревке, знатные вешали его на роскошную перевязь на бок. С IX века шляпы и плащи европейских паломников стали украшать раковины морского гребешка (обычай этот связан с легендой о святом апостоле Иакове и городе Сантьяго-де-Компостела, соперничавшем в популярности у паломников с Римом. – **Прим. авт.**), которыми странники пользовались вме-

сто ложек. И хотя большинство средневековых наставлений рекомендовало совершать паломничество босиком, странники не всегда следовали этому совету. Чаще они шли в калитгах (калигах, лат. *caligae*). Эта незатейливая обувь показалась бы нам крайне неудобной: вместо подошвы – лоскут грубой кожи, затянутый по подъему ноги ремнем. А паломников на Руси называли «каликами перехожими». Филологи считают, что слово «калика» могло произойти либо от этих самых калитг, либо от итальянского *calico* («бедный»), либо от «калеки» – нищего, увечного человека. «Калик перехожих» отличали по ветхой одежде и все тому же посоху паломника. И мешок у калик был, иначе трудно представить, как они могли бы нести свой скудный скарб и нехитрые запасы еды – сухари, сушеные фрукты и грибы, соленую рыбу... Правда, в «Толковом словаре» Владимира Даля уточняется, что калика – это еще и странствующий богатырь. И действительно, русские былины описывают храбров-паломников иначе:

это вовсе не нищие калеки, а «добры молодцы», разодетые в дорогие шубы, в лапти «семи шелков», котомки у них бархатные, а посохи богато украшены «рыбьим зубом» (клыком моржа. – **Прим. авт.**).

Сначала паломничество считалось «блаженным одиночеством», однако люди быстро поняли, что тяготы и опасности далекого пути лучше не преодолевать в одиночку. Так было больше шансов выжить. Поэтому в путешествие отправлялись большими группами, которые шли по дорогам, прося милостыню и распевая псалмы. А после 638 года, когда византийский гарнизон Иерусалима, выдержав четырехмесячную осаду, сдался арабскому халифу Умару ибн аль-Хаттабу, паломники начали нанимать вооруженную охрану: путешествия по Святой земле, завоеванной мусульманами, стали крайне опасны.

Ситуация с безопасностью паломников не особо улучшилась и после начала эпохи крестовых походов. А игумен Даниил отправился в Святую землю сразу после первого из них...

«Гефсимания – село, где находится гроб Богородицы, вблизи Иерусалима...». Церковь Успения Пресвятой Богородицы

МНИХ ЧЕРНИГОВСКИЙ

«Се аз, недостойный игумен Даниил, Рускыя земля, хужший в всех мнисех...» – «Я, недостойный игумен Даниил, худший из всех монахов, смиренный, одержимый многими грехами, недоволен во всяком деле добром, понужден был своими помыслами и нетерпением, захотел видеть святой град Иерусалим и Землю обетованную». Так начинается «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли».

Считается, что игумен Даниил, скорее всего, был клириком Черниговской епархии. В «Хождении» Иордан четырежды сравнивается с рекой Снов у Чернигова: «Всем подобен Иордан реке Снови. И шириной, и глубиной, и извилистым течением, и быстротой – всем он похож на реку Сновь. <...> Ширина Иордана такая же, как и у реки Снови на ее устье. <...> прибрежная равнина напоминает также Сновь-реку». Если догадка верна, то Даниил мог быть настоятелем одного из трех существовавших тогда в Чернигове монастырей: Елецкого Успенского, Ильинского или Спасо-Преображенского. Можно предположить, что постриг он принял либо в одной из этих обителей, либо в Киево-Печерском монастыре.

Раньше считалось, что свое паломничество Даниил совершил

в 1113–1115 годах, затем исследователи передвинули его путешествие на 1106–1108 годы. Сегодня большинство ученых датируют странствие русского монаха 1104–1106 годами. И, возможно, теперь стоит с большим вниманием отнестись к версии, высказанной академиком Борисом Рыбаковым, ко-

Кажется, улочки Старого Иерусалима не слишком изменились с времен Даниила

торый считал Даниила автором еще двух сочинений – «Слова об идолах» (вольный перевод с греческого поучения Григория Богослова против язычества, разбавленный описаниями славянских языческих обычаев. – Прим. авт.) и «Повести о Шаруканском походе». Академик полагал, что игумен Даниил и былинный калика-богатырь Данило Игнатьевич мог быть одним и тем же лицом. Боярин Данило Игнатьевич испросил у князя Киевского разрешения постричься в монахи, а на обратном пути из Святой земли на поле битвы обнаружил раненым своего сына, участвовавшего в победном для русских князей сражении с половцами на реке Суле в 1107 году. А Николай Карамзин, опираясь на данные летописей, высказал предположение, что игумен Даниил в 1113 году был рукоположен в епископы Юрьева (ныне – Белая Церковь на Украине. – Прим. авт.) и скончался в сентябре 1122 года.

Что еще можно сказать о Данииле? Он знал греческий язык, обладал живым воображением, был внимательным наблюдателем и талантливым писателем. В его «Хождении» есть интересные детали, которые сложно не заметить: Даниил вынослив и физически силен, выдерживает долгие пешие переходы на жаре, лазает по скалам, ныряет до дна, чтобы узнать глубину Иордана, и меряет расстояния странным для монаха способом: например, «от церкви Воскресения до Святой Святыи не сколько больше двух полетов стрелы», «расстояние между памятниками – дважды камнем бросить». Да и на рядового черноризца он непохож, если принять во внимание, что он не испытывает недостатка в деньгах, с ним отправляется дружина из киевлян и новгородцев и «иных мнози», а в Иерусалиме он дважды получает аудиенцию у иерусалимского короля Балдуина I. Можно ли ожидать такого от обычного паломника-монаха?

«...Через горное ущелье прибежала к горе Елизавета и сказала: «Гора, прими мать с чадом». И тотчас же расступилась гора и приняла Елизавету». Пещера, в которой жил святой Иоанн Креститель со своей матерью

НА ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ

Свой путь к Иерусалиму Даниил отсчитывает от Царьграда, не утруждая читателей объяснениями, как он добрался до Константинополя. Скорее всего, возглавляемая Даниилом группа двигалась по привычному для того времени пути, описывать который не требовалось, – «из варяг в греки». В Константинополе Даниил либо не задержался, несмотря на обилие там святынь, либо не стал упоминать об этом в своей книге. Зато он посвящает отдельную главу городу Эфесу, напоминая, что здесь находится гробница святого Иоанна Богослова, пещера семи отроков и хранится прах Марии Магдалины. Дальше по пути игумен посещает острова Хиос, Самос, Патмос, Родос (не забывает указать, что здесь два года томился черниговский князь Олег Святославич, проданный в рабство половцами. – **Прим. авт.**) и Кипр, где его поразил кипарисовый крест: «Ничем не скреплен с землею, только духом святым держится на воздухе».

«Когда войдешь в ворота городка этого, то налево будет пещера, где стоит гроб святого Лазаря». Вифания. Гробница святого Лазаря

Наконец Даниил добирается до Яффы – традиционного перевалочного пункта для паломников, откуда они начинали странствие по Святой земле. Отсюда – первый переход в «десять верст до церкви святого Георгия. <...> Воды здесь много. У этой воды отдыхают стран-

ники, но со страхом: место пустынное, близ города Аскалона, оттуда совершают набеги сарацины и избивают странников на путях...». И вот Даниил уже в Иерусалиме. Здесь он останавливается на подворье лавры Саввы Освященного, где живет 16 месяцев

и находит «мужа святого, старого годами и весьма книжного, образованного», который стал для него гидом. Русский игумен подробно описывает все, что видит в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете, Иерихоне, Хевроне, Акре и других городах, живописует реку Иордан, указывая, что здесь «в зарослях водится зверей много: бесчисленное множество диких свиней, много и барсов тут, и даже львов». Можно только удивляться неугомонности Даниила: он побывал везде, где только можно, поклонился практически всем святым для христиан местам, измерил Гроб Господень в длину и ширину, чтобы увезти эту меру на Русь. А еще, как пишет Даниил, «Бог мне свидетель и Гроб Господен, что я во всех местах никогда не забывал русских князей и княгинь, их детей, игуменов, бояр и детей моих духовных и всех христиан. Но во всех местах поминал их...». И при этом не переставал описывать все, что его окружает, и все, что с ним происходит...

«Иерихон был в давние времена великим городом и крепостью, но его взял и разрушил до основания Иисус Навин». Вид на Иерихон с горы Искушения

ПОД ЗНАМЕНЕМ КРЕСТА

События, происходившие в конце XI – начале XII века в Передней Азии, грозили изменить политическую конфигурацию и расстановку сил и на Западе, и на Востоке. Кровавопролитная борьба, которую уже пять столетий вела Византийская империя с арабами и турками-сельджуками, схизма в 1054 году Восточной и Западной церквей (которую довольно спокойно восприняли на Руси. – **Прим. авт.**), ослабление константинопольского престола, вокруг которого разыгрывались жестокие интриги, амбиции римских пап, мечтавших объединить под своей властью весь «христианский мир», – все это в итоге вылилось в уникальное явление, которое мы называем эпохой крестовых походов. Русь издавна связывали тесные связи с Византией. И речь не только о единой вере, браках князей с константинопольскими царевнами и активной торговле. Многие византийские императоры весьма охотно использовали русские дружины в своих

войнах, а у некоторых из них русские воины служили в личной гвардии. К примеру, только в XI веке греческие хроники сообщают об участии русско-варяжских дружин в византийских войнах против турок-сельджуков в Грузии и Армении, против турок-печенегов в Македонии и Фракии, против норманнов в Италии. Но на тот же XI век приходится и активизация связей Руси с европейскими странами. Достаточно вспомнить, что своих дочерей князь Ярослав Мудрый выдал замуж за норвежского, венгерского и французского королей. Римские папы начали налаживать контакты с русскими князьями – вмешиваться в их междоусобицы, вступать в переписку и направлять на Русь посольства. Кстати, русские митрополиты – как правило, греки, присланные из Константинополя, – князей за это резко осуждали и, бывало, грозили им отлучением от церкви. От крестовых походов Русь отстранилась: с одной стороны, в это время ее раздирали княжеские междоусобицы и набеги

степняков, с другой – слишком уж сложно было Киеву разобратся в политических хитросплетениях Византии и Рима. Первый крестовый поход (1095–1099 годы) начинался как совместная война византийцев и европейцев за освобождение Святой земли, но вскоре стало ясно, что каждая из сторон преследует свои интересы. Византийский император Алексей Комнин рассматривал войну как способ вернуть империи завоеванные мусульманами территории, а благословивший крестоносцев римский папа Урбан II и вожди похода рассчитывали создать на Святой земле новые католические государства. Вождей было несколько – герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульонский, герцог Роберт Нормандский, графы Раймунд Тулузский, Стефан Блуасский, Роберт Фландрский и, наконец, младший брат короля Франции Филиппа I, граф Вермандуа и Валуа Гуго Великий. Между прочим, и Филипп, и Гуго приходились двоюродными братьями сидев-

шему в Киеве великому князю Святополку Изяславичу, ведь их матерью была Анна Ярославна, королева Франции... Предав огню и мечу города Святой земли, в 1099 году крестоносцы наконец взяли Иерусалим. Как сообщают хронисты, после резни, устроенной в городе, кровь лилась по улицам и кое-где доходила «до коленей всадника и уздечек коней». А после, облачившись в рубища, крестоносцы с плачем и рыданиями вошли в храм Воскресения, чтобы припасть к Голгофе и Гробу Господню. Первым правителем нового Иерусалимского королевства был избран Готфрид Бульонский. Он отказался называться королем в городе, где страдал Иисус Христос, и взял титул *Advocatus Sancti Sepulchri* – «Защитник Гроба Господня». Когда в 1100 году он скончался, его преемником стал родной брат – граф Эдесский Балдуин Бульонский. Он оказался менее щепетильным, нежели Готфрид, и сразу стал именоваться иерусалимским королем Балдуином I.

«Место распятия Господня и камень окружены стеной, выше над распятием создан свод, изящно изукрашенный мозаикой». Голгофа

ПАЛОМНИК-ПОСОЛ?

На Руси с радостью восприняли весть о взятии крестоносцами Иерусалима. Так что, возможно, не случайно игумен Даниил отправился в странствие сразу после утверждения власти крестоносцев в святом городе. И если бы не странное внимание к русскому игумену иерусалимского короля, можно было бы не сомневаться, что Даниил был обычным паломником. Мало того, покровительство ему оказывает не только Балдуин I. До города Вифлеема Даниил добирался под охраной сарацин: «Старейшина сарацинский сам с оружием проводил нас почти до Вифлеема и через те все страшные места тоже проводил нас. А без предосторожностей не пройти через эти места из-за нападения иноверцев: сюда приходят многие сарацины и разбивают в горах. И дошли до города Вифлеема живыми и здоровыми, здесь поклонились месту рождения Христова...» Не кажется ли удивительной такая странная забота и крестоносцев, и сарацин о дружине русских паломников?

«Иордан-река течет быстро...
Вода в реке очень мутная,
но вкусная, и не насытишься,
когда пьешь эту воду. С нее
не бывает болезней и пакостей
в животе человека»

Даниил дважды побывал на приеме у короля Балдуина I. Более того, король оказывает русскому игумену неординарные знаки внимания. В Страстную пятницу «в один час дня пошел к князю Балдуину и поклонился ему до земли. Он же, увидев меня, худого, подозвал к себе с любовью и спросил: «Что хочешь, игумен русский?» Он хорошо знал меня и очень любил <...> Я же сказал ему: «Князь мой, господин мой, прошу тебя ради Бога и князей русских, разреши, чтобы я поставил свое кадило на Святом Гробе от всей Русской земли». Тогда он милостиво и любовно разрешил мне поставить кадило на Гробе Господнем, послал со мною человека, *своего лучшего слугу*, к эконому церкви Воскресения и к тому служителю, который держит ключ гробный. <...> Он открыл мне двери, велел снять калиги, босого ввел меня с кадилом и разрешил мне поставить кадило на Гробе Господнем». Чтобы прояснить ситуацию, добавим, что когда крестоносцы захватили Иерусалим,

то были весьма озадачены, найдя в храме Гроба Господня православных греков, поскольку были уверены, что он захвачен мусульманами и христиан там нет. Правда, они недолго раздумывали, что делать с православными монахами и священниками: их предали анафеме

Крестный
ход монахов-
францисканцев.
Площадь перед
храмом Гроба
Господня
в Иерусалиме

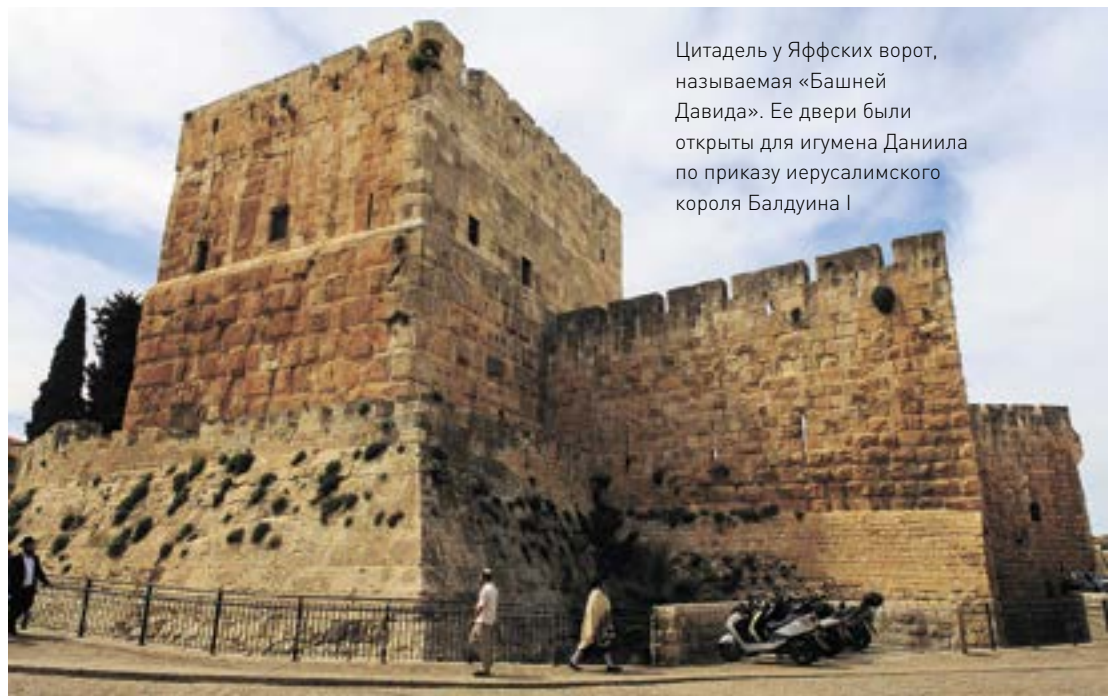
и изгнали из храма, который с того момента перешел под контроль крестоносцев. Так что разрешение поставить лампаду, данное игумену Даниилу Балдуином I, выглядит как весьма любезное одолжение. На следующий день, в Великую субботу, игумен Даниил с утра

уже находится на площади перед храмом Гроба Господня, где «от всех концов земли собирается в этот день множество людей. Великая теснота и лютое томление тогда бывает людям». «И когда наступило семь часов дня субботнего, тогда пошел король Балдуин со своими войсками к Гробу Господню из дома своего, все шли пешие. Король прислал в подворье монастыря Саввы и позвал игумена и монахов, они пошли к Гробу Господнему, и я, худой, пошел с ними. Пришли мы к королю и поклонились ему. Тогда и он поклонился игумену и всем монахам и повелел игумену монастыря Саввы и мне, худому, близ себя пойти, а другим игуменам и всем монахам повелел перед собой пойти, а войскам своим повелел сзади пойти. <...> Прошли мы к восточным дверям Гроба Господня, король впереди прошел и встал на своем месте, на правой стороне у ограды великого алтаря... Тут находилось место короля, созданное на возвышении. Повелел король игумену монастыря Саввы со своими монахами и православным попам встать над гробом. Меня же, худого, повелел поставить высоко над самыми дверями гробными, против великого алтаря, чтобы мне было видно в двери гробные».

Но и это еще не все. Русскому игумену было позволено осмотреть «Башню Давида» – главную цитадель и арсенал Иерусалима! «Дивный этот столп, из великих камней сложен высоко очень, на четыре угла создан, весь прочен, в основании крепок, в середине здания воды много. Железных дверей пятеро и ступеней двести, по ним подниматься вверх, хлеба в нем без числа запасено. Крепко он устроен для обороны. Это здание – глава всему городу, тщательно охраняют его и не разрешают никому входить вовнутрь его. Мне же, худому, недостойному, было разрешено посетить этот столп...». Кажется, король Балдуин почему-то хотел продемонстрировать Даниилу надеж-

Цитадель у Яффских ворот, называемая «Башней Давида». Ее двери были открыты для игумена Даниила по приказу иерусалимского короля Балдуина I

ность положения крестоносцев в Иерусалиме.

Более того, «пошел <...> Балдуин I со своими крестоносцами на войну к Дамаску мимо Тивериадского озера. Я узнал, что князь хочет идти этим путем, пришел

Вифлеем.
Пещера
Рождества
Христово

к нему, поклонился и сказал: «И я хотел бы пойти с тобою к Тивериадскому озеру, чтобы там походить по всем святым местам около Тивериадского озера. Ради Бога, возьми меня князь». Тогда князь с радостью великой повелел мне пойти с собой и нарядил меня к своей личной охране».

Если игумен Даниил действительно являлся послом киевского князя Святополка Изяславича, то о задачах его дипломатической миссии остается только догадываться (кстати, выбор в качестве посла церковного деятеля был вполне обычен для русских князей. – Прим. авт.). Может, киевский князь хотел получить полное представление о том, что происходит в Палестине, чтобы лучше оценить непростое положение главного союзника Руси – Византии? Это выглядит вполне благоразумно и предусмотрительно. А заодно узнать что-нибудь, например, о своем двоюродном брате, слава о боевых подвигах которого могла докатиться и до Руси? Если так, то, увы, Даниил не смог бы найти графа Вермандуа, поскольку во время битвы в Каппадокии Гуго Великий был ранен и умер в октябре 1102 года...

Страстная пятница.
Служба в храме
Гроба Господня

Но почему Балдуин I с таким радушием и вниманием принимал игумена из далекой северной страны? Это, кажется, объяснить несложно. После триумфа в Иерусалиме многие участники первого крестового похода посчитали свои обеты по освобождению Гроба Господня исполненными. Перед походом им обещали, что в Палестине их будут ждать текущие по земле мед и молоко, рисовали картины земного рая и обещали бесчисленные блаженства. Реальность оказалась суровой: безводные пустыни, голые скалы, много песка и крови, голод, повальные эпидемии, стрелы и мечи сарацин. Так что немногие выжившие предпочли вернуться домой. И Балдуин I, надев корону Иерусалима, столкнулся с неожиданной проблемой: в его войске осталось всего лишь около 300 рыцарей и несколько тысяч пехотинцев. А мусульманские правители жаждали мщения. И вот из Иерусалима в Рим и в европейские столицы отправились гонцы с письмами, в которых Балдуин призывал на помощь новых защитников Гроба Господня. И какая разница, откуда придут свежие полки – из Франции, Англии или из далекой Руси?..

Лавра Саввы Освященного в окрестностях Иерусалима. На территории этого монастыря никогда не бывала ни одна женщина

ПЕРВЫЙ ИЗ МНОГИХ

Книг о паломничествах в Палестину русскими путешественниками было написано великое множество. Но главной из них для нас все равно остается «Житие и хождение Даниила,

игумена земли Русской». Потому что он был первым из русских паломников, кто решил честно, подробно и без изысков записать все, что он видел и слышал в своем путешествии в Землю обетованную. И, кажется, будто в каждом последующем «хождении» или «паломнике» можно отыскать отзвуки и отголоски этого самого первого рассказа о посещении Палестины, принадлежащего перу русского игумена.

«Пусть все читающие с верой и любовью это описание Гроба Господня и всех святых мест примут мзду от Бога равно с ходившими в святые места. Блаженны те, кто видел и веровал, трижды блаженны те, кто не видел, но уверовал.

Верую пришел Авраам в Землю обетованную; поистине вера равна добрым делам. Ради Бога, братья и господа мои, не осуждайте мое художество и мою глупость. Да не хулите описание ради меня, Гроба Господня и ради святых мест. Кто с любовью прочтет, тот мзду примет от Спаса Иисуса Христа. И Бог даст мира всем вам во веки веков. Аминь», – этими словами заканчивается «Хождение игумена Даниила»...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЫНЬ-КА ЗЕРКАЛЬЦЕ СКЛАДНОЕ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

МОГУТ ЛИ ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ УЖИВАТЬСЯ В ОДНОЙ ДУШЕ? ЧЕЛОВЕЧЕСТВО СО ВРЕМЕН КАТУЛЛА ЗНАЕТ, ЧТО МОГУТ. СТИХИ, РАСТЯНУТЫЕ МЕЖДУ ПОЛЮСАМИ ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ, ИСКРЯТ И БЬЮТ ЧИТАТЕЛЯ ТОКОМ. В СТИХАХ САШИ ЧЕРНОГО МЕЖДУ ЛЮБОВЬЮ И НЕНАВИСТЬЮ, МЕЖДУ НЕЖНОСТЬЮ И ПРЕЗРЕНИЕМ НАТЯНУТА ТОСКА, СОЕДИНЯЮЩАЯ ЭТИ ПОЛЮСА, – ТО СВЕТАЯ, ДЫМЧАТАЯ, ТО ЯРОСТНАЯ. САША ЧЕРНЫЙ – МАСТЕР ТОСКИ.

О ПЯТЬ ТОСКА И ТИШЬ;
«от безверья, от тоски»;
«вот тоска – я знаю –
есть, и бессилье гнева
есть»; «по углам паутина лени-
вой тоски»; «как тоскливо видеть,
знать, не ждать и молча гнить»;
«добросовестно скучаю и зеленую
тоску заедаю колбасой»...

Это только малая часть тоски из
одного его сборника, «Сатиры».
А есть еще «Сатиры и лирика»,
и там даже в небе – «караван то-
сующих ворон», и черный ка-
нал стынет в тоске за окошком
под белым небом, и городской
зеваает тоскливо, и Рейн «свобо-
ден и тосклив», и куда только ни
упадет взгляд – везде дует и сви-
щет тоска.

Стихи Саши Черного – энци-
клопедия тоски: это и обык-
новенная депрессия среднего
горожанина средних лет, и об-
щественная депрессия, идеаль-
ный портрет общества времен
реакции. И великая русская то-
ска, огромная, как Великая Рус-
ская равнина, – и общечелове-
ческая экзистенциальная тоска,
которая много позже обернется
Сартровой тошнотой.

Он сам на себя эпиграмму напи-
сал:

Как свинцовую доской,

Негодую и любя,

Бьет рифмованной тоской

Дальних, ближних и себя...

Но есть иной Саша Черный, чьи
детские стихи, «Дневник фок-
са Микки» и «Солдатские сказ-
ки» полны смешливой радости
и лукавства – как будто другой
человек писал. Ничего обще-
го? – нет, общее есть: невероят-
ная энергия стиха, даже если он
повествует не о детских плясках
вокруг костра, а о вялом уны-
лом интеллигенте, у которого
нет душевных сил даже встать
с дивана. И нахальные, мощ-
ные метафоры и сравнения: «на-
встречу шел бифштекс в наряд-
ном женском платье», «лежу, как
растерзанный лев», «как паль-
цы мертвецов, бряцают счеты»,
дамы на пляже лежат на бере-
гу, «как индюшка в гастрономи-
ческой витрине», а у верблюда
«даже колени горбатые». Даже
когда лирический герой Саши

Черного изнывает, тоскует и помышляет о самоубийстве, исходит яростью и злостью, даже когда сам автор гневно отвечает киевским медичкам, которые требуют от него беззлобного юмора, – он и здесь не забывает заметить, что у человека, которому плохо, «в ушах золотые звенят колокольцы, и сердце и ноги уходят в черную высь», а самих медичек именует «бесконечно-милой группой бо-
жьих коровок».

ОДЕССА: ДЕТСТВО

О детстве своем Саша Черный рассказывать не любил. Он родился в семье одесского провизора Менделя Гликберга. Александру Измайлову, журналисту «Русского слова», сказал однажды: «Нас было двое в семье с именем Александр. Один брюнет, другой блондин. Когда я еще не думал, что из моей «литературы» что-нибудь выйдет, я начал подписываться этим семейным прозвищем». Одесские краеведы второго Александра в семье Менделя Гликберга не нашли; скорее всего, имелся в виду кузен. В семье было еще два брата и две сестры.

Дед был торговцем скобяным товаром; лавка Якова Гликберга находилась на Греческой улице. О Греческой улице, о жизни с бабушкой и дедушкой идет речь в рассказе «Голубиные башмаки», наверняка автобиографическом. В. Добровольский пишет, что порядки в семье Гликберг были суровые, и детей часто наказывали: «Чаще всех доставалось, судя по всему, Саше, исключительно выдумщику и фантазеру. То пытался он сделать непромокаемый порошок из серы, зубного порошка и вазелина, то изготавливал чернила из сока шелковичного дерева, превращая квартиру в небольшой химический завод». Правда, сведения эти взяты из «Голубиных башмаков», а там этими проказами занимался младший брат рассказчика, шестилетний Володя (и брат Володя, молже Саши на три года, в семье был). А сам автор не проказни-

чал, не пошел даже с Володей голубей ловить в гавань: «А я остался дома, потому что, когда в первый раз сказки Андерсена читаешь, никакая гавань, никакие голуби на свете тебя не соблазнят».

Дети в семье были одаренные: старшая девочка впоследствии писала рассказы под псевдонимом «Подснежник», младший брат, Георгий, подвизался в журналистике, подписывался «Георгий Гли». Однако атмосфера дома была тяжелая. В 1950 году нью-йоркское «Новое русское слово» рассказывало, ссылаясь на мемуары жены Черного, Марии Васильевой: «Его отец – коммерческий агент Санкт-Петербургской химической лаборатории – был всегда в разъездах; дети его почти не знали и боялись. Мать, большую истеричную женщину, дети раздражали. Когда возвращался отец, она на них жаловалась. Не входя в разбирательство, отец наказывал их, особенно доставалось троим мальчикам...» Сама Мария Ивановна рассказывала: «Никто никогда ничего ему не дарил, когда он был ребенком. И когда он, за неимением игрушек, находил в доме что-нибудь, что можно было бы приспособить для игры, его наказывали». Ни праздников, ни радостей; как у Чехова – «в детстве у меня не было детства». Это непржитое детство жило в Саше Черном до конца его дней; Александр Гликберг до седых волос оставался Сашей: дети, с которыми он постоянно возился, только так его и звали. Добровольский цитирует неназванного мемуариста: «Как и дети, он придумывал себе занятия, не имевшие, как игры, никакой иной цели, кроме забавы: раскрашивал какие-то коробочки, строгал дощечки, оклеивал полочки и радовался, если дома находили какое-нибудь приложение этим вещам. Глаза его светились при этом такой наивной радостью, что другим начинало казаться, что это и в самом деле чудесная и нужная вещь». Он всегда легко и быстро находил общий язык с детьми – хоть

русскими, хоть французскими, – умел найти общие занятия, и дети, разумеется, к нему липли. Своих у него не было.

Дети в семье Гликберг по тогдашнему обыкновению сначала учились дома. Когда пришло время отдавать их в гимназию, возникла проблема: для евреев в государственных учебных заведениях существовала процентная норма. Саша выдержал экзамен, но из-за процентной нормы в гимназию не попал – шансы на поступление были только у лучших. Отец семейства решил проблему просто: окрестил всех детей, и Саша начал учиться. Однако учеба не заладилась – особенно тяжело давался Закон Божий, – и в пятнадцатилетнем возрасте он сбежал из дома. Биограф поэта Анатолий Иванов пишет: «Вначале беглеца приютила тетка, сестра отца, отвезла его в Петербург, где он в качестве пансионера продолжил учение в местной гимназии. Но когда его «за двойку по алгебре» исключили из гимназии, он фактически оказался без средств к существованию. Отец и мать перестали отвечать на письма блудного сына с мольбами о помощи». Работу он найти не мог, у него даже обуви не было.

ЖИТОМИР: СТАНОВЛЕНИЕ

Журналист Александр Яблоновский написал о восемнадцатилетнем Саше Гликберге в газете «Сын Отечества»; статья называлась «Срезался по алгебре». Она попала на глаза председателю Крестьянского присутствия в Житомире, статскому советнику Константину Роше. Роше, у которого годом ранее умер сын, решил взять юношу к себе и помочь ему. Так Саша оказался в Житомире – под опекой доброго и порядочного Роше. Роше поселил его у себя, устроил в пятый класс 2-й житомирской гимназии; Роше писал стихи – и, заметив, что воспитанник пишет стихи, дал ему первые уроки стихосложения. Он был филантроп, занимался благотворительностью, напри-

мер работал на голоде в Поволжье в 1899 году, и Саша вместе с ним. Мать Роше работала в женской гимназии, преподавала немецкий язык – и занималась с Сашей немецким. Учеба не заладилась и в житомирской гимназии, и вскоре Сашу исключили из шестого класса из-за конфликта с директором «без права поступления», с волчьим билетом. Сидеть на шее у Роше он не стал – отправился в армию вольноопределяющимся, не дожидаясь призывного возраста: «вольнопером» можно было стать в 18, а призывной возраст наступал в 21. По разысканиям Анатолия Иванова, служил вольноопределяющийся Гликберг в Вологодском 18-м пехотном Его Величества короля Румынии полку, который располагался в Житомире. «Во время службы в армии вольноопределяющемуся Гликбергу пришлось столкнуться с разными сторонами военщины. <...> Это муштра, шагистика на плацу, вытягивание во фронт, артикулы, приемы рукопашного боя с прокалыванием штыком соломенного чучела. Кому это понравится?» – пишет биограф. Карцер «за сверхформенно отросшие волосы», брань унтер-офицеров, грубость, казенщина – все это тоже осталось в стихах:

*Запою ль вполголоса, лютея,
Щелкнет в дверце крошечный
квадрат
И, светясь, покажется, как фея,
Тыкволицый каменный солдат.
«Арестованному петь не
дозволятца»,
Ротный, друг мой, Бурлюков-
мурло!*

*За тебя, осинового братца,
Мало ль писем я писал в село?..*

Поэт рассказывал Борису Лазаревскому, что два года с удовольствием учил солдат грамоте в учебной команде – а в свободное время слушал их истории, которые потом легли в основу его прелестных «Солдатских сказок».

После демобилизации молодой Гликберг некоторое время служил на таможне в Новоселицах

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

на границе с Австро-Венгрией, затем вернулся в Житомир и занялся журналистикой: в городе появилась газета «Волынский вестник», где он стал фельетонистом. Подписывался «Сам-по-себе» – очень характерный псевдоним, он и был всю жизнь сам по себе, ни к кому не примкнувший, ничем не связанный. Писал стихи – очень средненькие. В газете сотрудникам, по словам Анатолия Иванова, приходилось самим вертеть колесо типографской машины и мыть шрифт, а вместо гонораров могли выдать контрамарку в театр. Саша

«Солдатские сказки» впервые увидели свет в Париже в 1933 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Зритель» был одним из тех журналов, в которых Черный публиковался после переезда в Санкт-Петербург в 1905 году

был молод, полон сил, влюбчив – и время, кажется, было еще хорошее, мирное. Хотя уже шла война с Японией – и собиралась отдаленная гроза. «Волынский вестник» через два месяца закрылся за неимением средств – и перед молодым человеком снова встал вопрос, что делать и чем заниматься.

ПЕТЕРБУРГ: НАЧАЛО

Гликберг уехал в Петербург, где некоторое время жил у родственников Роше и работал в Службе сборов Варшавской железной дороги. Там он познакомился с будущей женой и вскоре вступил с ней в гражданский брак. Семья дала ему стабильность: жена, его начальница по службе, была старше его на девять лет, практичнее, да и богаче (говорят, она состояла в родстве с купцами Елисеевыми); она взяла на себя заботы о быте и даже общение с редакциями. Медовый месяц провели в Италии. Шло лето 1905 года.

В России это лето было политически жарким: первая русская революция, уже поднял красный флаг броненосец «Потемкин», уже шли восстания – наконец, к осени появился царский манифест, обещающий народу свободу печати, свободу собраний и так далее. Сразу после манифеста, отменившего предварительную цензуру, на свет полезли сатирические журналы и журнальчики. В одном из них, «Зрителе», 27 ноября 1905 года впервые появились стихи, подписанные «Саша Черный». Стихи назывались «Чепуха»:

*Трепов – мягче сатаны,
Дурново – с талантом,
Нам свободы не нужны,
А рейтузы с кантом.*

...

*Разорвался апельсин
У Дворцова моста...
Где высокий гражданин
Маленького роста?*

Стихотворение, полное политических намеков, било по всему истеблишменту – от царя и министров до Иоанна Кронштадтского; стихи сделались знамениты, разбежались по стране в списках,

а журнал закрыли. Впрочем, такова была судьба большинства сатирических журналов той поры: уголовное преследование редакторов за «оскорбление особ императорской фамилии» и «подрыв основ существующего строя» стало приметой времени. Но на смену одним приходили другие. Сашу Черного печатали «Альманах», «Леший», «Маски» – и имя «Саша Черный» стало знакомо читателям.

«Чепуха» вошла в первую книжку Саши Черного, «Разные мотивы», которая вышла в 1906 году и была запрещена цензурой, – может, и к лучшему. Сам автор эту книгу не любил, и это тоже типичная судьба первых стихотворных сборников.

Участия в революции он не принимал. Он, гимназист-недоучка, еле окончивший шесть классов из восьми, не мог не чувствовать недостатка образования. Не мог не тянуться к другой – более свободной, культурной, цивилизованной жизни. Он вместе с женой уехал в Германию, где вольнослушателем посещал лекции в Гейдельбергском университете. Когда вернулся в 1907 году – от революции уже не осталось и следа.

ГЕРОЙ И ВРЕМЯ

Многие замечают: в Отечестве после Европы труднее дышать. А в 1907–1908 годах дышать было вообще нечем. Нечем жить, не к чему стремиться: все гайки закручены, все люки задраены, от политических новостей тошнит, что делать – непонятно... ощущение человека в эпоху безвременья стихи Саши Черного передают с максимальной точностью: потерянный, дезориентированный, он во всем разочарован и ни во что не верит, он циничен, он устал, ненавидит и себя, и людей вокруг. Саша Черный удивительно точно выбрал маску, нашел героя своего времени – и этим героем стал рефлектирующий интеллигент. Тот же герой – в центре сборника «Вехи». «Вехи» тоже вышли в 1908 году – в том самом, когда Саша Черный стал одним из ведущих авторов нового журнала, «Сатири-

кон», когда с его сатир начинали чтение журнала.

Это новый герой – не народник, готовый лечить и учить, и не чеховский интеллигент, надеющийся еще увидеть небо в алмазах, хотя и лысый, и потрепанный жизнью. Этот интеллигент знает себе цену, и цена эта – ломаный грош. Ему тошно смотреть на себя в зеркало, он озабочен прыщами и мигренями, в его голове крутится кафешантанный мотивчик, его преследуют рекламы слабительного – он разменивается на копейки, занимается ерундой. У него все не так: «семья – ералаш, а знакомые – нытики, смешной карнавал мелюзги. От службы, от дружки, от прелой политики безмерно устали мозги».

Этот герой и сейчас никуда не делся, а живет в каждом из нас, сегодняшних городских обывателей; это вокруг нас – обстановочка и желтый дом, это в наших «ЖЖ» постоянные теги «нормальных нет» или «дурдом на колесиках». И пусть вместо жилички-белошвейки с романсом «пойми мою печаль» за стеной сосед орудует перфоратором, а вместо врывающихся в комнату знакомых трезвонит мобильник и выскакивает десяток сообщений в личке, едва захочешь поработать – здесь мало что меняется. Саша Черный потому и обеспечил себе вечное место в истории русской словесности, что каждому из нас рассказал какую-то смешную и

гадкую правду про нас. Это ему, кстати, а не профессору Преображенскому принадлежит вечно актуальный рецепт оздоровления психики:

*В безвозмездное владенье
Отдаю я средство это
Всем, кто чахнет без просвета
Над унылым отраженьем
Жизни мерзкой и гнилой,
Дикой, глупой, скучной, злой.
Получая аккуратно
Каждый день листы газет,
Бандероли не вскрывая,
Вы спокойно, не читая,
Их бросайте за буфет.*

Правда, в том же сборнике «Сатиры» автор предупреждает читателя, недовольного отечественными газетами:

*Друг-читатель! Не ругайся,
Вынь-ка зеркальце складное.
Видишь – в нем зловеще меркнет
Кто-то хмурый и безликий?*
Саша Черный вдохновенно безжалостен и к себе, и к своему времени, и к читателю – настолько, что стыдно становится «спать и хныкать и пальцем в небо тыкать». Он безошибочно нашел в человеческой душе черного человека, вытащил на свет и безжалостно препарировал – а что становится смешным, перестает быть страшным. Но его нельзя найти, если его там нет. Сатиры Саши Черного – это в самом деле «песни самоубийцы», по выражению Чуковского; песни, пронзительно знакомые каждому, кому рано или поздно делалось тошно жить на свете, – «брякнуть вниз о мостовую одичалой головой»... или «мне сказала в пляске шумной сумасшедшая вода: если ты больной, но умный, прыгай, миленький, сюда». И вытащить эту болезненную, страшную фигуру, слепленную из пустоты, черноты и отчаяния, на свет из потемок своей души, и сделать ее смешной, и дать ей пинка – «кто смеется, тот спасен», как сказано в «Тиме Талере», где черта побеждает смехом, – чтобы проделать все это и не сдохнуть в процессе от боли, надо быть человеком недюжинной душевной силы и здоровья.

Саша Черный
являлся одним
из ведущих
авторов
«Сатирикона»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

На Сашу Черного обрушилась всенародная слава со всеми ее издержками – фамильярностью (он и сам злился на себя, что взял себе такой псевдоним; позже стал подписываться «А.Черный»), с вечным непониманием – ладно бы только публика путала поэта с лирическим героем и считала, что это он сам, А.М. Гликберг, по ночам гуляет с распутными пьяными Феклами, а по утрам ходит к докторам. Так ведь и критики путали лицо с маской – и надо сказать, не без повода. Непонимание зашло так далеко, что сборник «Сатиры и лирика» пришлось предварить посланием «Критику»:

Когда поэт, описывая даму,

Начнет: «Я шла по улице.

В бока впился корсет»,

Здесь «я» не понимай, конечно,
прямо –

Что, мол, под дамою скрывается
поэт.

Я истину тебе по-дружески открою:

Поэт – мужичина. Даже с бородою.

Упомянутые «киевские медички» в 1910 году прислали поэту просьбу, которую и сейчас читатели часто обращают к авторам: поменьше негатива, побольше позитива и оптимизма. Медички сформулировали просьбу в стихах:

...песню пропойте,

Где злость не глушила бы смеха –

И вам, точно чуткое эхо,

В ответ молодежь засмеется.

1910 год – в разгаре эпидемия самоубийств, недавно введены смертные казни – и тут «группа божьих коровок» требует беззаботного смеха. Должно быть, веселым киевским медичкам долго икалось по прочтении ответа:

Весело, весело, весело, весело!

Щелкайте громче зубами.

Одни живут, других повесили,

А третьи – сами...

...

Но когда вашу лампу потушат,

И когда вы сбегите от всех,

И когда идиоты задушат

Вашу мысль, вашу радость и смех, –

Эти вириши, смешные и странные,

Положите на ноты и пойте,

как пьяные:

И тогда, о смею признаться,

Вы будете долго и дико смеяться!

В 1901–1902

годах Александр

Гликберг

служил рядовым

в учебной

команде,

а в годы Первой

мировой

войны – рядовым

при полевом

лазарете

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АД Я ВИДЕЛ НА ЗЕМЛЕ

Читателя ошеломила и новизна поэтического языка, и отмеченный Маяковским антиэстетизм, доведенная до совершенства эстетика безобразия. И свобода, с которой в ткань стихотворения вводятся повседневные реалии – от популярных мотивчиков до рекламы. И разговорная интонация, придающая стиху прелесть и пластичность живой речи. Но главное у Саши Черного – это внезапно загорающаяся во вселенском безобразии спасительная улыбка.

Саша Черный был пессимист – в самом деле, вселенского масштаба. Одно из самых популярных его стихотворений – просьба лирического героя к Богу дать ему после смерти «исчезнуть в черной мгле», потому что «в раю мне будет слишком скучно, а ад я видел на земле». Куда менее известна поэма «Ной» – горькая история о том, как семейство Ноя на ковчеге ссорится, злится – и спасает для нового мира все пороки мира старого, погубленного потопом.

«Ад я видел на земле» у Саши Черного – не фигура речи. В Первую мировую он служил санитаром на фронте. С этого времени Саша Черный уже не сатирик – наблюдатель, хроникер, реалист; это уже другой поэт, с другим языком, другими выразительными средствами.

Февральскую революцию он встретил на фронте; был избран начальником отдела управления комиссара Северного фронта. Служил в Пскове – оттуда и

бежал в 1918 году, жил сначала на хуторе под Двинском, нынче это Даугавпилс, затем, уже зимой, перебрался в Вильно. Год прожил в Литве, затем уехал в Германию и поселился под Берлином – в Шарлоттенбурге.

Очнись. Нет дома – ты один:

Чужая девочка сквозь тын

Смеется, хлопая в ладони.

В возах – раскормленные кони,

Пылят коровы, мчатся овцы,

Проходят с песнями литовцы –

И месяц, строгий и чужой,

Встает над дальнею межой...

Это воспоминания о Литве, похожей и чужой одновременно. Эмиграция – тоска и бездомье. В другом стихотворении, написанном тогда же, в начале 20-х, лирический герой играет с детьми, строит корабль из песка – и они велят ему вести воображаемый корабль в Петроград... И вот из тумана выступают знакомые крыши:

И младшая робко сказала:

«Причалим иль нет, капитан?...»

Склонившись над кругом

штурвала,

Назад повернул я в туман.

БЕРЛИН – ПАРИЖ – РИМ – ЛА ФАВЬЕР

Сейчас, когда на смену бытовому ужасу пошлости пришел кровавый ужас Гражданской войны – Саша Черный иначе относится к прошлому. Об этом он несколько раз писал – дважды в некрологах Аверченко, в стихах и в прозе:

Разве мог он знать и чують,

Что за молодостью дерзкой,

Словно бесы, налетят

Годы красного разгула,

Годы горького скитанья,

Засыпающие пеплом

Все веселые глаза...

И еще одно поразительное признание: «Сатира сменила юмор. Ненависть к поработителям была заслонила веселую усмешку обывателя над забавными нравами своей родной улицы, беспечно шумящей за его окном («обывательское» отношение для нас сегодня отнюдь не жупел, а, напротив – во многом здоровое, утверждающее национальный быт начало)».

Глеб Алексеев, бывавший в гостях у Саши Черного в Берлине, оставил его портрет: «У него красивое, покойное лицо, серебро, осыпавшее виски, ласковые глаза, тонкие девичьи руки – во время разговора он любит смахивать со стола пушинки и никогда не смотрит на собеседника: словно говорит для самого себя. <...> Говорит он всегда об одном и том же. Будто тема эта – судьбы русской литературы – прожгла его, как раскаленная игла, и не оставила в нем ни одной капли души не кипящей. В своих суждениях он старается быть резок и прям – все приговоры он давно вынес и закрепил, но по уголкам глаз, слегка дрожащим, да по его руке, старательно выковыривающей восковое пятно на столе, я вижу, что уверить он старается скорее себя, чем меня. Для него ясно, что Россия, какой она была, погибла. Быт его сатирически оттошен и не вернется. В новом поднимающемся быте – что в нем хорошего и почему старый был хуже? Он даже не хочет видеть этого нового быта. И задача – поставленная жизнью перед ним – разве не ясна? – Всякий честный человек должен покончить с эмиграцией. Осталось два выхода: пуля в лоб или принять жизнь Запада, раствориться в ней, отыскать свое место и перестать быть эмигрантом. Какой еще выход вы можете предложить?»

Еще до революции он начал переводить с немецкого и писать для детей; переводы и детские книги теперь стали его основным занятием; в Берлине он выпустил книгу «Детский остров», работал над изданием «Детской библиотеки» (классики для детей), над детской антологией «Радуга», писал свои сказки и переводил немецкие.

В 1923 году он жил в гостях у семьи Леонида Андреева в Италии. Валентин Андреев, сын писателя, вспоминал: «Саша любил все земное, дышащее и ползающее, летающее и цветущее. Он мне сказал раз: никогда не обижай живое существо, пусть

Любимый
фокстерьер
писателя стал
главным героем
книги «Дневник
фокса Микки»

это таракан или бабочка. Люби и уважай их жизнь, они созданы, как и ты сам, для жизни и радости». Дети и звери – его отрада, его единственная, наверное, возможность быть самим собой. Детские стихи, детские книги – даже эмигрантские – полны неподдельной радости, которую этот замкнутый, угрюмый, нервный человек сохранил в первозданном младенческом виде. И «отчего у мамочки на щеках две ямочки», и «верба, верба, в каждой лапке бархатный пучок» – чистое счастье. И «Мой роман», единственное его любовное стихотворение, – о трехлетней девочке.

И «Дневник фокса Микки», решающего загадку, есть ли у детей хвостики, теряющегося, визжащего от радости, когда встречает хозяйку – просто воплощение щенячьего счастья.

В 1924 году он перебрался во Францию; зимой жил в Париже, летом – на Лазурном Берегу, в Ла Фавьере, где обосновалась русская колония, самым известным обитателем которой был художник Билибин. Со временем Черный с женой купили там домик и переехали в Ла Фавьер насовсем. Он писал для детей, работал в журналах, выступал перед эмигрантами в разных городах. И наотрез отказывался говорить о будущем России: «Нет! что бы ни случилось, я не вернусь обратно, потому что моей России более нет и никогда не будет!» – сказал он Николаю Станюковичу.

Свою Россию он возвел в «Солдатских сказках» – чистосердечных, добродушных, полных скоромных намеков, невинного лукавства и поэзии самой высокой пробы.

Он умер совсем неожиданно: шел домой, услышал соседский крик с призывом о помощи, понял, что пожар (одни пишат – горела соседская ферма, другие – что это был лесной пожар), побежал его тушить. Тушил без шляпы, на жаре – не то солнечный удар, не то сердце не выдержало. Пришел домой, лег и умер. И любимый его фоксик, которого он носил на плече и наглаживал, умер у него на груди.

Современники единодушно, чуть не одними и теми же словами говорят о Саше Черном: редкая, нежная, тонкая душа; как писал Александр Амфиатов, «амфора, слишком рано опорожненная от драгоценнейшего, благоуханнейшего содержания». Улетела от нас «душа, из тонких парфюмов сотканная», а потому и очень одинокая и печальная в веке миазматическом, который она тщетно усиливалась дезинфицировать, хоть на то малое, окружное пространство, где, запертою, она, бедная и кроткая, ежилась и сжималась, как чуткая мимоза, брезгливо свертывающая свои листы в укрытие от грубых прикосновений».

И все-таки – жизнь выносива. Даже в горьком «Собачем парикмахере», лучшем из поздних стихотворений Саши Черного, смешная собака подставляет бока под стрижку, в очках смеется солнце, а старая жена все понимает без слов:

*Молчат, – давно наговорились.
И только кроткие глаза
Не отрываясь смотрят вдаль
На облака – седые корабли,
Плывущие над грязными домами:
Из люков голубых
Сквозь ключья пара
Их прошлое, волнуясь,
выплывает...*

И горечь уже не отравка, не желчь, а легкий полынный привкус – потому что это просто жизнь. ■

«ШАЛОСТЬ БОЛЬШОГО ТАЛАНТА»

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

170 ЛЕТ НАЗАД ПОДКОЛЕСИН ВПЕРВЫЕ СБЕЖАЛ ОТ АГАФЫ ТИХОНОВНЫ. С ТЕХ ПОР НА СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА В ДЕКОРАЦИЯХ НЕ ЗАТВОРЯЕТСЯ ТО САМОЕ ОКНО, ЧЕРЕЗ КОТОРОЕ НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ЖЕНИХ ПОКИНУЛ СВОЮ НЕВЕСТУ...

Премьера «Женитьбы» прошла в новом здании Александринского театра, которому в ту пору исполнилось десять лет

ПОЧЕМУ СБЕЖАЛ ПОДКОЛЕСИН? Над ответом на этот вопрос бьются театральные режиссеры всего мира. И пока они не сошлись даже в главном: немолодой надворный советник, кряхтя влезаящий на подоконник и сигаяющий на мостовую, уморительно смешон или пронзительно грустен? Для того чтобы понять, как изменилось восприятие комедии

за 170 лет ее существования, над чем смеется и грустит сегодняшний зритель, мы отправились в Александринский театр, на сцене которого пьеса родилась и продолжает жить до сих пор. Между прочим, здесь и сейчас есть «ярус Гоголя», где писатель нередко располагался во время репетиций и откуда давал указания господам актерам.

ШАЛОСТЬ С НЕВИННЫМ СЮЖЕТОМ

Премьера «Женитьбы» на сцене Александринского театра провалилась. «Шалость большого таланта», – снисходительно говорили современники. В сравнении с «Ревизором», поставленным шестью годами ранее, «Женитьба» была воспринята как безоговорочный шаг назад. А сейчас комедию ставят, пожалуй, даже чаще «Ревизора». Особенно в провинции. Свахи, надворные советники и экзекуторы ушли из современной жизни, но многое другое сохранилось: мужчины до сих пор со скрипом принимают решение жениться, а женщины и сегодня мечтают о странном гибриде идеального мужчины: например, с носом Ивана Кузьмича и губами Никанора Ивановича.

До революции гоголевскую комедию ставили заново каждые восемьдесят лет. В советские и новые времена декорации гостиной Агафьи Тихоновны, как и ее обитателей, стали менять заметно реже. «Женитьба» худрука Александринского театра Валерия Фокина, поставленная пять лет назад и удостоенная «Золотой маски», до сих пор считается «молодой», и вычеркивать ее из репертуара пока никто не намерен. Фокин поставил невесту и женихов на коньки, утверждая при этом, что «шел от Гоголя». Многие его предшественники-режиссеры тоже были уверены, что их интерпретации наверняка понравились бы Николаю Васильевичу. Сам Гоголь смог увидеть и оценить лишь две постановки «Женитьбы». Первая – петербургская, в которой наиболее выигрышную в пьесе роль, приятеля Подколесина Кочкарева, исполнял знаменитый актер Иван Сосницкий. Вторая – московская, в которой Кочкарева играл сам Михаил Щепкин. И Сосницкий, и Щепкин – величайшие артисты того времени – в истории с «Женитьбой» были больше, чем просто исполнители. Они фактически заказали комедию для собственных бенефисов, подталкивали

ВИКТОР СЕНЦОВ / ПРЕДСТАВЛЕНО АДМИНИСТРАЦИЕЙ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА

Гоголя к написанию, просили, интересовались, напоминали об обещании, предлагали писателю собственные идеи. Сосницкий, к примеру, утверждал, что авторство пикировки свахи и Кочкарева, состоящей из пословиц и острых словечек, во многом принадлежит ему.

Гоголь испытывал к своему творению противоречивые чувства. Почти десять лет держал он черновой вариант комедии у себя (для «шалости» что-то слишком долго), то загораясь идеей переработать пьесу, то уничтожая написанное. Казалось, после «зубастого» «Ревизора» он не хотел возвращаться на сцену с «невинным сюжетом», на который и «квартильный не мог обидеться». На провал первой постановки Гоголь отреагировал спокойно, будто ждал его. «Толки о «Женитьбе» и «Игроках» совершенно верны, и публика показала здесь чутье», – самокритично резюмировал он. И уже больше для театра не писал.

НЕ СТОЯТЬ НА КОЛЕНАХ, НЕ ПРЫГАТЬ НА КОСТЯХ

– О чем «Женитьба»? Я считаю, что она о сохранении самого себя, своего внутреннего мира, в окружающем безумном мире, – говорит режиссер самой свежей версии «Женитьбы» в Александринском театре Вале-

Каток, где происходит сватовство, по замыслу режиссера воплощает в себе ярмарочность нашей жизни

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Валерий Фокин

рий Фокин. – Для меня главный герой – не ленивый трус, опасющийся женщин, а человек, который счастлив в своем мирке и хочет его сохранить. За окном – ярмарка, сплошной кастинг, где все себя рекламируют и позиционируют, как сейчас говорят. Поэтому сам процесс сватовства в нашей постановке происходит на катке, воплощающем в себе эту ярмарку. Подколесин не желает в ней участвовать, но приятель Кочкарев вовлекает его туда. Добром дело не заканчивается. Реалии сегодняшнего дня показывают нам, что отойти и не бороться подчас более смелый поступок, чем активно участвовать. Конечно, каток – это символ чистой воды, но не оторванный от исторической правды. В гоголевские времена в Петербурге катания на коньках были очень распространены. Люди даже переезжали на другой берег Невы на коньках, используя их в качестве транспорта.

Достаточно бросить взгляд на весьма внушительный список театральных постановок Валерия Фокина, чтобы понять: Гоголь – главный драматург в его профессиональной жизни. Режиссер в разное время и в разных странах поставил практически целиком собрание сочинений Николая Васильевича, за исключением, пожалуй, «Выбранных мест из переписки с друзьями». Ту же «Женитьбу» Валерий Фокин многократно выпускал в различных уголках земного шара и как минимум на трех языках назовет одного из героев пьесы по фамилии Яичница – русском, корейском и польском.

– Опыт постановок «Женитьбы» в Южной Корее и Польше был для меня интересным и полезным, – говорит Валерий Владимирович. – Это не было тиражированием одной постановки, в каждой из стран мы придумывали спектакль отдельно. Начинать работу я всякий раз с того, что пытался максимально изучить страну, в которой ставлю. Что называется, впитать контекст. В том числе театральный. Корейскому театру, например, присущи условность и формальность. Кроме того, корейские слова и фразы длиннее русских, и актеры не могли работать на сцене в том ритме, которого мне бы хотелось добиться. Пришлось танцевать от их возможностей и органики. Основные сложности проистекали из затрудненного общения и, что еще важнее, понимания между мной, режиссером, и актерами. Корейские актеры люди дисциплинированные, но мы разные книги читали в детстве. Если русская актерская школа подразумевает технику внутренней игры, то на Востоке это не так сильно развито, на переднем плане – форма. С поляками работалось гораздо легче. Своей культурой они размяты для постановок Гоголя: гротеск и абсурд даются им проще, чем русским.

В своих спектаклях Фокин причудливо совмещает современ-

ВИКТОР СЕНЦОВ / ПРЕДОСТАВЛЕНО АДМИНИСТРАЦИЕЙ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА

В версии Фокина Кочкарев (справа, актер Дмитрий Лысенков) не просто уговаривает Подколесина (Игорь Волков) жениться, а соблазняет с дьявольским коварством

ные подходы к прочтению Гоголя с дотошным вниманием к букве и замыслу автора. И поставленная в Александринском театре «Женитьба» тому очередное доказательство – да, он выстроил на подмостках ледовую площадку и поставил героев на коньки, вызвав упреки гоголевцев в оригинальничании и заигрывании с публикой, но вместе с тем вывел на сцену персонажей из ранних редакций пьесы, проведя собственные литературоведческие изыскания. Говоря о своей последней «Женитьбе», которая встретила на легендарной сцене 170-летие одноименной пьесы, Валерий Фокин уверен: в его спектакле и первой постановке «Женитьбы» больше общего, нежели различного.

– Преемственность есть, и, думаю, она ощущается зрителями, – считает он. – На мой взгляд, по-

становка может изобиловать самыми радикальными и неожиданными решениями, но идти они должны изнутри, то есть от автора – из текста. В этом и есть преемственность. И авторское начало мы постарались сохранить. Как говорят, нельзя стоять на коленях перед автором, но и прыгать у него на костях тоже не нужно.

КНИГОЧЕЙ ПОДКОЛЕСИН И ЧЕРТ КОЧКАРЕВ

Исполнитель роли Подколесина Игорь Волков в жизни не носит очков, но в двух ролях из трех вынужден их надевать: ампула интеллигента приклеилось к нему с молодых лет. В гоголевских постановках все эти качества артиста Александринского театра оказались не лишними, а в одном из спектаклей он сыграл самого Николая Васильевича.

ВИКТОР СЕНЦОВ / ПРЕДСТАВЛЕНО АДМИНИСТРАЦИЕЙ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА

– Мой герой – нормальный человек, ни в коем случае не ущербный, не недотепа, – рассказывает Игорь Волков в примерке за полчаса до спектакля. – Своего рода предтеча Обломова. Книгоочей, домашний человек, даже где-то благородный. Он понимает, что жениться нужно, но хочет сделать это спокойно и без истерики. Разговор наедине между Подколесиным и Агафьей Тихоновной обо всяких пустяках обычно воспринимается и ставится как комический эпизод. Но если отбросить этот штамп, понимаешь, насколько они понравились друг другу. Между двумя одинокими людьми возникло чувство, и оно переросло бы в большую любовь, если бы в их отношения не вмешивались, не подгоняли их. И это главная трагедия комедии, как ни парадоксально это звучит. Финал однозначно трагичен. После этой неудачи Подколесин вряд ли когда-нибудь соберется свататься.

Многие исполнители роли Подколесина особое внимание уделяют поиску подколесинской походки. Одни робко семенят, другие передвигаются на не стигающих ног, третьи изображают дрожание ног. Лед и кро-

вать, на которых зрители видят Подколесина–Волкова, избавили актера от этих мук.

– Репетируя спектакль, мы обратили внимание на то, насколько часто Подколесин произносит такие слова и выражения, как «неловко», «не хорошо», «не надо», «что за нахальство» и так далее, – рассказывает актер. – Он нашел сваху, а это уже важный шаг к переменам. Не нужно его торопить. А его практически силой втаскивают в чуждый мир. В 40-е годы XIX века такой герой не был понят публикой, он явился слишком рано. Быть может, поэтому пьеса провалилась. Публика не понимала, как воспринимать Подколесина – для недотепы он недостаточно смешной, а воспринимать несмелого и нерешительного человека героем она тоже не могла. Но для наших дней этот персонаж очень актуален. К сожалению, сейчас на интеллигентов смотрят именно как на недотеп. Сегодня миром правит бесцеремонность, быстрая реакция и хорошо подвешенный язык. То есть правят Кочкаревы.

Дмитрий Лысенков, играющий Кочкарева, согласен с Софроничевым и Щепкиным в том,

В современной постановке Александринки Агафья Тихоновна (Юлия Марченко) ищет не женитьбы, а любви

что роль Кочкарева – самая выигрышная и интересная в пьесе. Несмотря на молодость и непродолжительный стаж работы в Александринке, Дмитрий уже изведal ощущения театральной примы: здесь он играет и Хлестакова, и Гамлета.

– Если бы мне не доверили Кочкарева, с удовольствием сыграл бы Жевакина, из женихов он наиболее прописан, – говорит актер. – Меня Валерий Фокин сначала на Жевакина и пробовал, но артист, который репетировал Кочкарева, ушел из театра, и мне предложили эту роль. При этом я бы не назвал ее бенефисной. Когда я читал у критиков, что Лысенков тянет одеяло на себя, мне стало смешно – у Валерия Фокина это попросту невозможно, коридор для импровизации очень узок.

Кочкарева практически всегда играли как сверхэнергичного и заводного человека. Лишь изредка этот персонаж представлялся усталым, умудренным жизнью философом. Кочкарев в исполнении Лысенкова не только остроумный болтун, но и демон-искуситель. И некоторая потусторонняя мистика в его поведении постоянно подчеркивается на сцене. Наверняка первые исполнители роли Кочкарева персонажа не демонизировали, но авторы современной версии «Женитьбы» утверждают, что и в этом шли «от Гоголя».

– На репетициях Валерий Фокин называл Кочкарева человеком, одержимым чертом. Посмотрите в текст пьесы, как часто в своих речах он упоминает черта и дьявола, – говорит Дмитрий Лысенков. – Жизнь Кочкарева, несмотря на его активность, пуста, а любая пустота в душе человека, по Достоевскому, заполняется чертом. Во времена Гоголя над шутками Кочкарева смеялись, а сейчас, как мне кажется, этот персонаж потерял комическую природу. Как и большинство других персонажей «Женитьбы».

Действительно. Не смешно. ❧

ПЕРСИДСКОЕ ХОЖДЕНИЕ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ДВИГАЯСЬ КО «ВТОРОМУ» МОРЮ, «ИНДИЙСКОМУ», АФАНАСИЙ НИКИТИН ПЕРЕСЕК ВЕСЬ ИРАН С СЕВЕРА НА ЮГ. ПЕРВОЙ ПРЕГРАДОЙ НА ПУТИ ЛЕЖАЛИ ВЫСОЧАЙШИЕ ГОРЫ ВСЕГО БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА – ХРЕБЕТ ЭЛЬБУРС.

НА ОБЪЕЗДНОЙ ДОРОГЕ города Рамсара я остановил большой пикап, под завязку набитый апельсинами. Крепкий, почерневший от загара водитель по имени Навруз закинул мой рюкзак в кузов с фруктами, и мы двинулись к Тегерану. Навруз вез на столичные базары то, что вырастил в своем саду. Жаловался, что приходится отрываться от хозяйства, тратить на сбыт много времени и сил, но уж лучше так, чем отдавать фрукты перекупщикам за копейки.

Мы планировали выехать на горную дорогу до наступления темноты, но мешал другой Навруз – праздник. Через небольшие городки, тянущиеся цепочкой вдоль берега, невозможно было проехать. В поисках подарков к своему Новому году иранцы устроили скопление машин и мотоциклов. Свернули в горы уже в полной темноте. Дорога сузилась и пошла петлять зигзагами...

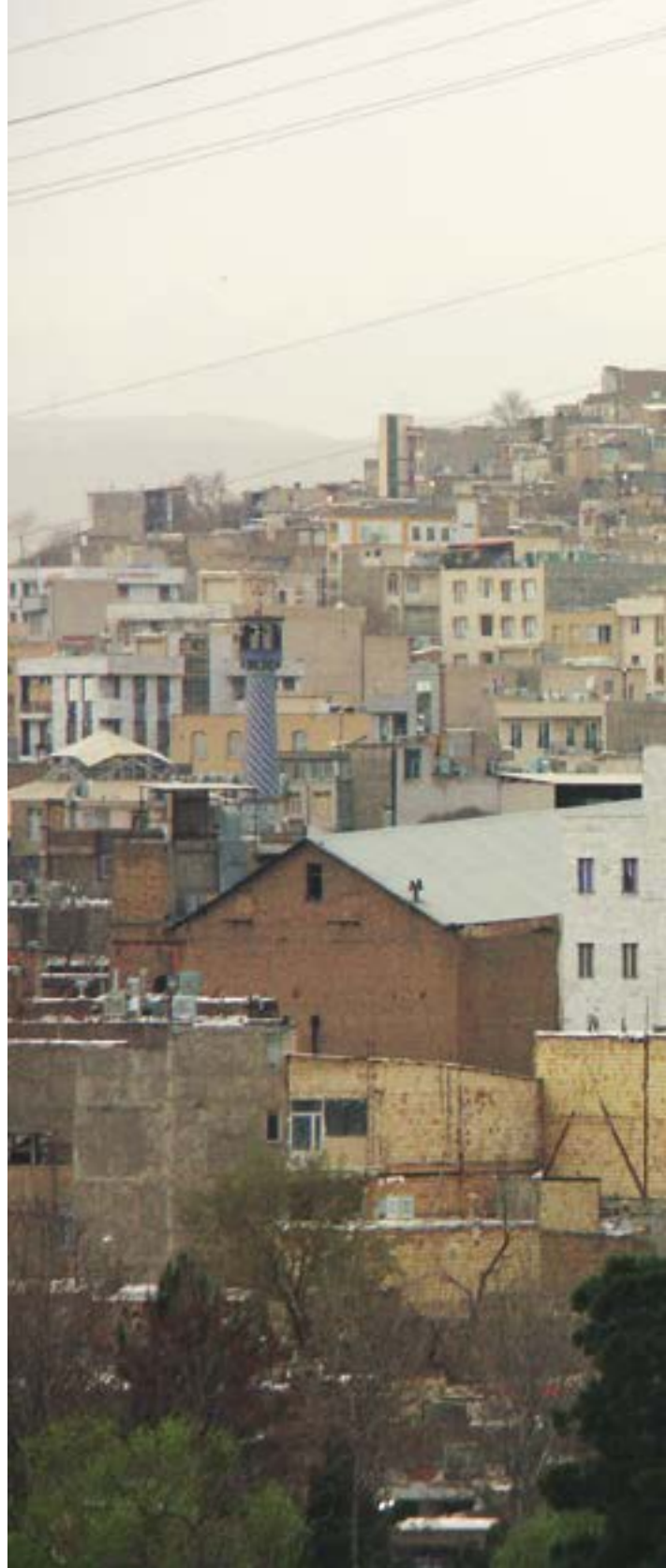
Окружавшие нас горы не случайно называются почти так же, как наш Эльбрус – высочайшая гора Кавказа, считавшаяся священной у древних зороастрийцев. Самая высокая точка Эль-

бурса, пик Дамованд, по своим основным параметрам удивительно схож с Эльбрусом: обе горы являются потухшими вулканами и по высоте отличаются всего на 38 метров – 5604 и 5642 метра над уровнем моря соответственно.

Луны не было. Горы растворились в черной мгле. Но Навруз даже сейчас пытался показать мне что-то интересное. Он остановился, предложил выйти из машины и подойти к краю обрыва. Смотри, говорит. А смотреть было на что: невидимую во тьме гору украшала гирлянда огоньков – это такие же, как наш, пикапы с фруктами преодолевали крутой подъем.

Ближе к перевалу пикапы с апельсинами все чаще стали «закипать» и сворачивать на обочину. Вдруг в свете фар появился парень, машущий пустой канистрой. Навруз затормозил, схватил канистру с водой и убежал в ночной мрак на выручку.

Привал решили устроить на узком плато, вся территория которого занята чайханами. «Ужин», – объявил Навруз. В Иране в чайхане подают не только чай – это своего рода общепит, где простые люди обедают, ужинают. В чайхане, куда мы зашли, стояли дровяные печи, которыми обогревают помещение и на которых готовят

еду. Вокруг печи расставлены пеньки для желающих посидеть и попить чай. Для желающих поужинать правила другие: мы сняли обувь и уселись на застланный ковром топчан высотой чуть выше колен...

Поужинав, снова отправились в путь. Не доехав до Тегерана 20 километров, Навруз вдруг заявил, что куда-то сворачивает, и высадил меня на ночном шоссе. Я вскарабкался на близлежащий склон и поставил палатку в расщелине.

Северо-западные окраины Тегерана. Современный восточный хаос всевозможных строений

НЕРВНЫЙ ТЕГЕРАН

Спать пришлось недолго. Как только небо над горами посветлело, разбудил ледяной ветер. Мой организм, несколько дней стойко переносивший холодный туман Каспия, наконец не выдержал. Начало лихорадить, да к тому же еще губу разнесло от простуды. Видимо, моя кривая физиономия отпугивала проезжавших водителей – никто не останавливался. Выручил Хамид – менеджер крупной строительной компании. Все мысли этого успешного бизнесмена крутились вокруг его жены, которая ушла от него к родителям два года назад, когда Хамид сидел без работы. Всю дорогу он рассуждал о том, как бы развестись и жениться на новой избраннице, у которой, по его словам, был лишь один недостаток – пристрастие к кальяну. «Выплата калыма у нас совсем

не обязательна, – объяснял Хамид финансовую сторону вопроса. – Все зависит от женщины. Одна скажет – мне нужно только твое сердце. Или подари мне белую лилию. А другая установит цену в 500 золотых. Но развод без энного количества «пехлевинок» (золотых монет времен правления шахской династии Пехлеви. – Прим. авт.) невозможен».

В гигантском потоке машины мы медленно вплывали в столицу. Параллельно шоссе шли двухэтажные, набитые людьми пригородные поезда. Тегеран – один из крупнейших городов Азии с населением около 14 миллионов человек. Место для мегаполиса, надо сказать, не самое удачное. Северная половина города окружена горами, поэтому в безветренную погоду смог буквально душит Тегеран. Тяжело дышать здесь

даже зимой, люди нередко ходят в респираторах. Мэрия столицы призывает всех водителей перейти с бензина на газ и ограничивает въезд в город – в четные дни месяца разрешен въезд машин с четными номерами, в нечетные – с нечетными.

Пригороды и окраины Тегерана застроены промзонами. Столичные заводы производят треть всей промышленной продукции страны. О состоянии местной экономики можно судить по тому, что тебя окружает: здесь почти совсем нет импортных продуктов питания, много иранской электроники, везде прекрасные дороги, во все основные направления идут скоростные автомагистрали, по ним мчатся по большей части современные автомобили, трейлеры и автобусы, которые собирают в Иране. «Наша экономика была ведущей в исламском мире, уступая толь-

В центре иранской столицы не осталось и следа от Старого города

ко Турции, – со знанием дела объяснил Хамид. – До недавнего времени. Сейчас Иран в тяжелейшем экономическом кризисе. За последние десять месяцев курс национальной валюты упал с 12 тысяч реалов за доллар до 35 тысяч реалов. Международные экономические санкции в этот год все-таки стали ощутимо действовать на страну. Сейчас вот эта подержанная машина (седан «хордо саманд» – неплохой национальный автомобиль. – Прим. авт.) стоит тысячу долларов, новая – около 3 тысяч. Все сейчас как на иголках, боятся пошевелиться, никто не знает, что будет завтра».

Мотоциклисты, как рой взбесившихся пчел, протискиваются между машинами, ездят по тротуарам, мчатся по встречной полосе. На наших глазах такой байкер сбил велосипедиста, спокойно катившего по краю дороги. Только тогда полицейский засвистел.

В тихом элитном районе Тегерана с нервами у некоторых жителей тоже не все в порядке. Из окна холостяцкой квартиры Хамида я наблюдал, как паркуется сосед: место себе он расчищал, тараня бампером металлический мусорный контейнер. А через минуту появился моло-

дой наркоман, закопавшийся в мусор с головой...

Радовало в Тегеране только одно – наконец-то я добрался до тепла! Приятно грело солнце, воздух стал сух как в пустыне.

Хамид приготовил завтрак и налил чай из небольшого «самовара». Хотя то, что стояло на газовой плите, имело странный вид: некий чайник с краником. Тем не менее хозяин его так и называл – «са-мо-вар».

Холостяцкий «самовар» Хамида

МУЗЕЙ МУЧЕНИЧЕСТВА

Поездка в центр Тегерана до офиса Хамида тоже не обошлась без приключений. Снова попали в пробку. Блокировал движение мусоровоз, останавливавшийся через каждые 50 метров у мусорных контейнеров. Водители чуть ли не с кулаками бросились на рабочих, крича, что уборкой мусора нужно было заниматься в 5 утра. Но полицейский всех уgomонил, объяснил, что власти распорядились убрать мусор именно сейчас. Дело в том, что сегодня ночью настанет «огненная среда» – последняя среда перед Наврузом, в которую по древней традиции принято зажигать огни – символ очищения. Нормальные люди зажигают свечи и масляные светильники в своих домах, а несознательная молодежь жжет костры из мусора на улицах.

В центре столицы историческая застройка почти отсутствует. В 50–70-х годах XX века последний шах Ирана, желая превратить Тегеран в современный мегаполис, снес весь Старый город

Забор бывшего
посольства США
(вверху)
и Музей
мученичества
(слева)
стоят напротив
друг друга.
Здесь многие
считают, что
именно Америка
подогревала
долгую
бессмысленную
войну между
Ираном
и Ираком

с узкими восточными улочками и средневековыми крепостными сооружениями. Потрудились в создании нового облика столицы и русские архитекторы. Например, железнодорожный вокзал спроектировал Владислав Городецкий. Николай Марков оставил память о себе сразу несколькими работами, главная из которых – храм во имя святителя Николая, уже 68 лет служащий отдушиной для нескольких поколений русских эмигрантов.

В целом же центр города так и застыл в 70-х годах урбанистической Европы: угловатые бетонные 10-этажные офисные здания, широкие проспекты, жиденько засаженные деревьями... Красок добавляют висащая над городом заснеженная гора Точал и большие плакаты имама Хомейни.

Впечатляет бетонный забор бывшего посольства США, изрисованный антиамериканскими изображениями и лозунгами. Прямо напротив забора обнаружился довольно большой Музей мученичества, посвященный погибшим во время ирано-иракской войны. Эта восьмилетняя война убила и покалечила около 2 миллионов иранцев. В любом населенном пункте страны на улицах висят портреты мучеников (шахидов), которые жили в этом городе, селе, деревне. Здесь, в витринах главного музея, – скульптуры воинов, прощающихся со своей семьей или умирающих на поле брани. Внутри – приглушенный свет и звенящая тишина, на стенах – картины готовых идти на смерть иранцев, которых благословляет Кораном Родина-мать, уже вознесшиеся на облака герои, искореженное «древо жизни», пронзаемое металлическими стрелами... Все это так ярко живописует идеал мученичества в шиитском исламе. Шииты (точнее, имамиты, составляющие 85 процентов населения Ирана) верят в 12 праведных имамов – потомков пророка Мухаммеда. Все имамы, за исключением последнего, ушедшего в «сокрытие»,

Типичное оформление тегеранских станций метро: шахиды-мученики и Саади, распевая свой философские стихи

приняли мученическую смерть. Многие родственники имамов, духовные учителя и подвижники-суфии также подвергались суровым гонениям. Например, проповедник X века Мансур Халлядж ходил по улицам, провозглашая: «Я – Истина». Халиф обвинил Халляджа в богохульстве и приговорил к четвертованию. Идя на казнь, мудрец произнес: «Путь к вознесению человека берет начало с вершины эшафота». После отсечения рук и ног Халлядж кричал: «Боже! Во имя всех мучений, что я претерпел на пути Твоем, прошу: не погуби людей, истязающих меня!» В наше время в иранских мечетях можно увидеть, как простые прихожане – не имамы – начинают буквально рыдать, другие распевают молитвы с таким плачем, что вся мечеть наполняется слезами, и даже люди, далекие от религии и совсем не понимающие языка, смотрят как зачарованные...

СУДЬБА РЕЯ

Афанасий Никитин так пишет о городе Рее: «Тут убили шейха Хусейна, Алиевых детей и внучат Махметевых, и он их проклял – 70 городов развалило». Сейчас Рей – это южная окраина Тегерана, куда можно доехать на метро. Тегеранская подземка, открытая в 2001 году, самое спокойное, тихое, чистое, действительно «европейское» явление столицы. Но, конечно, с иранскими штрихами. В оформлении станций две темы – средневековые персидские поэты и шахиды-мученики. Вагоны – двух типов: мужские и женские. Правда, когда пассажиров немного, это правило не всеми соблюдается, но если час пик, в битком набитых вагонах муж с женой созваниваются по мобильному телефону, договариваясь, на какой станции выходить. Рей, один из древнейших городов Персии, был разрушен в 1228 году ордами Чингисхана. Спустя 250 лет, когда в город вошел Никитин, Рей так и лежал в руинах. Странная история о разрушении 70 городов связана с мученической смертью имама Хусейна – внука пророка Мухаммеда. В 680 году Хусейна и его многочисленную семью окружила в пусты-

не армия халифа Язида. Требуя присягнуть на верность правителю, окруженных морили жаждой. Хусейн просил напоить своего новорожденного сына – но вместо воды ребенку дали яд. Брату Хусейна, Аббасу, позволили пронести воду в лагерь, отрубив ему обе руки – и он нес бурдюк с водой в зубах. Вскоре страшную смерть принял сам имам и около 20 ближайших родственников пророка, имевших право, как считают шииты, быть заместителями (халифами) посланника Бога, то есть Мухаммеда. Эта расправа произошла не в Рее, а далеко отсюда – в иракской Кербале. Но шииты верили, что кара Божья за смерть праведников пала на все окрестные города. Сегодня центр народного притяжения в районе древнего Рея – гробница вождя исламской революции имама Хомейни. Огромный комплекс – под стать величайшим святыням страны – пока еще стоит в строительных лесах, мавзолее возводят уже более двадцати лет, с момента смерти имама. Под главным куполом гробницы покоится скромная рака Хомейни и еще несколько надгробий других религиозных деятелей. Днем здесь

довольно пусто, а вот ночью все 10 тысяч квадратных метров ковров мавзолея заполняют спящие люди. Тегеран – один из самых дорогих городов Ближнего Востока, немногие «мехмунхуне» здесь всегда забиты, а «отели» простому народу не по карману. Вот и стекаются приезжие на ночевку к Хомейни. Особенно хорошо ночевать здесь в зимние холода – заворачиваешься в ковер и спишь спокойно... только до 7 утра, когда раздается призыв на молитву и служащие поднимают всех на ноги.

Имя вождя революции здесь следует выговаривать аккуратно. Если по русской привычке безударное «о» произносить как «а» – Хамейни, то все будут думать, что вы имеете в виду нынешнего главу страны – аятоллу Хаменеи. Нужно акцентированно говорить либо Хомейни, либо Хумейни – иначе получится конфуз, которого я не избежал: на мои расспросы о вожде революции мне рассказывали о Хаменеи, а я все удивлялся, как же они возносят своего вождя, что даже спустя 22 года после смерти считают его живым, говорят о том, что он проповедует и руководит страной.

Сегодняшние очертания мавзолея имама Хомейни (вверху) и его будущий окончательный вид на плакате у главного входа (справа)

СВЯЩЕННЫЙ КУМ

От южных окраин столицы начинается Большая соляная пустыня, крупнейшая в стране. Она тянется на сотни тысяч квадратных километров. Шоссе идет через раскаленное каменистое плато, из которого вырастают остроколенные скалы. Вдалеке блестят соленые озера. Где-то там за горизонтом стоит в гордом одиночестве космодром Семнан.

Первая остановка – священный город Кум, где находится вторая по значимости святыня страны – мавзолей непорочной Фатимы, сестры восьмого праведного имама – имама Резы. Она приняла здесь мученическую смерть в 816 году.

Как и Каабу в Мекке, эту святыню называют «харам», то есть запретное. Гробница открыта не только для мусульман. Харам – это целый комплекс с десятком мечетей и несчетным количеством других помещений духовного назначения. Главная святыня находится под золотым куполом с золочеными минаретами. Женщины и мужчины заполняют разные половины мавзолея. У женского входа – поток одетых в черную или сине-белую чадру. В обычной жизни такую накидку носят в основном пожилые женщины, но при посещении мечетей и гробниц чадра обязательна для всех.

Волна паломников внесла меня внутрь через фигурный золотой свод над входом. Ониксовый пол натерт босыми ногами паломников до блеска, стены – также из оникса, над головой – зеркальный небосвод с множеством узоров и персидской вязью, переливающийся то зеленым, то розовым цветом. Чтобы задержаться у раки Фатимы, нужно обладать недюжинной силой: непрерывный поток верующих, словно вода, обтекает усыпальницу, полирует руками фигурную решетку святыни и течет дальше. Из механических пульверизаторов служащие разбрызгивают розовую воду, наполняя пространство благоуханием. Гул молитв то и дело прерывается возгласами основных постулатов

Корана, народ тут же повторяет их хором. В соседних помещениях множество людей, лежащих, сидящих, стоящих, молящихся, размышляющих, беседующих. В одних комнатах слушают проповеди имамов, в других устроены читальные залы с многоярусными полками книг.

В Куме находится около 15 духовных учебных заведений. В Международном исламском университете учатся студенты из 70 стран. Есть здесь и русскоязычное сообщество – студенты из России и мусульманских республик бывшего Союза.

Большой двор харама в Куме – место отдыха паломников

КАШАНСКИЙ БЕС

До города Кашана я добирался на современном комфортабельном автобусе с кондиционерами и стюардом в белой рубашке, разносящим пассажирам соки. Кашан был первым крупным городом Персии, который посетил Никитин. В те времена город славился на весь Восток ковром, ткачеством и традиционной керамикой, украшенной голубой персидской вязью – подобные изделия до сего дня именуют по названию города «каши».

Приехал я в сегодняшний небольшой провинциальный городок Кашан уже поздно вечером, но все равно решил пойти посмотреть на древнюю крепостную стену. И быстро заблудился в безлюдных ночных улицах. Карта города у меня имелась, но указатели с названиями улиц здесь, видимо, еще не изобрели. Вдруг из подворотни выскочил и подбежал ко мне какой-то бес в модном берете. Строя глазки и жеманясь,

парень на хорошем английском приветствовал меня в своем городе, заверил, что ночью не нужно ходить к древней стене, и стал предлагать дружбу. Я спросил лишь название улицы, на которой мы стоим. «Улица Алави», – ответил бес, поклонился и, явно потеряв ко мне интерес, исчез в переулке.

Алави как раз выводила к Старому городу, я обрадовался и ускорил шаг. Но парень, конечно, обманул. К полуночи я оказался у каких-то развалин. Там кто-то взрывал петарды, жег костры, слышались выкрики и рев мотоциклов. «Ничего страшного, – успокаивал я себя. – Мне же говорили, что молодежь таким образом отмечает «огненную среду». Я перекрестился, вышел из темноты на дорогу и остановил первого же мотоциклиста. В общем, напрасно я беспокоился. И разгуливающая молодежь в Иране оказалась очень дружелюбна. Добродушный мотоциклист тут же отвез меня в гостиницу.

Кашан.
Фрагмент
глиняной
крепостной
стены XI века
и немногим
более молодой
куполообразный
резервуар
для воды

ГЛИНЯНЫЙ ГОРОД

На следующее утро мне все-таки удалось познакомиться с городом. Кашан, наверное, лучше всех городов Ирана сохранил свой старинный вид – маленький, низенький и почти полностью глиняный город. Пространство рядом с древней глиняной стеной сплошь занимают глинобитные дома, между которыми выются лабиринты узких улочек с глиняными арками и глиняными же бадгирами – ветровыми башнями, своего рода древними кондиционерами. Встуду резные деревянные двери с медной чеканкой, кованными ручками и звонками-колотушками. Для того чтобы эти колотушки выдавали отличающиеся друг от друга звуки, их делают разной формы – одни массивные и округлые, другие тонкие и вытянутые.

А вот эта улочка ведет к действующему до сих пор караван-сараю. Загон для верблюдов и лошадей, конечно, давно перестроили в жилые дома, а помещения, где располагались купцы и путешественники, все также используются по назначению. Видимо, также по каменной улочке, среди глиняных стен шел Афанасий Никитин, открывал низкую скрипучую дверь, проходил через двор, садился на топчан, обедал, ночевал в маленькой аскетичной комнатке, парился под сводами хамама...

Дома знатных горожан – это настоящие шедевры из глины. Сейчас это музеи. Все они устроены одинаково: за входной аркой располагается гостевой двор с бассейном в центре, на стенах богатая роспись, ба-

рельефы, лепнина; далее – внутренние помещения, куда гости не имели права входить, женские покои, подземная зала для полуденного отдыха в знойный день, замаскированная комната, ведущая в секретный туннель. Дом Амери площадью 9 тысяч квадратных метров, имеющий 40 комнат и 200 дверей, считается самым большим домом Персии Каджаров. Символом же города является необычный глиняный купол двадцатиметровой высоты с множеством ветроуловителей, возвышающийся над домом Буруджерди. Дома эти принадлежали не аристократам, а купеческим семьям, которые в классической Персии были образованным сословием, ценили искусство и покровительствовали ему.

Многокупольная баня-хамам «Султан Мир Ахмад» только открылась, когда в Кашане появился Афанасий Никитин

СКАЗОЧНЫЙ БАЗАР

Неудивительно, что тверской купец задержался в Кашане на месяц. Главной причиной такой длительной остановки, конечно, был базар. Местный базар – это ожившая сказка из «Тысячи и одной ночи», сохранивший не только все старые постройки, но и классическую атмосферу восточной торговли – размеренную, возвышенную, где царит не жажда обогащения, а душевное общение – чарующий плен Шахерезады. Так и стоит перед глазами Афанасий Никитин: вот он входит в деревянные резные ворота – и в одно мгновение палящий зной сменяет прохладная тень бесконечной галереи базара. Под небольшими сводами слева и справа тянутся лавки с обилием товаров: ткани,

У торговца
зеркалами
на кашанском
базаре всегда
стоит пустое
кресло для
пожаловавшего
к нему
покупателя.
Разговаривать
быстро,
«на ногах»,
здесь не принято

шерсть, полный прилавок разноцветной женской чадры, gobелены с изображением Мекки, пейзажи, цветы, выдержки из Корана в рамочке, розовая вода, зал зеркал и светильников, золотые украшения, персидские ковры, восточные сладости, разноцветные горки специй, металлические сундуки... Останавливается у лавки с посудой.

– Что за воздушные узорчатые блюда, – восхищается покупатель.

– Заходи, чужестранец, выпьем чаю, потолкуем, – приглашает торговец. – Откуда пожаловал? Свободен ли путь за море? Как вы там живете?

– На Руси житье не худо... – хвалится гость.

– Возьми же, странник, с собой вот это, – от всего сердца дарит хозяин блюдо, расписанное золотом по голубому фону. – А то большое блюдо отдам всего за 30 туманов, оно же тебе приглянулось...

С деньгами в Иране царит настоящая восточная неразбериха. Цены почти всегда называют и пишут не в реалах, национальной валюте, а в туманах. Один туман чаще равняется 10 реалам, но может означать и 100 реалов, и тысячу. В общем,

все очень туманно, как и должно быть на традиционном базаре. Но я из-за цен несколько не переживаю, знаю, что гостеприимные иранцы не обманывают, возьмут сколько нужно.

– Вот вам товар на Русь, – приглашает в свою лавку продавец сухофруктов.

– У нас и так почти все финики из Ирана, – объясняю я.

– Все равно, возьми, попробуй; еще изюм у меня крупный золотистый, – угощает торговец. – Чай со мной выпей...

В середине базара вместо лавки стоит золоченая усыпальница «друга Божия». Проходящие припадают к ее зеленоватому стеклу, шепчут молитвы. В сторону идет коридор, потолок и стены которого расписаны блестящими зеркальными узорами. Коридор выводит на залитый солнцем двор с фруктовыми деревьями, под сенью которых можно передохнуть. Торговая галерея – это только часть необъятного мира базара. Галерея окружена множеством сооружений, проходов, спускающихся в темноту подземного водохранилища лестниц. Здесь же расположены караван-сарай, с балконами, верхними переходами, баней хамам-хан. Сейчас боль-

шинство помещений караван-сарая используется как склады, а в центральном дворе устроена чайхана. Из круглого отверстия в высоком куполе падает солнечный луч прямо в небольшой фонтан. Все так же, как в древности, вокруг него на коврах сидят гости, неспешно едят рис с бараниной, беседуют...

Если идти на дребезжащий стук молотка, попадешь в мастерскую жестянщика. По соседству в чанах красят шерсть, дальше – перемалывают специи. В пространство базара вжились несколько мечетей – одна крохотная, совсем темная, полностью крытая; другая – под открытым небом, внушительных размеров, с величественным глиняным куполом, бирюзовой вязью, высокими соснами, огромным бассейном, окруженным множеством небольших комнат, где с имамом беседуют прихожане.

После полудня базар начал пустеть. Торговцы и покупатели спешили домой, неся в прозрачных пакетах воду с плавающей золотой рыбкой – одной из главных героинь предстоящего праздника. Через два часа наступит Навруз... А мой путь лежит дальше на юг... ☞

ГЕРОЙ ФЕЛЬДШЕРСКОГО ТРУДА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АЛЕКСЕЯ ТАРАСИКОВА

СЕЛО АЛЕХОВО МАЛО
ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ
ОТ ТЫСЯЧ ПОДОБНЫХ
МЕСТЕЧЕК
В РАЗНЫХ УГОЛКАХ
РОССИЙСКОЙ
ГЛУБИНКИ.
ТЕ ЖЕ ЗАБОТЫ
У ЖИТЕЛЕЙ,
ТЕ ЖЕ ПРОБЛЕМЫ...
НО ЕСТЬ У АЛЕХОВА
КОЕ-ЧТО,
ВЫДЕЛЯЮЩЕЕ
ЕГО ИЗ РЯДА
МНОГОЧИСЛЕННЫХ
НАСЕЛЕННЫХ
ПУНКТОВ.
ТОЧНЕЕ, КОЕ-КТО.
СВОЙ ГЕРОЙ.
МЕСТНОГО
ЛЕГЕНДАРНОГО
ФЕЛЬДШЕРА
ЗНАЮТ НЕ
ТОЛЬКО ВО ВСЕМ
РАЙОНЕ, НО И ВО
ВСЕЙ ОБЛАСТИ.
ОБ АЛЕКСАНДРЕ
ЛУКАШИНЕ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
ГОВОРЯТ КАК
О ЛЕГЕНДЕ,
И, НАВЕРНОЕ,
НЕ СЫЩУТСЯ ЛЮДИ,
КОТОРЫЕ ПОСТАВИЛИ
БЫ ПОД СОМНЕНИЕ
ЕГО ЗАСЛУГИ.

ОН ДАВНО УЖЕ ДОЛжен был бы привыкнуть и к вниманию к себе со стороны властей, и к регулярным публикациям в СМИ, но, видимо, за свою долгую жизнь Лукашин так и не научился равнодушно относиться к любым мало-мальски необычным событиям. Поэтому нашего приезда 91-летний ветеран войны, Герой Социалистического Труда Александр Петрович Лукашин ждал, волновался и только после окончания разговора смог спокойно выдохнуть: «Ну, теперь можно и позавтракать». А ведь время уже давно было послеобеденное! Старую закуску не изменить. Ко всему в своей жизни он всегда относился ответственно. Не может по-другому и сейчас. В этом году Александр Лукашин будет праздновать 92-й день рождения. Хотя сам он шутит, что годы свои не считает: «Я и не знаю, сколько мне. Знаю только, что давно живу». Много лет прошло с тех пор, как совсем еще молодым он отправился учиться в Орехово-Зуевскую фельдшерскую школу – Лукашин всегда хотел работать только медиком. Осваивать специальность начал еще до войны. Из Подмосковья новоиспечен-

ного фельдшера направили в Киевское военно-медицинское училище. Молодой лейтенант медицинской службы Лукашин вышел из училища в 1941 году... Сначала был направлен в Хабаровский край старшим фельдшером, а уж оттуда попал на фронт. «Ребятам моего поколения досталась военная молодость, – вздыхает Александр Петрович. – Сменяли части, места дислокации. И ждали Победы». Волховский фронт, Ленинградский, Прибалтийский... О войне он рассказывает скудно, обрывками, как будто хочет стереть из памяти то, что на самом деле забыть невозможно. На полях сражений смерть всегда где-то рядом. И кто знает, кого она выберет в следующий момент: того, кого ты пытаешься спасти, или тебя самого...

Все в его жизни было так же, как и в жизни миллионов таких же ребят, которым досталась военная молодость. О тех временах напоминают фотографии далеких лет, с которых весело и смело смотрит бравый капитан медицинской службы. «Вон какой я был кудрявый!» – смеется Александр Петрович, показывая нам пожелтевшие снимки. А главное напоминание о том, что пережито, – на парадном ко-

стюме. Ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени... Много наград заработал Лукашин за свою жизнь, много воспоминаний накопил... А уж скольким людям сумел помочь, это и вовсе не поддается никаким подсчетам.

КОГДА ДЕРЕВНИ БЫЛИ БОЛЬШИМИ...

Военную службу Александр Лукашин оставил только в 1947 году – после Победы еще полтора года прослужил в Германии. А потом, после всех приключений, побывав во многих городах и странах, вернулся в родные края, в свое Аলেখово.

«Вы медпункт видели? – с легкой ноткой гордости спрашивает фельдшер Лукашин. – Сам его строил. В деревне Муняково, за 6 километров отсюда, была школа, ее закрыли, а здание еще было вполне хорошим. Вот я и решил, что не должно оно пропадать, и перетащил оттуда. Так и появился в Аলেখове медицинский пункт». На вопрос, как же удалось перетащить здание, Лукашин только хитро улыбается: «Тракторами перетаскивали...» После такого необычного «переселения» медицинская помощь в Аলেখове стала налаживаться. До этого ведь фельдшер принимал пациентов на дому. А его участок, между прочим, объединял четыре населенных пункта – Аলেখово, Новую Деревню, Муняково, Ершово. И на все окрестности медик был один. Как Александр Петрович успевал всем помогать? У него были свои секреты.

«На лошадке ездил – вот была моя скорая помощь», – улыбается Александр Петрович. – А зимой на лыжах – иначе к некоторым уголкам не проберешься. Тогда деревни были большие. Народу много, у меня на участке насчитывалось человек пятьсот. Сейчас в Аলেখове от силы около 40 жителей наберется, а в других деревнях и вовсе по пятьдесят человек. Время сильно изменило село. Старшее поколение ушло, молодежь уехала. Вот и получается, что сейчас

Воспоминания
о заслугах
фельдшера
хранят фотографии
и многочисленные
грамоты

По выходным в доме Лукашина всегда многолюдно – здесь собираются дети, внуки, правнуки...

жителей осталось совсем мало. А что будет дальше – и вовсе неизвестно». Такое положение дел очень удручает заслуженного фельдшера.

А тогда, когда деревни были большими, какие только болезни не доводилось лечить единственному здешнему медику... Были в его обширной практике и совершенно экстремаль-

ные случаи. Как-то пришлось принимать роды прямо в лесу. Александр Петрович, как секретарь партийной организации, вел партсобрание, когда к нему прибежали и сообщили, что на краю ершовского леса у женщины начались роды – будущая мама тоже шла на партсобрание, да непредвиденные обстоятельства несколько по-

Свою любимую Валентину Ивановну Александр Петрович встретил на фронте

меняли планы... Лукашин бросил собрание, сел на велосипед и помчался на помощь – в первую очередь он все-таки был не секретарем парторганизации, а врачом. Несмотря на то, что роды пришлось принимать без инструментов, в походно-полевых условиях, на свет появился здоровый мальчик. Доктор сделал все необходимое, и мама с новорожденным сыном, завернутым в отцовскую рубашку, были в целости и сохранности отправлены в больницу. И подобные экстренные вызовы, причем в любое время суток, не были редкостью в практике сельского фельдшера – чего только не случалось за долгие годы работы. И редкие заболевания, и сложные случаи – все проблемы приходилось решать на месте. И Лукашин решал, потому что понимал: кроме него, никто не поможет. За такую стойкость и верность своей профессии доктора ценили не только его подопечные. Александр Лукашин из села Аলেখова был единственным фельдшером в Советском Союзе, которому присвоили звание Героя Социалистического Труда.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ДЕЛО ЖИЗНИ

Он всегда относился к своему делу с душой. Медпункт – настоящее детище Александра Лукашина. Центр медпомощи и появился в Аলেখове благодаря стараниям фельдшера, и от закрытия он сберегал его на протяжении нескольких десятилетий. Свою трудовую деятельность он закончил в 85 (!) лет. Его общий трудовой стаж составляет шестьдесят лет, из них фельдшером он проработал 55.

«Пока Лукашин был, и медпункт работал. Для него это было дело жизни. Если бы он не отошел от дел, так, думаю, никто не смог бы закрыть наш медпункт, независимо ни от какой модернизации, – говорит житель Аলেখова Юрий Ионочкин. – Сейчас выкручиваемся как можем. Мы, кто помоложе, привозим бабулям лекарства, а то ведь скорую не дождешься...».

«Не знаю, что бы я с ними сделал! Сейчас везде все закрывают, сокращают, – возмущается Александр Петрович, который не может равнодушно относиться к делу своей жизни. – Уж года два, как в Аলেখове не работает медпункт. Денег, говорят, нет на содержание. Теперь медиков у нас

тут не осталось, если что, вызываем скорую. Я стараюсь сам лечиться – лекарств у меня хватает, да еще приезжают из райцентра, проводят плановые осмотры».

Ну и, конечно, ветерана не оставляет без внимания семья. Благо она у Лукашина большая и дружная. Свою половину Александр Петрович нашел на фронте.

«Встретились мы в медсанбате. Я там выполнял свой долг – служил командиром санитарной части, Валентина – свой: она была хирургической сестрой», – вспоминает Лукашин. Валентина родом из Ленинграда – типичный городской жи-

«Скорая» Лукашина всегда готова была выехать по экстренным вызовам

Звания Героя Соцтруда был удостоен единственный сельский медик в СССР

тель. Но поехала за мужем в глубинку Рязанской области и освоила все премудрости ведения хозяйства в селе.

«Мама уговаривала папу поехать к ней на родину, в Ленинград, но отец ни в какую, – рассказывает дочь Лукашина, Тамара Александровна. – Вот и пришлось ей всему научиться – доить корову, косить траву, сажать огород, ухаживать за скотиной, топить печку... Все это она освоила. Да еще и отцу помогала в медпункте».

Любимой Валентины нет уже девятнадцать лет. Но все многочисленное семейство Лукашина не оставляет своей заботой отца, дедушку, прадедушку. Теперь, кстати, у Лукашина есть и праправнучка – ко всем многочисленным его регалиям добавилось звание прапрадеда. В выходные в доме в селе Аলেখове собирается много народу – дети, внуки, правнуки. «Старемся, чтобы он один у нас не оставался, – говорит дочь Лукашина. – Приезжаем регулярно».

«Да я один никогда не остаюсь, – улыбается заслуженный фельдшер. – У меня тут целое хозяйство – кошки, кролик. Всех надо покормить» – так, в хлопотах, он забывает и о своих годах, и о болячках – привык, что надо о ком-то заботиться, и по-другому просто не может. А еще Лукашин следит за всеми новостями, которые происходят в стране и мире, – у него всегда под рукой стопка газет, которые он прочитывает от корки до корки. И хотя не может Лукашин спокойно относиться к тому факту, что его родное детище – медпункт – сегодня не функционирует, он все-таки верит в перспективы развития российской медицины: «Везде сейчас закрывают ФАПы, сельские медпункты – всё укрупняют, объединяют... Я, конечно, страшно возмущаюсь, что медпункт, на создание которого было положено столько сил, закрыт. Но надеюсь, со временем все-таки сделают у нас хорошее обслуживание. Наводят же сейчас порядок. И я верю, что постепенно все наладится». ■

МАТЬ ЛЕСОВ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЕСЛИ БЫ КТО-НИБУДЬ
ВЗДУМАЛ ПРОВЕСТИ
КОНКУРС НА КОЛИЧЕСТВО
ДЕРЕВЬЕВ, ВЫСАЖЕННЫХ
ОДНИМ ЧЕЛОВЕКОМ,
ТО, ВОЗМОЖНО, РАИСА
ИВАНОВНА ЗАХАРОВА
С НИЖЕГОРОДЧИНЫ
ЗАНЯЛА БЫ В НЕМ ПЕРВОЕ
МЕСТО.

С ТАТЬ ДРУГОМ РАИСЫ
Ивановны просто. Надо
всего лишь приехать к
ней на кордон. Добрать-
ся туда можно двумя дорогами.
По одной из них – грунтовке,
идушей среди оврагов и ча-
щоб, – Раиса Ивановна ездит на
лошади встречать гостей на стан-
цию в райцентр Кемля. Вторая
дорога – от села Большое Бол-
дино – еще хуже. Но именно по
ней на кордон к Раисе Иванов-
не два раза в год из Болдинского
лесничества привозят баллоны с
газом для кухонной плиты. Так
что сегодня она ждет нас и бал-
лоны с газом, жертвуя встречей с
дочерью на станции в Кемле.
Дорога от села Большое Болди-
но просыхает только в середине
лета. А до того вязнут в ней поч-
ти все транспортные средства.
Вон, недавно местные электри-
ки поехали на вездеходе прово-
дить санитарную очистку вдоль
электролинии, да и увязли.

ЗНАКОМСТВО

Два помятых, с облупившейся
краской баллона с газом Раисе
Ивановне везет ее старый зна-
комый Дмитрий Иванович Бог-
данов – работник Болдинского
лесничества. Он советует мне
покрепче держаться и обещает
появление нескольких синяков.
Всю дорогу баллоны трясутся на
заднем сиденье старенького уа-
зика, у которого от прыжков на
высоких кочках распахиваются
двери. В кабину тут же влетают
тучи слепней и комаров...

Рядом с баллонами – баклажка
воды и бензопила. Пилой Дми-
трий Иванович расчищает про-
ход в чаще. Водой заливает пе-
регретый радиатор. Эта
операция происходит на дере-
вянном настиле через речку Ку-
шаву – здесь граница, за кото-
рой начинается непролазный
лес. Обычно Дмитрий Ивано-
вич дожидается Раису Ивановну
на мосту. Но в этот раз решено
хоть немного сократить рассто-
яние, на которое ее лошадь пове-
зет баллоны.

Поэтому после Кушавы Дми-
трий Иванович еще долго пре-
одолевает на машине лесные
ямы. Вот и место встречи. Раиса
Ивановна уже дожидается нас.
Ради баллонов с газом дно те-
леги выстлано соломой. Ее ло-
шадка уже объела ветки, до ко-
торых смогла дотянуться. Раису
Ивановну плотно облепило об-
лако комаров. Выйдя из маши-
ны, Дмитрий Иванович первым
делом срывает веточку – отма-
хиваться от кровожадной рати.
Я следую его примеру. Мы встре-
тились у брошенного поселка
Разбужай, от которого и следа
не осталось. Дмитрий Ивано-
вич и Раиса Ивановна вспоми-
нают о Разбужае: сколько людей
в нем жило, школа, скотный
двор были. Теперь тут ели и со-
сны. «Не надо было тут ели са-
жать. Не тот район, грунтовые
воды прыгают вверх-вниз, ель
высыхает. Сосны лучше!» – го-
ворит она, будто спор об этом у
них продолжается со вчерашне-
го дня. Голос у нее ясный, слова
правильно произносит. Не ска-
жешь, что всю жизнь в лесу...

Кобыла у Раисы Ивановны гнедая. Зовут Машка. Несмотря на размытую лесную дорогу, ее шелковистые бока чистые, словно она притопала не из глухого лесного угла, а только сейчас из дорогой конюшни. В ожидании машины Раиса Ивановна успела почистить свою любимую лошадку. Она гладит ее и ласково приговаривает: «Самый золотой транспорт!» Между прочим, «золотому транспорту» уже двадцать лет...

На телегу, в которую перегружены баллоны, Дмитрий Иванович не садится, шагает по обочине дороги. Срывает несколько цветков с молоденьких сосен. Завязи будущих шишек похожи на свечи. С расстояния в пятнадцать шагов Дмитрий Иванович перекрикивается с бабой Раей насчет будущего урожая шишек. Судя по разговору, его не будет. Хороший урожай шишек бывает раз в два года.

Шишки занимают особое место в жизни Раисы Ивановны. Весь район судачит о том, что живущая на кордоне 72-летняя женщина забирается на сосны для сбора шишек и угнаться в этом за ней не может ни один молодой мужчина. Шишки сдают на сушилку лесничества. Полученные семена идут на посадку новых лесов. Раиса Ивановна лазает за шишками по соснам с

детских лет. «Дочери запрещают на сосны лазить! В ту зиму лезла и в эту полезу! Никто меня не остановит!» – предупреждает Раиса Ивановна. А затем начинает пересказывать гостям свои новости, а попутно и жизнь.

Ее младшая дочка в Ленинграде попала в какую-то «аптеку». Учились все ее три дочери в селе Гуляеве, жили в интернате – «в понедельник отвозим, в субботу встречаем». А сама Раиса Ивановна раньше работала в Кочуровском лесничестве, Починковском, потом в Ужовском, а сейчас – от организации, которая арендует лес. Всегда трудилась на должности лесника. Работать в лес она пришла в 13 лет. Сегодня с утра она заседала питомник, и если бы не баллоны с газом, то на этой телеге возила бы во флягах воду – поливать высаженные семена сосен. Все эти факты ее биографии и распорядок дня Дмитрию Ивановичу давно известны. Как знакомы ему и все заболоченные ручьи, из которых он помогает лошади вытаскивать телегу. После дружных усилий телега подпрыгивает и трясется на ухабах дальше, а Раиса Ивановна продолжает говорить о наболевшем. В лесу работы хватает, но нынче разве кого-то трудиться заставишь? Молодежи бы «сытно покушать и «зайцы» посмотреть».

Этот деревянный мост, где встала машина, Дмитрий Богданов с друзьями настелил взамен старого, который сносило половодьем... Иначе на кордон к Раисе Ивановне не добраться

КОРДОН

От жизни, которая протекает вне леса, Раиса Ивановна давно уже отстала, а вернее, никогда ее толком не знала. И, конечно, было понятно, что под «аптекой» она разумеет ипотеку, а «зайцами» называет сайты в Интернете, жалобы на которые она слышала от лесорубов.

Эта путаница в словах тут, в глухом лесу, не вызывает улыбки у Дмитрия Ивановича. С упреками в адрес молодежи он согласен, да и город он тоже не любит. Поэтому эти двое не могут долго говорить о чем-то другом, кроме леса. Подозреваю, что возможность отвести душу в беседе с настоящим лесным жителем – главная причина путешествия Дмитрия Ивановича. Обоих весьма интересует сенокос, а также виды на урожай ягод. Оба констатируют, что трава растет хорошо в этом году. Заменяют, что брусники и черники прошлым летом было мало, а вот земляники в этом году ожидается отменная.

«После раздополя дожди припадали!» – вспоминает весну Раиса Ивановна, а Дмитрий Иванович делает мне красноречивый знак: мол, слышите, как говорит?

Вся эта неспешная и обстоятельная беседа в лесу, где пахнет травами и голоса птиц, скрашивает основные неудобства: укусы комаров и болотную жижу, скопившуюся в ботинках. Где еще такое услышишь? Дмитрий Иванович специально привозил сюда дочь-пятиклассницу послушать чистую народную речь. Разрушает очарование момента лишь чавканье копыт. Опять лужа...

«Вот до нас как добираться!» – сетует Раиса Ивановна. А когда лошадь в очередной раз с помощью Дмитрия Ивановича выбирается из топи, она серьезно говорит Машке: «Как без Дмитрия Ивановича! Ангела нам Господь послал!» Тут скромность Дмитрия Ивановича не выдерживает душевной простоты коллеги. Он ускоряет шаг и дальше весь путь до кордона идет в отдалении от телеги.

На кордоне нас уже давно ждет Николай Николаевич. «Дмитрий Иванович! Вы нас забыли!» – кричит старик, муж бабы Раи. Собаки умолкают, признав Дмитрия Ивановича. После разгрузки баллонов Дмитрий Иванович жадно пьет воду из ведра под колодезным журавлем. «Я до Гремячего ручья на машине доехал!» – сообщает он Николаю Николаевичу. – Подвиг!» Старик разводит руками: по нынешним временам действительно подвиг. На этом кордоне, расположенном в брошенной деревне Вилы, раньше был привал для сельчан, которые ходили из Большого Болдина в Кемлю в единственную церковь на всю округу. Люди пили воду из этого колодца. Теперь в Большом Болдине открыты храмы, так что гости на кордоне – редкость. Дмитрий Иванович радуется старика: десять дней электрики будут санитарную рубку вокруг трассы делать...

Встретить крепкое хозяйство в густой лесной чаще – неожиданность. Два дома. Под крышами свили гнезда ласточки, проносящиеся прямо у головы. Двор полон скотины. Коровы с колокольчиками уходят гулять в лес. Под их ногами острый взгляд Дмитрия Ивановича замечает хвост змеи... Она – тоже хозяйка этих мест, наравне с людьми. Ближайший магазин – за 20 километров отсюда. И то – не магазин, а автолавка, которая приезжает в деревню Яз. Глушь... Как тут жить? Но, как предупредил заранее Дмитрий Иванович, если бабу Раю назвать отшельницей, она обиженно подожмет губы и укажет на питомники для сосен и дубов: «Я тут работаю! Какая отшельница?»

ЛЕСНАЯ ЖИЗНЬ

Трудно поверить: лес, которым мы так долго и трудно добирались до кордона, посажен маленькими руками Раисы Ивановны. Весь, до последнего деревца, кроме березок, которые сами растут. Сажала она его 58 последних лет. Из этого леса

Два старых баллона с газом – вот и все признаки цивилизации...

десятки улиц в селах построили. Древесину из ее лесов берет для своих построек и знаменитый Музей-заповедник А.С. Пушкина в Болдине. Хотя, как догадывается Дмитрий Иванович, о поэте Раиса Ивановна имеет отдаленное представление. В одном он уверен твердо: без бабы Раи этот массив лесов оказался бы в запущенном состоянии. Ну кто бы еще согласился тут жить и лелеять питомники, как она? Раиса Ивановна и сама намеревалась бросить лесную ниву. Об этом эпизоде своей жизни она рассказала еще по дороге, когда мы вместе с Дмитрием Ивановичем помогли ей вытаскивать телегу из лужи.

37 лет назад они с сестрой Марусей нашли под Арзамасом работу с квартирами. Весть о намерении Раисы Ивановны продать коров и уехать в Арзамас директора лесхоза напугала хуже пожара. Он примчался на кордон с предложением дать лес на новую большую избу. А Раиса Ивановна, хоть и держала всегда много скотины, все деньги тратила на лечение внука. Тот с детства спасается у нее на кордоне лесным воздухом. «Построим дом, баню, двор. Дай слово работать в лесу!» – вспоминала

уговоры директора, понукая застрявшую в грязи лошадь, Раиса Ивановна. – Дала слово!»

Николай Николаевич до сих пор ворчит по этому поводу. Сетования мужа понятны. В грустные часы ему приходят мысли о недугах и одиночестве в непролазном лесу. «Господь добрых людей пошлет», – отвечает Раиса Ивановна и смотрит на своего ангела-хранителя. Дмитрий Иванович отшучивается. Николай Николаевич недавно у волка, который в стадо забрался, овцу отбил, а за самой Раисой Ивановной по лесу и молодому не угнаться. Прибедняются Захаровы, как все сельские жители.

Вот у питомника, где высажены семена сосен и дубков, Дмитрий Иванович готов выразить Раисе Ивановне профессиональное сочувствие. Землю в питомнике пахал арендатор только весной, а нужно бы это делать и осенью. Приходится женщине ее дополнительно рыхлить. Ограда для питомника сколочена грубо, вполне могут пролезть охотчие до саженцев лесные звери. Воду для полива высаженных семян надо возить из речки Язовки. И все-таки Раиса Ивановна умудряется, как и раньше, выращивать самые лучшие саженцы.

Вырытые саженцы грузятся в тару и доставляются к месту посадки на машине или на телеге. Рассаживать с помощью меча Колесова сеянцы надо окашивать и обмотыживать. С 13 лет Раиса Ивановна высаживала от 30 до 100 гектаров ежегодно! Я делаю подсчеты в уме и боюсь произносить вслух цифру. А ведь каждую грядку надо обмотыжить, руками выбрать старые корни. Для защиты питомников от птиц Раиса Ивановна не раз забирала у мужа старые пиджаки и делала из них пугала. Ради питомника она обходит вниманием даже собственный огород. Прошлой осенью сто кочанов капусты у нее слопали зайцы. Одного длинноухого Раиса Ивановна поймала за задние лапы... А как-то высадила желуди на 6 гектарах, через неделю их выкопали и съели кабаны. Пришлось на своем огороде вы-

Эти ростки сосенок, из которых потом поднимутся сосновые боры, надо не только посадить и поливать, но и защищать от диких зверей...

ращивать ели и засаживать ими опустевшие 6 гектаров.

О встречах со зверями Раиса Ивановна может рассказать много. Однажды серые тени прошли мимо ее телеги по обочине. Семь волков и одну волчицу насчитала Раиса Ивановна. Машка на дыбы вставала... В другой раз столкнулась с волком в лесу, когда собирала грибы. Волки съели много собак на кордоне. Каждую зиму концерты устраивают...

Но больше хлопот приносили встречи с людьми. Часто на кордон заявляются заблудившиеся грибники и ягодники. Как-то сидели они с мужем дома, вдруг собаки залились лаем. Выглянули в окно: шесть здоровенных мужиков во дворе воду из колодца ведрами таскают. Муж испугался, Раисе Ивановне выходить не велит: «Голову оторвут!» Но гости Раисе Ивановне обрадовались, словно матери: «Нет ли куса хлеба?» Они оказались заблудившимися грибниками: корзины бросили, едва в речке не утонули. «Бабушка, мы на хлебозаводе работаем, муки тебе привезем! Выведи отсюда!» Для них она блинов напекла, а провожать пошла уже ночью. Муж ее ругал: «Неужто не боишься?» – «Чай, люди свои, русские, всех надо спасать!»

В другой раз зимней ночью они проснулись от того, что кто-то царапался в дверь. Какая-то женщина отправилась зимним днем собирать можжевельник и заблудилась. Всю ночь ее Раиса Ивановна согревала настоями из трав. Утром отвезла на лошади в райцентр. Она потом на кордон лекарства от болей в спине присылала.

Но больше всего Раису Ивановну напугал мальчик. Он отбилсь от родителей, с которыми приехал собирать грибы. На кордоне его встретил муж Раисы Ивановны, она сама в питомнике была. Дал дед мальчику напиться воды и тот опять ушел в лес искать родителей. Раиса Ивановна в тот вечер мужа ругала: мальчик родителей не найдет и сам заблудится в оврагах. Весь ве-

чер она молилась, чтобы мальчик догадался вернуться на кордон. Ближе к полуночи раздался стук. Раиса Ивановна обнимала мальчика как родного. Родителей тот не нашел, еле на кордон путь отыскал, от страха ни пить, ни есть не мог. И весь следующий день, пока не приехали лесорубы, он ходил за Раисой Ивановной как привязанный. Заплутаться в здешних лесах немудрено и местным жителям. «Насажала Раиса Ивановна лесов – только сама пройти и может!» – шутят они по этому поводу. На 70 километров в любую сторону от кордона она пройдет с закрытыми глазами.

ЛУЧШИЙ ЛЕСНИК

Когда-то Дмитрий Иванович и Раиса Ивановна числились в одном лесничестве. Дмитрий Иванович часто ночевал на ее кордоне. Его поразили трудолюбие и смелость маленькой худенькой матери трех дочерей. Дмитрий Иванович работал мастером, проверял бригады, заготавливающие лес. От лесорубов узнал о Раисе Ивановне. 40 машин в день с древесиной для строительных трестов отпускала. Каждую машину надо загрузить, кубатуру измерить, записать. И ни разу она не ошиблась, очередей не создавала. Ни разу, как другие лесники, не сказала: «Хоть бы дождик дорогу намочил, никто бы не приехал!» Если пьяные приедут на тракторе, она их отругает. В лесу Раису Ивановну слушали все мужчины.

Поразила Дмитрия Ивановича чистота в лесном доме и гостеприимство. А ведь во время весенней посадки леса по три бригады квартировали на кордоне! По своему обыкновению Раиса Ивановна каждое утро вставала в три часа и молилась перед иконами. И никто в то советское время замечаний по этому поводу хозяйке не делал. Никто не подшучивал. Запомнились Дмитрию Ивановичу те иконы на старых толстых досках. Жители пустеющих сел свозили их Раисе Ивановне.

Узнал он нехитрую историю ее жизни. Родилась она по соседству – в деревне Никаевке. Семья – из девяти человек. В детстве, чтобы заработать копеечку, носила ведра грибов на базар в райцентр и продавала в блюдцах. Эти-то тяжелые ведра и сделали ее сутулой. Стесняется она этого до сих пор... Работа в лесу считалась самой каторжной, а она в 13 лет нанялась на нее сезонной работницей. Труд девочки заметили, перевели ее на постоянную работу. А лесником ее назначили, когда она вышла замуж в маленький лесной поселок Вилы, где открыли кордон. В женихе ей понравилось равнодушие к спиртному и красивый, певучий голос. На весь лес пели они дуэтом со своего крыльца про калину «в поле у ручья...». А жениха привлекло в девушке ее трудолюбие. Драть липу на мочала, бересту на деготь, собирать березовый сок или желуди – во всем Раиса Ивановна была первой. Раньше насчитывалось 27 наименований работ по лесу. Планы по работе Раиса Ивановна выполняла на 500, а бывало и на 1000 процентов. Одна за все лесничество! Ее считали лучшим лесником на Нижегородчине.

Заметил Дмитрий Иванович в ней и другую особенность. У лесников от работы в лесу руки вытягиваются, грубее становятся, а у Раисы Ивановны ручки маленькие остались, как у девочек. Только исколотые, как у швеи. В лесу даже бывалые работники травмы получают, а она ни разу не поранилась и даже не простудилась. Слух у нее как у кошки, глаз – алмаз. Без предварительных замеров может нарезать ровную прямоугольную делянку. Замечание начальство ей могло сделать только по одному поводу: Раиса Ивановна равнодушно относилась к форме лесника. Казенные шинели, обувь и фуражки с кокардами отдавала грибникам и рыбакам. Поэтому нередко тут люди форсировали в форме лесников, но все знали, что лесник-то тут один настоящий – баба Рая.

Посадочные
семена для
Раисы Ивановны
все равно
что на вес
золота. Трудно
представить:
с этой ладони
поднимутся
могучие деревья

СОСНОВОЕ ЗОЛОТО

У лесников самые спокойные месяцы – январь и февраль. Но Раиса Ивановна и в это время крутилась как белка в колесе: вязала метлы и веники. Муж ее на телеге возил почву по деревням Яз и Никаевка. Раиса Ивановна прут заготовит, вдоль дороги положит, а он подберет. Оплата за связанные метлы и веники копеечная, но сажала она за эту работу всех своих дочерей. Десятки тысяч веников и метел связали на этом кордоне долгими зимними вечерами. Только вот за шишками на сосну дочерей не посылала. Шишки эти и прославили Раису Ивановну.

За шишками по соснам она лазает тоже с 13 лет. Голова не кружится, забирается на любую высоту. Маленькая и худенькая, она пробирается между любыми ветками. За поясом – топорик, а к поясу прикреплено ведро. Обирать ветки с шишками начинается с вершины. Полные ведра вниз спускает. Рыжехвостые белки ей в глаза заглядывают, гнезда их она стороной обходит, совсем без шишек животинку не оставляет.

Страховочную веревку Раиса Ивановна игнорирует, гвозди для упора в ствол не вбивает, скобы не использует. У людей головы кружатся, когда они на Раису Ивановну снизу вверх

смотрят. Однажды директор лесхоза проезжал мимо самых высоких сосен в лесничестве, с которых даже Болдино видать, и разглядел в бинокль, что вершины их без шишек. Сначала решил, что шишки ветром или снегом сбило. А потом разглядел на инее следы рук, узнал фамилию сборщика и запретил залезать так высоко. Не раз муж Раисы Ивановны стоял под сосной и упрашивал ее слезть, топор ей отказывался точить. Даже уговоры маленьких дочерей, которые иногда ревели под соснами в страхе за мать, не помогали. Да и сбор шишек приходится на самые морозные дни, с ноября по март: ведь главный враг для шишек – теплая погода. Тогда они раскрываются, семена из них выпадают.

На земле шишки собираются в мешки, везутся в сани на кордон или в избе. Из этих груд надо выбрать все иголки. На сушилке, куда шишки сдаются, игла может загореться, пожар будет. По 2 тонны шишек собирала Раиса Ивановна в год. В позапрошлый год 37 мешков собрала. Из высушенных шишек добываются семена, которые потом той же Раисе Ивановне и доставляются на кордон в мешках. Из-за трудностей, с которыми семена добываются, называет их

Раиса Ивановна «золотом». Дмитрий Иванович быстро признал: в сборе шишек Раисе Ивановне нет равных не только в этом, но и в соседних лесничествах. Также много собирала она липовых семян, крушины, рябины, корней бересклета, брусники, желудей для посадки дубов. Сколько раз он видел, что руки ее исколоты в кровь! Зато три дочери Раисы Ивановны уехали в город и получили высшее образование. Когда уволился лесник с соседнего участка, Раиса Ивановна взялась обслуживать два обхода. 2400 гектаров леса доверили женщине! Двадцать лет она работала за двух лесников. Честность ее сомнениям не подвергалась. Принесла как-то домой с почты пенсию, пересчитала, оказалось, дали больше, наутро пошла в Яз на лыжах возвращать лишнее. Другого от нее не ожидали. При невысокой зарплате ни одного бревна не продала на сторону. Единственный раз за всю жизнь в лесу Раиса Ивановна решила перед приездом внуков нарядить елку. На свет в окошке появился работник лесничества. Был он человек новый,

молодой, о Раисе Ивановне не слышал и устроил выволочку за срубленную елку. «Мой лес! Я сажала!» – впервые повысила она голос на гостя. Над ним потом весь район подшучивал, с лесной службы он ушел. Потом этот участок леса отдали другому лесничеству, затем второму, сейчас он взят в аренду. А Раиса Ивановна на кордоне осталась. Дороги к ее жилью со всех сторон заросли, люди из ближайших селений разъехались. Помимо работы в лесу есть у Раисы Ивановны и другие заботы: присматривает за старенькой матерью и больным внуком. Да и годы берут свое. Ни она, ни муж теперь как прежде дров наколоть не могут, надеются на гостей. Нет сил, чтобы подкачать колеса у телеги. Хорошо, что лошадь подковывать не надо, по асфальту Раиса Ивановна не катается. В свои 72 года она продолжает сажать, растить и караулить лес. Люди, помнящие ее заслуги, помогают ей. Председатель сельсовета села Саитовка присылает помощников распахать землю под картофель, накосить

Несколько часов
добирается
до своего дома
Раиса Ивановна
по лесу,
высаженному
ее же руками...

сено на всю скотину. Директор Ужовского лесхоза распоряжается привезти ей дров. Но главный ее помощник – Дмитрий Иванович. Он доставляет баллоны с газом, керосин и пенсину. В прошлую осень у Раисы Ивановны случилась беда. Пропала в лесу корова с телятком. Дмитрий Иванович собрал ватагу охотников с собаками. Отбили корову и телка от волков. Хозяйка не знала, как благодарить. А в середине зимы Дмитрий Иванович уговорил товарищей построить специально для Раисы Ивановны новый мостик через Кушаву, которую мы проезжали. Прежний половодьем сносило, а этот из сосновых бревен – устоит. Никто, кроме Раисы Ивановны, мостом не пользуется. Некому. Одни брошенные поселки вокруг – Широкий, Студенец, Новороссийск. Перечислив их, Раиса Ивановна вдруг признается Дмитрию Ивановичу, что утром догадалась о его уловке облегчить путь ее лошадке. Поэтому и не стала подъезжать к мосту. «Я ведь твою машину услышала, когда ты еще к Кушаве подъехал! А за мост – спасибо! Выручил!» Мост для живущих на кордоне – жизнь. В этих словах Раисы Ивановны чувствуется искренняя благодарность и надежда на новый приезд ее ангела-хранителя, Дмитрия Ивановича. Она крестит и целует его. Достается поцелуй и мне как новому другу. ...Эта поездка к Раисе Ивановне дорого обходится Дмитрию Ивановичу. Не доезжая до моста, машина проваливается в яму и погружается в тину. До места, откуда возможно позвонить по мобильному телефону, надо еще дойти. А когда трактор выезжает, то сам проваливается в яму. На помощь ему выходят еще два. Так заканчиваются почти все поездки на кордон к Раисе Ивановне. Но Дмитрий Иванович не скажет ей о происшествиях на трудной дороге в следующий раз, когда повезет Раисе Ивановне баллоны, или поедет спасать корову, или повезет врача. Он – настоящий друг. ■

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ [ФОТО АВТОРА]

ОН ЛЕГКО СОГЛАСИЛСЯ НА РАЗГОВОР, КАК БУДТО ДАЖЕ ЖДАЛ ЭТОГО, НО ДЕРЖАЛСЯ ПРИ ЭТОМ С ТЕМ НАПУСКНЫМ СПОКОЙСТВИЕМ, КОТОРОЕ СРАЗУ ВЫДАВАЛО ЕГО НЕОПЫТНОСТЬ. НЕ БЫЛО НИКАКОГО СОМНЕНИЯ, ЧТО БЕСЕДОВАТЬ ПОД ДИКТОФОН ЕМУ СЛУЧИЛОСЬ ВПЕРВЫЕ.

В пустынях Мангышлака есть такие места, о которых и рассказать-то трудно

РАЗГОВАРИВАЛИ МЫ В ЕГО ДОМИКЕ: в окошко было видно, как быстрой походкой прошла на кухню Куралай, а оттуда появился бодрый, в свежей рубашке и жилетке, дед, оглядел двор. Остальные, по-видимому, еще спали. Не пройдет и пары часов, как все мы разъедемся, разлетимся в разные стороны, толком ничего не узнав друг о друге. Мы слишком торопимся, даже когда кажется, что все делается не спеша. Это болезнь мегаполиса, которой заражен и я, даже не осознавая этого. Но что поделаешь? У нас все расписано. И даже билет обратный куплен. Может быть, сейчас самый

свободный человек – это наш хозяин, Самалхан: здесь он чувствует себя на своем месте, делает свое дело, никуда не торопится, никого не подгоняет. Бедность? Но если к ней правильно отнестись, это тоже своего рода свобода. И бедность, и богатство сами по себе ни хороши, ни плохи. И то, и другое может послужить твоему освобождению. Самалхан, кстати, один из немногих, кто это понимает.

Биография у него самая обычная: родился на севере Казахстана, в деревне под Актюбинском, в 1975 году. В Актюбинске же окончил двухгодичный курс в медресе, получил среднее образование, совершил хадж в Мекку, после чего стал имамом одной из мечетей в Актюбинске, – в общем, все шло у него как надо, пока он не заболел. Вот: заболел. Почему-то я мгновенноотреагировал на это слово:

Окончание. Начало см.: «Русский мир.ru» №6, 7 и 8.

– Как – заболел?
– Ну, душевно, наверное, духовно.
– Почему?
– Трудно там... наполнять... заполнять... Держать себя духовно. На суету много времени уходит. Так, так. Его, значит, переломало. Эх, понять бы, что он имеет в виду под суетой...
– А что для вас главное в исламе?
– Человек. Не просто-так-человек, а как духовное существо.
– Почему же вы Мангышлак выбрали?
– На все воля Аллаха. Сначала ходил. Паломником был, по святым местам. Кроме святых мест, чистых мест на земле не осталось. Или в степь, в гору идешь. Люди слабые стали. Грязные стали. Ни во что не верят, кроме денег. И я остался на святых местах. Семь лет на Султан-Епе работал. Теперь уже год здесь. Люди приезжают – я направляю. Потому что люди даже на святых местах не могут понять-разобраться, что правильно, а что неправильно. Слишком слабые стали. Им сначала успокоиться надо, очиститься надо. Надо пожить здесь маленько. Кому три дня, кому – неделю. А уж потом отправляться – к Шекпак-Ата или к Султан-Епе. Потому что иначе они их энергии не почувствуют даже.
– Вы сами выбираете, когда туда человеку идти?
– Да, говорю: поживите пока два, три дня, неделю... Духовно приподняться немного...
– Интересно, что вы обо мне скажете.
– Гордыня у тебя. Понимаешь много, а как в клетке живешь. А жить нужно как в старину суфии жили.

– Все верно, но вы же сами из города убежали, значит, понимаете.
– Да, многое без слов понятно.
– Про ваххабитов слышали?
– Это против религии настоящей. В жизни не бывает два цвета – черный и белый. Не внешний закон человека человеком делает, а внутренний. Они говорят: пусть будет как при Пророке было. Но время назад не ходит. Пусть будет как есть. Это роли не играет. Главное – чтоб у человека душа была чистая.
– Это точно.
– Я тебе сейчас помочь не смогу – у тебя все мысли уже вперед убежали. Но если время будет – приезжай обязательно. На неделю хотя бы. Тогда не будешь спрашивать – сам все будешь понимать...
Странная вышла история: вот и повстречался я с современным суфием – нормальным таким, простонародным, но мудрым проповедником. Наставником. Вот этого дара я в нем не разглядел. Впрочем, теперь уже нет смысла об этом рассуждать. Слава богу, хоть поговорил с ним не впустую.
Потом все собрались в трапезной. В последний раз мы попили чаю, помолились вместе со всеми, попрощались *навсегда* – и отправились на экскурсию в мечеть. Мужик в красном комбинезоне шел впереди с Самалханом. Откуда-то сбоку, пробираясь среди могил древнего кладбища, возникла Куралай со стариком. По такому торжественному случаю она надела прямо поверх джинсов белую юбку и повязала голову платком.

Молодой хранитель мечети Самалхан кажется учеником, а не наставником

МЕЧЕТЬ ШЕКПАК-АТА

В конце мелового периода чинк, в котором спустя миллионы лет была вырублена мечеть Шекпак-Ата, представлял собой большую морскую колонию мшанок, что спустя миллионы лет и породило тот великолепный фасад, который встречает путника, подошедшего к храму. Этот фасад 10 тысяч изваяний и миллиона раздутых, рассверленных ветром отверстий – едва ли менее впечатляющ, чем само упрятанное внутри горы сакральное пространство, являющее собой торжество аскезы – гладко вытесанное в толще чистого белого известняка помещение в форме креста, единственным украшением которого являются четыре толстые полуколонны с просто украшенными капителями. Мусульманский михраб, позднее добавленный в этот интерьер – почему храм и стал называться мечетью, – тоже ничем не украшен и представляет собой обычную нишу в стене.

В утренний час фасад оказался в тени и был прорисован холодными – серыми и голубыми – красками.

Самалхан первым поднялся к входу и, подождав, когда все остальные подойдут, встал на колени и приготовился читать молитву. Куралай сложила перед лицом ладони и с трепетом ждала начала. Рядом с нею стоял дед, с вниманием следящий за действиями нашего гуру, как будто ждал, что в какой-то момент Самалхан пригласит его присоединиться, но этого не произошло, свое

право быть единственным проводником к Богу хранитель мечети оберегал довольно ревнительно, и дед так и остался на положении экскурсанта. Мужик в красном комбинезоне на большее и не претендовал. Я после бессонной ночи не чувствовал в себе сил настроиться на волну Господа Бога и потому решил, что мистики с меня достаточно.

Самалхан прочитал у входа очистительную молитву и все по очереди поднялись в мечеть. За девять лет, прошедших с того момента, когда я был здесь впервые, мало что изменилось, разве что стопка влажноватых стеганых одеял, которыми укрывались ночующие паломники, исчезла, помещение было аккуратно выметено, да кельи для молящихся отшельников по обе стороны от михраба были завешены безвкусыными ярко-малиновыми занавесками с блестками, которые никак не соответствовали аскетическому духу храма.

Самалхан, сняв калоши, вновь преклонил колени напротив михраба и стал читать молитву. Дед был рядом с ним, но молчал, поскольку он не знал арабского, и, только убедившись, что молитва закончена, собравшись с духом, вонзил: «Ай, Алла!!!» – чем, по-видимому, был полностью удовлетворен.

Затем настала очередь Куралай. Как опытный экскурсовод, она обратила наше внимание на некоторые детали в устройстве храма: очаг в центральном зале с прорубленным над ним в куполе отверстием, куда утягивались следы

Интерьер подземной мечети Шекпак-Ата вряд ли кого оставит равнодушным

Здесь фигуры
выветривания
напоминают
пчелиные соты
в духе Дали

копоти, изображения лошадей, быков и других животных, в разное время оставленные здесь кочевавшими на Мангышлаке племенами, и, наконец, несколько глубоко процарапанных контуров раскрытой человеческой ладони – «руки Фатимы», – которая в суфийской традиции служит мощным оберегом. Ольга, снимая происходящее на видео, зафиксировала момент, когда мужик в красном комбинезоне, потеряв, по-видимому, надежду понять, когда же наступит *главный* момент церемонии, услышав про «руку Фатимы», решил, что это-то и есть главная святыня храма, своего рода USB-порт для прямого соединения с Аллахом, и, подойдя к стене, накрыл своей могучей дланью небольшой, по размерам явно женский, контур левой ладони, несколько раз с силой надавил на него, как будто посылая Господу сообщения, которыми он хотел с ним поделиться, после чего отошел от стены с чувством явного облегчения и чего-то наконец *свершившегося*.

По каменной лестнице мы поднялись наверх, оказались на плоской вершине чинка и, соответственно, на крыше храма. Здесь сохранились развалины еще одного сооружения, прикрывавшего дымоход (или, по другой версии ученых, световое окно).

– Вот, – сказала Куралай торжественно. – Вы были в Азербайджане, видели Агешях, храм огнепоклонников?

– Видел.

– Правда, похоже?

– На мой взгляд, совершенно не похоже. Агешях весь прозрачный, у него с четырех сторон арки, чтобы огонь виден был отовсюду. А здесь – стены глухие... Да к тому же алтарь-то, очаг находится внизу, а эта постройка в лучшем случае работала как печная труба... Какой нормальный огнепоклонник станет прятать огонь под землей, а наружу выпускать дым? К тому же я не понимаю, каким образом здесь можно постоянно поддерживать огонь... Что можно сжигать... Колючки? Их хватило бы только на то, чтобы Шекпак-Ата мог приготовить себе еды на ужин. Да и копоти на стенах маловато для большого огня...

Не помню, когда у нас с Куралай завязался этот спор об изначальном происхождении храма – зороастрийский он или христианский, – но, похоже, здесь, на крыше мечети Шекпак-Ата, Куралай решила предъявить мне решающие аргументы. – В X веке Мангышлак был хорезмийским владением. Здесь был большой город – Кызыл-Кала. В Хорезме родился Заратуштра, его Авеста написана там...

– Милая Куралай, Кызыл-Кала я видел – это скорее большой караван-сарай на пути из Хорезма в Хазарию, нежели город. X век для зороастризма – уже глубочайший упадок... В общем, я бы не хотел спорить, не зная досконально вопроса.

Но остановить запалившуюся женщину, как известно, нелегко.

– Но оссуарии? – Она прошла по плато, тут и там усеянному высеченными из известняка надмогильными плитами, и наконец нашла одну, несколько сдвинутую в сторону, так что в могиле, вырубленной в камне, можно было отчетливо различить человеческий скелет.

– По-моему это обычная могила. Здесь везде камень: тогда не все ли равно, где долбить? И потом, по-моему, огнепоклонники вообще не хоронили своих умерших... Как-то по-другому с ними обходились...

– Но кости потом куда-то надо было девать?

– Здесь не кости, здесь одиночное погребение, скелет отлично сохранился, как его положили, так и лежит...

По счастью, Куралай мудро решила прекратить спор. К тому же и дед, вместе со всеми бодро поднышавший на крышу храма, обнаружил натертое паломниками каменное «кресло», в котором, по преданию, любил посидеть Шекпак-Ата. Кряхтя и счастливо улыбаясь, дед, опираясь на палку, стал усаживаться в это кресло. Отзывчивая Куралай бросилась ему помогать...

Потом тем же ходом через мечеть мы спустились вниз и некоторое время лазали по фасаду храма. Я хотел все-таки поснимать его и потом сравнить то, что получится, со съемкой 2003 года. В результате ни одного похожего снимка я не сделал. Почему-то меня увело в частности, в детали, слагающие это немыслимое целое. И вот что стало понятно: архитектурное лицо

Непреодолимое
препятствие
в пустыне:
трещина
в земле

этого фасада определял абсолютный хаос. Но он и был гармоничен. Здесь царила Неевклидова геометрия. Ни одной одинаковой дырки, ни одного равного угла, растяжка и скручивание всей координатной сетки, уподобляющее твердую поверхность морским волнам... Колонны немислимой формы, раздутые ветром «слуховые окна» величиной с таз, в котором прячется пять или шесть отверстий поменьше, величиной с чайное блюдце, а дальше, глубже – диаметром с яйцо, с наперсток, со спичечную головку, с игольное ушко. В одном месте я обнаружил неправильной формы нишу, в которую сверху вниз прорастали корни дерева – только каменные. В другом – вместо корней оказалась надпись, похожая, пожалуй, на арабскую, в авторском начертании мастера каллиграфии, имеющего несомненную склонность к модерну начала XX века, но при этом начертанную на несуществующем языке. В третьем – не имеющее аналогов в мире человеческого быта скопление геометрических форм, заставляющее вспомнить некоторые картины и рисунки Сальвадора Дали. Возле Шекпак-Ата Дали все время маячит на горизонте – но при этом и он ничем не в силах помочь: ибо слишком еще буквален в своих искажениях, в самой цели своего художественного опыта. Здесь природа решила задачу несравненно более сложную – ввергнуть все в неистовый, космический хаос – и при этом выйти на новый уровень художественной гармонии. Ну что ж... Я люблю хаосы – это мое слабое место.

УЗЕЛКОВОЕ ПИСЬМО

Мы простились с Самалханом, стариком и человеком в комбинезоне и стали спускаться вниз. Ренат ждал нас у машины. Вот, выходит, и все. Наше пребывание на Шекпак-Ата закончилось, мы прожили здесь свою короткую жизнь с людьми, которые вчера вечером вдруг стали нам *близкими*: ибо нам предстояло прожить вместе вечер и ночь, а на отчужденности даже такую короткую дистанцию времени не преодолеть – это я знаю по своему каспийскому опыту. И вот тонкий кокон человеческих отношений, укрывавший нас простодушной сердечностью все это время, прорван словами прощания. Мы вновь бесконечно *далеки*, да никого уже и нет рядом, а ничего как будто не изменилось. Во время первых поездок к каспийским берегам я больно поражаюсь обретениям и утратам путешественной жизни, но потом понял, что ощущение разрыва и утраты этих людей или, если хотите, освобождения от них, свободы от своих человеческих обязательств перед ними – кажущееся. Никто не забывается. И все важные встречи и дорогие тебе люди – они продолжают жить в твоей памяти. Очень скоро и эта поездка закончится, мы вернемся домой – прежние, и все-таки другие. Нельзя не измениться, путешествуя с открытым сердцем. Нельзя не измениться, путешествуя по планете людей, – ведь человеческое общение – это и дар, и испытание. Или даже так: только тогда дар, когда испытание. Уйти по-английски, не оставив следа, можно только из сообщества равнодушных. А как выяс-

На миг –
а это был только
миг – весь табун
ощутил себя
свободным

нилось, здесь люди еще не научились равнодушию: они простосердечно, с самого рождения, несут свою долю – быть человеком. Не отрекаясь от нее ради карьеры или ради денег, как это *само собой* получается у тех же – только оторванных от традиции – людей в больших городах. И уж тем более не придумывая никаких философий высокого индивидуализма и эгоизма высшей культурной расы, как это бывает в сообществах, где цивилизация настолько стара, что уже не чувствует ничего, кроме бесконечных болей и потребности их утолить. Ислам чуждается этого. Люди ислама – это люди улья. Испытывая тебя, они хотят знать – достаточно ли ты простодушен, чтобы воспринять свое человеческое служение как должное? Чтобы пройти через улей, не чувствуя себя униженным своим положением рабочей пчелы и утесненным в проявлениях своей якобы неповторимой индивидуальности? В этом – главное различие между людьми Востока и людьми Запада. Люди Востока знают, что люди не равны, что они в различной степени одарены умом, отвагой, храбростью воина и даром поэта. Но ни дорогой автомобиль, ни слава, ни тату на всей поверхности кожи не определяют здесь твоего места в иерархии людей. Только твое сердце: либо полное, либо пустое.

Мне скажут: что за чушь ты несешь? Разве не люди ислама развязали террор, возродили средневековые нравы и право судить каждого, которое если и принадлежит кому-нибудь, то только Господу, именем которого они творят свои зло-

деяния? Я отвечаю: да, они славословят Аллаха, но они – не мусульмане. Приглядишься к ним – разве они – люди улья? Разве они собирают мед, как пчелы? Нет. Это – осы. Они не собирают ничего. Они просто убивают. Это – мутация. Весь мир сегодня переполнен мутантами. Гомосексуалы, строители финансовых пирамид, производители оружия, разрушители экономик, короеды Земли, художники, насмехающиеся над искусством и унижающие красоту с той же иступленной страстью, с которой попирают достоинство человека фанатики всех мастей. Не думаю, что они – предвестники конца света. Скорее – это просто фазы луны. Время перехода, когда цивилизация в очередной раз вылупляется, как из куколки, из-под коры омертвевших смыслов, чтобы вновь почувствовать себя живой. Но когда речь всерьез пойдет о жизни и смерти мира, к голосу людей, к голосу сердца волей-неволей придется прислушаться... Мы катили уже по дороге вглубь каньона.

– Ну, – повернулась к нам Куралай. – Какие планы на сегодня?

– У меня только одно желание, – сказал я. – Оказаться внутри рисунка Шевченко «Долина замков». Помните, я показывал?

– А-а, это Айракты-Шоманай, – сказала Куралай. – Километров сто будет. Тогда я предлагаю... Раз мы все равно поедем через Каратау – заехать к мавзолею Адай-Ата, там пообедаем, съездим в Долину замков. Оттуда недалеко и до Долины каменных шаров и до горы Шеркала...

Каньон все глубже всасывал нас в себя. Помню белые чинки, что вставляли вокруг нас, и синее небо над ними, еще не поблекшее под лучами полуденного солнца... Правда, автомобиль – не лучшее средство для прогулок по живописным местам. По сути, «видеть» мы начинали только тогда, когда останавливались и начинали как-то взаимодействовать с окружающим. Потому и записки этого дня невольно напоминают узелковое письмо. Остановка – узелок.

Помню ворота в каньон, стреноженного молодого верблюда, которого нам пришлось стонать с дороги, его трогательно-рыжую, молодо блестящую шерсть, его симпатичную отрешенную морду... Лошадей, неожиданно вырвавшихся из загона, очерченного простой веревкой. Это было потрясающее – шестие джюжины гнедых и более темных, кофейного цвета, лошадей на фоне белого чинка, под этим ослепительно-синим небом. И жеребца, конечно: сильного, непокорного, бунтовского – это он проломил своему гарему дорогу на волю, перепрыгнув через куст, в котором веревка, удерживающая лошадей, как магическая петля, была не видна. Они все рванулись за ним – и вырвались, и он, гордый своей победой, пошел-пошел было иноходью, пока не услышал сзади тихое ржание: там, в загоне, осталась одна лошадь. Он остановился, стал звать, но кобылка беспомощно стояла перед веревкой, провисшей почти до земли, и жалобно смотрела на красную тряпку, навя-

занную на эту веревку. Он развернулся и пошел к ней. Минут пять, если не десять, они ходили голова к голове, ухо к уху, глаз к глазу вдоль этой веревки, только он – с одной стороны, а она – с другой. – Ну, что же ты? Давай, глупенькая! – вместе переживали Ольга и Куралай.

А я никак не мог понять, почему он не может переступить веревку и показать ей, как запросто это делается, и почему она, видя, что весь табун уже на воле, не может закрыть глаза – если уж веревка для нее означает непреодолимость, – просто сделать шаг к нему вслепую. Мы решили уже уезжать, а жеребец и его кобылка все стояли по разные стороны веревки, табун лошадей тоже встал, сбившись в кучу, и было очевидно, что здесь битва за свободу проиграна.

...Каньон Шекпак-Ата-Сай долго тянется узким ущельем, которое в конце вливается в правильной формы круглую котловину. Лучше всего представить себя в огромном, километров пять в диаметре, каменном цирке. На таком расстоянии даже отвесные пятидесятиметровые чинки не кажутся высокими, но ощущение волшебства не пропадает. Посреди не этого каменного цирка есть островок. Хотя, видимо, правильно будет сказать *останец* – крошечный остаток сплошного известнякового панциря, сумевший выдержать неустанное размытие гор-

ных пород и такое же маниакально-упорное выветривание. Останец привлекает правильностью формы: в плане он круглый, высотой – с четырех-пятиэтажный дом. Если представить себе пеня дерева с уцелевшими, хорошо видными, мощными и узловатыми корнями, равномерно раскинутыми в разные стороны, то просто будет понять, что это такое. Есть что-то невероятно притягательное в лабиринте этих белоснежных каменных «корней». Ходы и лазы между корнями, их гладкие, будто ошлифованные, иногда совершенно невероятные формы, подчас странно перекликающиеся с теми фигурами, что устраивал на крышах своих домов Гауди, все это действовало не менее гипнотически, чем архитектурные формы барселонского гения, и звало затеряться в этом лабиринте. Оставив Рената и Куралай, мы с Ольгой лазали по нему... Не знаю, как долго – минуты счастья бегут быстро...

Вся долина между двумя перетянутыми через Мангышлак спинными мышцами – хребтами Каратау и Актау – это действительно страна чудес. Все невероятно. Помню, как мы буквально въехали в кадр, который я снимал когда-то, – недалеко от дороги есть место, где земля *цветет* – там какая-то сумасшедшая минералогия и, соответственно, цвета – зеленый, желтый, фиолетовый, розовый. Чистые цвета, будто сухая акварель на-

В своих формах природа может сравниться только с «тотальным искусством» Гауди

крошена. И рядом одинокое дерево посреди этого минерального цветника. Страж долины цветущих камней. Для меня лично это одно из красивейших мест на Мангышлаке. Раздутый ветром до охры и, глубже, до нежной желтизны бугор, за ним это дерево – и серый склон горы за ним. Надо было бы задержаться здесь, но я плохо представлял, куда мы едем, и торопился поскорее увидеть Долину замков. Чего, как потом выяснилось, делать не стоило. Не стоило торопиться. Ну вот, а потом... Девять лет назад мы с Глазовым отсюда свернули к очень красивой горе, которая называется Шеркала («Город льва»), и просто убились там, проторчали полдня, только кассеты с пленкой меняли, до того это было потрясающее место: спереди она похожа на купол, а сзади – неожиданно раскрывается как замок, спрятанный в горах, – как замки катаров на юге Франции, которые настолько вписаны в гористый ландшафт, что издали и не воспринимаются как рукотворные. Но мы проехали поворот на Шеркалу и дальше пошли уже места, мне неведомые, – и там тоже повсюду были фантастические миражи культуры: храмы, замки, шпили готических соборов... На самом деле это были просто горы-останцы, существование которых в их современных формах, признаюсь, так и остается для меня загадкой. Особенно запомнился «Парфенон». Это была громадная гора, действительно напоминающая Парфенон, только сотворенный не человеческими руками, а руками... Ну, кого бы? Древнегреческие аналогии сгущаются: могучая сила и сумеречный мозг циклопов, возможно, одноглазых, а возможно, таких же безнадежно слепых, как Полифем, жертва Одиссея, – вот что, казалось, сотворило это воистину циклопическое подобие главного храма древних Афин...

АНАБАЗИС

Солнце стояло в зените, и не нужно было быть провидцем, чтобы возвестить времена великой жары.

Мы начали свой пеший путь по пустыне в пространстве кочек, образовавшихся как наметы гипса и соли в колониях колючего кустарничка, держа курс сначала на «Парфенон», громаду без тени. Цель наша вдали была похожа – нет, не на замок, а на пиратский фрегат, несколько столетий назад форштевнем уткнувшийся в море песка.

Без труда дошли мы до отвесных колонн «Парфенона» и здесь увидели хорошую, проезжую дорогу, по которой не так уж и далеко казалось до «фрегата». У его разбитого форштевня были различимы странные, как кипящее кружево белой пены, формы «замков», которые рисовал когда-то Шевченко. Мы поднялись на берег сухого потока. Напрямик к «фрегату» лежала плоская равнина, редко поросшая теми же невысокими кустарничковыми растениями, только не в колониях, а поодиночке, отчего они смотрелись как крошечные сизые деревца. Как раз перед отъездом, используя Интернет, «Словарь иностранных слов» и «Энциклопедию

античности», я решил докопаться – что значит слово «анабазис». Я еще не делился с Ольгой своими открытиями и решил, что момент подходящий.

– Что значит – «анабазис»? Знаешь?

– Не знаю. Что-то греческое?

Ее голос слегка потускнел, это от усталости.

– Разумеется, греческое. Изначально это – военный поход из низменной местности в более возвышенную, например с берега моря вглубь страны.

– И что?

– А то, что мы и совершаем сейчас такой поход. От моря – вглубь. Не военный, разумеется. Римский консул Флавий Арриан, компилятор Каллисфена, Непарха и Птолемея, тоже назвал свою историю жизни и походов Александра Македонского «Анабазисом Александра». Но самое интересное не это. Молчание.

– Самое интересное, что «анабазисом» называется растение, которое растет повсюду вокруг – видишь?

– Да.

– Никогда бы не подумал. По-гречески слишком торжественно. По-русски – ежовник. Злая колючка. Характерен для Средней Азии.

...Уже видны были ажурные кружева, окружавшие севший на рифы «фрегат», и глазомер все точнее выверял размеры этих экзотических кружев, оказавшихся довольно большими и необычными, и я уже прикидывал, как снимать все это... как вдруг земля начала разъезжаться прямо на наших глазах. Сначала – будто тонкая, ломкая трещина, черной линией пробежавшая по стеклу. Не имеющая к нам отношения, внезапно и досадно лопнувшая фотопластинка. Но с каждым шагом трещина все неотвратимее становилась частью пейзажа, в котором мы шли, делалась все глубже, все шире, и, когда мы в конце концов подошли к ней, я увидел длинный – что налево, что направо – провал с отвесными стенками. Метров 6–8 шириной. И глубины такой же. Вроде и не широко, а не перепрыгнешь.

Пройдя вдоль трещины метров 500, я понял, что преодолеть провал нам не удастся. Всё. Пришли. Мы тронулись в обратный путь. Вот когда каждый шаг можно было считать за два! Когда проигравшая команда уходит с поля, ей невесело, хотя, быть может, она тоже вложила в игру все силы... Куралай, кажется, испытывала облегчение от того, что мы наконец нашли. Мы сели в машину, развернулись и поехали вдоль стены «Парфенона» в надежде, что найдем-таки место, где эта трещина заканчивается. Но у каждой неудачи есть своя неумолимая логика: и десяти минут не прошло, как машина Рената снова «села». Видимо, сюжет поездки был исчерпан и Господь доступными ему средствами остановил нас.

Что ж – вчера отвесил по полной, сегодня – в свою меру.

На три часа мы получили в подарок «свою» пустыню! 🍷

ГРЯЗНАЯ ИГРА

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

МАКСИМА СЛАВЕЦКОГО

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ ПРОТИВНИКИ ПОЛЗУТ К МЯЧУ, ЧТОБЫ ЗАБИТЬ ГОЛ ИЛИ ОТДАТЬ ПАС. ИЛИ НА ХУДОЙ КОНЕЦ ПРОСТО ОТБРОСИТЬ МЯЧ ПОДАЛЬШЕ ОТ СВОИХ ВОРОТ. МЯЧ УЖЕ СОВСЕМ БЛИЗКО, НО – ВОТ НЕЗАДАЧА! – НОГА ПО КОЛЕНУ ПРОВАЛИВАЕТСЯ В ГРЯЗЬ. ПЫТАЕШЬСЯ ВЫТАЩИТЬ ЕЕ И ВСЕ-ТАКИ УДАРИТЬ, НО С ПРОТИВНЫМ ЧАВКАНЬЕМ В БОЛОТО УХОДИТ ВТОРАЯ НОГА...

КОШМАРНЫЕ СНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО футболиста: на поле вместо ровной зеленой лужайки – трясина, которая не дает бежать, засасывает и отнимает все силы. Раз в год сон становится явью – в местечке Хюрюнсальми в Центральной Финляндии в июле проходит

чемпионат мира по болотному футболу. Болотный футбол – это смесь обычного и мини-футбола: надо попасть мячом в ворота, на поле пять игроков от каждой команды, не считая вратарей, мяч можно пинать ногами и бить по нему головой. Площадь поля – 60 на 35 метров, вдвое

меньше обычного. Зато у болотного поля есть и третье измерение – глубина. Где-то по щиколотку – там еще можно бегать. Где-то по колено – там смельчаки могут попытаться идти. Где-то почва уходит из-под ног, и игрок оказывается по пояс в грязи. Тут уж все атаки – только на четвереньках, а то и попластунски. При этом глубина везде разная, и бодро начавшаяся атака может неожиданно захлебнуться в паре метров от ворот противника, а форвард, забыв про мяч, будет пытаться вылезти из трясины. Нередко в болоте навсегда остаются и бутсы, соскользнувшие с ноги, а правила суровы: менять обувь во время игры запрещается, если потерял ботинок, играй босиком. Поэтому бывалые игроки перед каждым матчем приматывают обувь скотчем к ноге.

ЛЕТОМ В БОЛОТЕ, ЗИМОЙ – В СУГРОБЕ

Несмотря на грязь – а быть может, именно из-за нее, – чемпионат по болотному футболу пользуется бешеной популярностью не только в Финляндии, но и во всем мире. Впервые чемпионаты стали проходить в середине 90-х годов. Идея родилась у известного финского лыжника Эсы Ромппайнена во время тренировочных летних забегов по пересеченной местности, в том числе и по болотам. Ему пришло в голову разнообразить тренировки и вместо преодоления скучных дистанций устроить игру в футбол. В первые годы между собой играли не более десятка финских команд. Но благодаря сарафанному радио о забавах на болоте узнали соседи из России и Швеции. Затем не уда-

рить в грязь лицом стали приезжать датчане и англичане.

– Чемпионат стал международным более десяти лет назад, – рассказала один из организаторов игр, Туула Хаанпэ. – К нам уже который год приезжают испанцы, в прошлом году была команда из Исландии, в позапрошлом – из Аргентины и даже с Ямайки. Как они оказались в наших краях, я даже предположить не могу. Но традиционно много россиян и финнов. Причем финны приезжают со всех уголков Финлян-

дии, многие старые друзья, чья жизнь раскидала по разным городам, назначают болото ежегодным местом встречи. В этом году мы принимаем 300 команд, это около 5 тысяч человек. Для нашей деревни с населением в 3 тысячи жителей это одно из главных событий в году.

Хюрюнсальми находится в 500 километрах от Хельсинки, на полпути к Лапландии. Рядом и близко нет ни одного крупного города, лишь леса, озера, острова. Финны шутят, что лесей у них точно больше, чем людей.

– Здесь живут скромные люди, они искренне недоумевают, что интересного в нашей глуши может быть для искушенных иностранцев, – говорит Туула, живущая здесь много лет. – Конечно, тем, кому нужны шум и тусовка, здесь будет скучно. Но где вы еще увидите такую природу! Озера, рыбалка, ягоды, леса – это летом. Северное сияние и лыжи зимой. У нас есть невысокие холмы, поэтому можно кататься на горных лыжах. Здесь тихо, спокойно и очень уютно. Кстати, зимой мы проводим чемпионат по снежному футболу. В снегу разгораются такие же жаркие битвы, как и в болоте, хотя тут по-другому и нельзя: в феврале, когда проводится чемпионат, у нас бывает до 35 градусов мороза...

Такое массовое мероприятие, как болотный футбол, требует большой ответственности: со всего края приезжают волонтеры помочь с организацией, рядом с полями всегда дежурят медики.

– Здесь почти нет мест, где можно утонуть с головой, – объясняет Туула Хаанпэ. – Но в болотах множество коряг и кочек. Мы каждый год расчищаем поля, с помощью тракторов убирая коряги, но каждый год из глубины всплывают новые. Если лето дождливое, то поля размокают, и играть можно только на четвереньках. Иногда судье приходится останавливать игру, чтобы все вместе помогли какому-нибудь бедолаге-игроку, ушедшему в болото по плечи. Но зато травм мало. А вот если засушливая погода, то царапинам и порезам нет числа – ведь у участников появляется возможность бегать.

Всегда настороже и полиция – финны, да и русские гости, не прочь после холодных топей согреться не только в бане, но и «принять на грудь».

– Как ни странно, стычек и драк у нас не бывает, всегда все мирно, – говорит Туула Хаанпэ. – Болота отнимают у людей не только силы, но и агрессию.

ОФИСНЫЙ ПЛАНКТОН ПРОТИВ ГЛАДИАТОРОВ

Иногда спрос в два раза превышает предложение – заявки подадут около 700 команд, в то время как 22 болотных поля могут вместить максимум 340 команд, причем игры идут два дня подряд с интервалом в 20–30 минут.

Команды соревнуются в различных категориях: есть профессионалы и любители, есть мужские, женские и смешанные команды, есть бизнес-лига. Есть те, кто приезжает повеселиться и повозиться в грязи, а есть те, кто серьезно настроен без медалей домой не возвращаться.

Для первых самое важное – костюм. Тут уж кто во что горазд. Команда «офисного планктона», где мужчины в белых рубашках и галстуках, а женщины в блузках, юбках и чулках с нетипичной для менеджеров резвостью скачут по кочкам. Или команда мотыльков в зеленых обтягивающих трико с детскими плавательными кругами и очками для плавания. Еще одна команда своей формой избрала... меховую шапку в виде коровьего вымени. Есть команды арестантов, команды цыплят и команды гладиаторов во главе с капитаном-императором. Болота

располагают к некоторой либеральности: иногда судьи закрывают глаза на кое-какие нарушения, а если в команде вдруг не хватает игроков, то организаторы предлагают помочь товарищам и приглашают поучаствовать добровольцев из других команд.

– Русские команды настроены обычно очень решительно, – говорит Туула Хаанпэ. – Иногда они специально приезжают на день раньше, чтобы разведать обстановку, изучить поля, разработать стратегию. Неудивительно, что каждый год они занимают места на пьедестале.

В РОДНЫХ БОЛОТАХ И КОЧКИ ГРЕЮТ

В этом году до финала добралась только одна из девяти приехавших российских команд – петербургская команда с говорящим названием City SPb. В решающей игре с финнами страсти кипели нешуточные: все русские участники собрались поболеть за Петербург, откуда-то появились российские флаги, то и дело раздавались крики: «Россия, вперед!», «Россия – чемпион!» Во время спорных моментов, когда казалось, что финский судья принимает решения в пользу своих соотечественников, поднимался такой шум и гам на смеси русского, английского и финского языков, что смотреть на игру приходили даже с другого края болот. Сначала удача была на стороне финнов – они забили гол.

– В родных болотах и кочки греют, – с досадой говорили русские болельщики и оглушительно свистели, поддерживая своих.

Но потом фортуна улыбнулась и россиянам – они сравняли счет, а затем в ворота финнов залетел и победный мяч.

Что тут началось! Визг, крики, триумфальные прыжки в грязь, объятия... Проигравшие фин-

ны чуть не плакали – не ожидали такого исхода матча.

– Мы долго шли к этой победе, – рассказал капитан питерской команды Максим Вечорек. – Я приезжаю сюда каждый раз с 2004 года, и это первая моя золотая медаль. Я воспринимаю эту победу как самую настоящую победу в чемпионате мира, хотя прежде всего это победа над собой и своей слабостью. Болотный футбол – тяжелейший вид спорта. Вы представьте, чтобы дойти до финала, нужно за день сыграть семь игр по 20–30 минут, окунаться в холодную жижу, выдергивать себя из нее, бежать, падать, забивать... В нашей команде есть и легкоатлеты, есть и футболисты, но даже профессионалам приходится на болотах несладко. Через три-четыре игры организм кричит: «Я больше туда не полез!» Да, очень много команд приезжает просто побарахтаться в грязи и повеселиться, но они отсеиваются еще в первый день, и до финала и полуфинала доходят только сильные духом и невероятно выносливые спортсмены. Но даже их во время игры надо регулярно менять, потому что продержаться целый матч и не выдохнуться не может почти никто.

МОЛНИЯ В ПОМОЩЬ

Когда болотные чемпионы рассказывают петербургским друзьям-футболистам о своей победе, те презрительно изрекают: мол, это не футбол.

– Я соглашаюсь, это действительно не футбол, – объясняет Максим Вечорек. – Это отдельный вид спорта, и его так и надо воспринимать. Силовые упражнения в грязи с мячом. Недаром финны называют бо-

лотный футбол «футбольными шахматами». Красивые трюки ногами и борьба за мяч не имеют смысла, ведь ноги погружены в трясину. А вот свободный человек в нужной зоне может быть очень опасен. Очень важна расстановка игроков, тактика замен. И нельзя забывать, что игра идет в диких условиях болота. В 2007 году у нас был такой случай. Мы играли под унылым морозящим дождем с

финской командой, было холодно, дул ветер, и игра шла очень тяжело. Мы проигрывали. И вдруг, когда я подумал: «Что может быть хуже?» – неожиданно... выключили свет. Как это могло случиться в поле в дневное время?! Через пару мгновений картинка вернулась вместе с диким грохотом. Оказалось, это ударила молния! К счастью, не в наше поле, а в соседний лесок, но

по болотной воде и нам досталась немалая доля заряда, особенно мне и вратарю финнов, который ближе всех стоял к лесу. И игроки, и зрители в панике побежали с поля, судья тоже растерялся... Лишь минут через десять удалось возобновить игру, некоторые финские игроки категорически не хотели снова лезть в воду. Но в итоге молния сыграла нам на руку – мы мобилизовались

и забили два гола, выиграв тот матч...

...Самую искреннюю благодарность к организаторам испытывает каждый игрок болотного чемпионата, когда после матча, продрогший, вымазанный в грязи и насквозь мокрый, заходит в баню. Финны не были бы финнами, если бы прямо на болотах не построили бы несколько фанерных домиков, где без труда могут погреться все участники соревнований. Шланг с водой из ближайшего озера, таз и пышущая жаром печка – то, что нужно и выигравшим, и проигравшим. Сидя на полках, бывшие противники забывают обиды и ведут беседы о погоде, правилах игры и даже политике. Хотя русские и здесь не сдают: в мужской бане решили устроить песенную битву с финнами. На исполняемые финские народные песни наши футболисты отвечали громогласной «Катюшей» и гимном Советского Союза.

Прощаются все уже как лучшие друзья, договариваясь увидеться в следующем году.

– Спасибо, – по-русски говорят финны.

– Kiitos! – отвечают им русские. ❧

ПОД КУПОЛОМ ЦЕРКВИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В РОССИИ СВЫШЕ ПОЛУТЫСЯЧИ ДЕЙСТВУЮЩИХ МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ. НО ТОЛЬКО ДВА ИЗ НИХ НОСЯТ ТИТУЛ «ЛАВРА». ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА В ПОДМОСКОВНОМ СЕРГИЕВОМ ПОСАДЕ И СВЯТО-ТРОИЦКАЯ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ В ПЕТЕРБУРГЕ. В ЭТОМ ГОДУ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЕ ИСПОЛНЯЕТСЯ ТРИСТА ЛЕТ.

СКОЛЬКО РАЗ НИ ЕЗДИЛ в Питер ночными поездами – никогда не высыпался. Уверен, мой опыт не оригинален. Один за одним составы уходят из Москвы начиная с полуночи. И прибывают в город Петра в восемь-девять утра. Казалось бы – спи не хочу. Но в том-то и дело, что – не хочу! Как же не испить поездного чаю из граненых стаканов в металлических подстаканниках? Как не поболтать напутственно на сон грядущий? Тем более если едешь с соседом в Петербург по общему

делу. Он, фотокорреспондент журнала Александр Бурый, – фотографировать готовящуюся к юбилею Лавру. Ваш покорный слуга – облечь предстоящие впечатления в слова.

Летний Петербург, ежели без дождя, – хорош! По-северному синее небо над головой. Ветер – не с Балтики, так с Ладоги – выдувает остатки сна. Что такое одна остановка метро? Ерунда! И вот – площадь Александра Невского с конным памятником великому князю. За спиной – скучные стеклян-

но-бетонные овалы гостиницы «Москва» как напоминание о малой родине, а перед глазами – надвратная церковь и часовня во имя иконы Божьей Матери «Всех скорбящих радость». Для фотографа работа уже началась: мостик через речку Монастырку, ведущий на остров; Благовещенские ворота; мелькнувшие слева сквозь решетки ворот надгробия Лазаревского кладбища; паломники; туристы...

Да, Петр Великий умел выбирать места. Один Заячий остров, на котором выросла Петропавловская крепость, чего стоит. Да и с местом для монастыря он не промахнулся. Согласно документам, именно здесь в июне 1710 года остановилась группа верховых во главе с царем. Тогда эта земля еще носила чухонские названия. Речка была не Монастыркой, а Suttila. Что в переводе означает Черная. Берег именовали Viihtola, по названию на-

ходившейся рядом деревни. Русские быстро переиначили на свой лад. Вернее, на лад петровский – в Виктори. Ибо, по легенде, тут и произошла та самая битва со шведским ярлом Биргером, после которой победитель князь Александр Ярославич получил в народе прозвище Невский. На самом деле в 1240 году дрались чуть выше по течению, там, где в Неву впадает Ижора. Но, как говорится, не суть. Петр хоть и уважал географию, но был не географом, а политиком. И с политической точки зрения вождя-государственника, ставить монастырь надо было тут, рядом со строящейся новой столицей, рядом с Невой – как символ возвращения России в исконные земли. Первый, еще деревянный храм построили быстро – в 1712 году. Осветили 7 апреля 1713-го. Тогда и прибыли в Невскую обитель первые монахи, отобранные по всей стране настоятелем – архимандритом Феодосием. Год освящения и есть год основания. С формальной точки зрения, может, оно и неверно, но уж как повелось, так повелось... Уже через семь лет Невский монастырь стал резиденцией новгородских архиепископов, а в

1724 году, дабы подчеркнуть значимость обители и ее духовную связь со святым благоверным князем Александром, канонизированным еще в XVI веке, Петр распорядился перевезти мощи князя из владимирского Богородице-Рождественского монастыря сюда, в будущую Лавру...

Надгробие над могилой митрополита Никодима (Розова) на Никольском кладбище Лавры

НА КАЗАЧЬЕМ И НИКОЛЬСКОМ

Петербург никогда не торопится. Таким уж был задуман этот город – степенным, солидным, обстоятельным. Таким и старается оставаться. Ждем человека, который нам все покажет и расскажет. Что за человек – пока загадка. А посему не спеша, как истые питерцы, бродим по Лавре. К слову, Лаврой Невская обитель стала в 1797 году по указу императора Павла I.

Конечно, грех начинать с этого места, что напротив главного Троицкого собора, но куда от него денешься. Во время последнего посещения Лавры несколько лет назад оно называлось... «Коммунистическая площадка». Все-таки жаль этих людей. Большевиков и их последователей имею в виду. Ведь есть много слов, обозначающих места захоронений. Погост, кладбище, некрополь, жальник, наконец, могильник... А они умудрились находить вечный покой на площадке. Хотя какой уж там вечный покой?

Понятно, что едва в советской России началось тотальное богоборчество, красные идеологи использовали любой шанс, чтобы свести счеты с церковью. Мало было закрыть храм – надо было превратить его в тюрьму, склад или «жел-

Братский корпус, за ним – Благовещенская церковь, где покоится прах Суворова

тый дом». Мало было лишить священников паствы – надо было лишить паству священников в буквальном смысле. Так почему бы не устроить кладбище атеистов в Митрополичьем саду на территории Лавры?

Впрочем, хоронили тут, на «Коммунистической площадке», и людей, имевших к советской власти, а следовательно, к атеистической морали, косвенное отношение, а подчас и никакого. Наряду с большевиками и строителями коммунизма лежат в Митрополичьем саду жертвы блокады, герои Великой Отечественной, ученые...

Кресты и звезды, иконы и серпы с молотами – и все рядом, все вперемежку. Даже – в Лавре! В 2009 году кладбищу вернули первоначальное название – Казачье. Подумалось: название сие – дань соседям. Совсем рядом с Лаврой когда-то квартировали в собственных казармах по Обводному каналу лейб-гвардии Казачий и Атаманский полки. Ан нет, оказалось, еще в 1917 году в Митрополичьем саду похоронили казаков, убитых во время смуты.

Мимо Братского корпуса, сияющего новенькими окнами, Благовещенской церкви, крепящей угол монастырских стен с севера, идем на другое кладбище – Никольское. В Благовещенской лежит Суворов. Но тут ничего нового не скажешь. Его могилу тронуть не посмели. Говорят, еще на похоронах, когда гроб поднесли к воротам Лавры, кто-то испуганно заметил, что слишком велик саркофаг, не пройдет в створ. И тогда один из суворовских ветеранов, несших гроб, успокоил: «Пройдет. Он везде проходил»... Никольское кладбище. Чуть дальше, в 300 шагах, двигается к морю Нева, летят машины по проспекту Обуховской Обороны и Синопской набережной, а на Засоборном погосте, как его называли раньше, спокойно. Чуть шумят старые деревья над могилами и склепами. Странно, но даже строители, занятые на реставрации зданий Лавры, на строителей вовсе не

похожи. То есть внешне, конечно, строители: роботы, рукавицы, пыльные тяжелые ботинки, каски. А привычных для любой стройки терминов не слышать. Даже строительный мусор в глаза не бросается. А ведь по нашей доброй традиции он всегда должен быть под ногами.

Бродим и читаем: основатель Императорского православного Палестинского общества Василий Хитрово, первые русские летчики, Лев Мациевич и Сергей Уточ-

Художники-реставраторы на внутренних лесах в Федоровской церкви

В иконописной мастерской Лавры

кин, певица Анастасия Вяльцева, герой обороны Порт-Артура генерал Роман Кондратенко... Здесь же – Анатолий Собчак, Лев Гумилев, митрополит Петербургский Никодим (Ротов).

НА ФЕДОРОВСКОЙ ЦЕРКВИ

На дорожке погоста появляется мужчина в цивильном платье. Моложавый, с аккуратной бородкой и внимательными глазами. Протягивает руку:

– Алексей Одинцов, помощник наместника по реставрационной работе. Чем интересуетесь «Русский мир»?

– «Русский мир» интересуется тем, как Лавра готовится к 300-летию, успеваете ли? Хорошо бы посмотреть мастерские, библиотеку...

Мастерские и библиотеку мы увидим позже. А пока Алексей Михайлович предлагает пройти в Федоровскую церковь. Что ж, пройти так пройти. Это спустя полчаса стало ясно, что на языке реставраторов «пройти» – это примерно то же самое, что и на языке альпинистов. Пока мы пробираемся среди полостей целлофана, лесов из металлоконструкций и, разумеется, строительной пыли внутри храмовых помещений, еще как-то удастся слушать помощника наместника. А он, стремитель-

но проникая сквозь преграды, рассказывает одну историю за другой. Как издевались над зданием прежние его владельцы из ЦНИИ «Прометей». Как ушли под пол могильные плиты в нижнем храме, под которыми покоится прах русских святителей и представителей царского грузинского рода Багратиони. Как чудом удалось обнаружить могилу графа Якова Ростовцева, сподвижника императора Александра II, разрабатывавшего крестьянскую реформу 1861 года. Как обрадовались, когда нашли фрески на алтарной стене, замазанной краской, и как расстроились, когда увидели, что изображения ликов всех участников Тайной вечери безвозвратно утеряны, а сохранилась лишь голова Иуды... Как-то незаметно мы оказались на внешних лесах. Тонкие трубы конструкции вовсе не производили впечатление надежных. А уж разномастные доски под ногами – и вовсе. Алексей ведет все выше и выше. По-прежнему что-то рассказывает, но все внимание сосредоточено на восхождении. В 30 метрах над землей останавливаемся. Дальше – церковный барабан и купол в золоте. А внизу – вся Лавра как на ладони. И – Петербург окрест. Мне доводилось смотреть на Питер с высо-

ты. С Исаакия, например. И даже из вертолета. Но с этой точки город выглядит неожиданно. Ветер ощутим. И невольно проникаешься уважением к людям, которые без всякого преувеличения серьезно рискуют, возвращая нам утерянную было во времени красоту, – Михаилу Рожных, Ирине Хомченко, Анне Семеновой и Виктору Маньякину, чье дело особенное – золотить купол. А красоте этой двести с лишком лет. Двухэтажную Федоровскую церковь заложили в 1745 году по проекту архитектора Пьетро Трезини. Строили 22 года, освятили в 1770-м. Теперь работы ведутся настолько тщательно, я бы даже сказал, трепетно, что малейшие сомнения отсутствуют: храм вернется к жизни в истинном обличье.

Свято-Троицкий собор

Помощник
наместника
по реставраци-
онной работе
Алексей Одинцов

В БИБЛИОТЕКЕ

Как известно, спускаться всегда труднее, чем идти в гору. Строительные леса – не исключение. Тонкие перила дрожат в ладони, доски под ногами подозрительно шевелятся. А еще надо не зевать и вовремя «скукоживаться»: проходы узкие, навесы низкие... Жизнь на земле продолжается. Дело к полудню, и паломников все больше. Алексей Михайлович, очевидно довольный произведенным эффектом, ведет к трехэтажному зданию «Новой» ризницы. Наверх не зовет: там не место. Там место новых покоев наместника и будущего музея Лавры. Когда-то здесь были экспонаты достойные внимания. Найденный на Куликовом поле крест, фельдмаршальский жезл и кровать Петра I, трость его царственной супруги Екатерины. Но, думается, и теперь экспозиция не будет бедной. А в первом этаже – библиотека. Ее хранитель фондов Неонилла Голубятникова выглядит так, как и должно в такой ипостаси: улыбчивая, интеллигентная, влюбленная в свое дело. А вот сам вид этих фондов несколько удивил. Представлялось, что мы окажемся среди древних фолиантов, заполняющих уходящие к потолку дубовые полки. Все – куда современнее. К потол-

ку уходят современные библиотечные секции из металла, кругом полный порядок и чистота. Неонилла Дмитриевна рассказывает, что библиотека – ровесница самой Лавры, а в 1720 году здесь уже работала первая в городе типография. Двести лет служило книгохранилище людям, но в 1918 году его фактически разграбили. Что-то было передано в фонды светских публичных библиотек, что-то безвозвратно исчезло под кожанками представителей новой власти. Восстанавливать библиотеку начали в 1990 году, когда Лавра еще не возродилась. Помимо традиционной религиозной и светской литературы уже сегодня библиотека обладает уникальными изданиями. В частности, 51-томным синодальным изданием «Церковных ведомостей», вышедших с 1888 года. Наряду с бумажными изданиями в книгохранилище появляется и коллекция «в цифре». Растет собрание быстро. Если в 2010 году библиотека насчитывала 12 тысяч томов «живых» книг, то сейчас их уже 17 тысяч.

В ШВЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ

Алексей Одинцов предлагает непременно зайти в швейную мастерскую. Мелькает предательская мысль: что я, швейных машинок не видел, что ли? Но едва переступаем порог, как понимаешь, что такой шанс выпадает нечасто. В Лавре не костюмы шьют с простынями. В Лавре шьют облачения для священников. И не только.

Заведующий мастерской Андрей Коваленко – человек увлеченный. Это, видимо, чувствуют все, кто приходит сюда работать или по другим делам. Потому и просьбы поступают порой необычные. Потому и женщины тут шьют в удовольствие.

Шьют вручную, как встарь. Но и машинки имеются. Вот одна такая, известной японской фирмы, которую мы знаем больше по автомобилям, тихо колдует в отдельном застекленном зале, напоминающем веранду. Машина посвистывает, точно сытый ежик. Стежки ложатся один к одному с

Роспись золотой краской колонн сени, под которой хранилась рака с мощами святого Александра Невского

С библиотекой знакомит хранитель ее фондов Неонилла Голубятникова

микронной точностью. Андрей Николаевич смотрит на нее, как смотрят на руки женщины, творящей чудо иголкой и ниткой. Через минуту ведет в дальний угол мастерской, где вывешено несколько одеяний – иначе и не скажешь. Старые ризы из здешней коллекции. Одну он показывает с особой гордостью. Ее нашли в БДТ, в костюмерной, когда здание театра закрывали на ремонт. Костюмерные в БДТ, надо полагать, нешуточные. Вот и затерялась старинная вещь. А дорога она прежде всего

потому, что на ней два клейма. И оба – клейма Лавры. Первое, уже почти выцветшее, – XVIII века! Вот так и возвращается все на круги своя. Даже сугубо материальные предметы.

Хотя сугубо материальным все скроенное, сшитое, вышитое в мастерской называть, пожалуй, опрометчиво. Тут работают не по учебникам, нужные лекала в магазинах и журналах мод не купишь. Тут все с нуля и с душой. Не только, так сказать, модели придумывают, но и эскизы тканей и дизайн облачений. Преимущественно с символикой Лавры. С ангелом, держащим щит.

Андрей Коваленко показывает образчик новой ткани. Красиво! А рядом на полу – ящик с тонкими обрезками, крохотными кусочками такой же парчи и прочего шелка. Подмывает попросить на память. Но что-то останавливает.

С каждым днем обрезков в ящиках будет становиться больше. У мастерской огромный заказ. 12 сентября для Лавры большой праздник. Именно в этот день в 1724 году в обитель привезли

мощи святого Александра Невского. Отметят традиционным крестным ходом от Казанского собора до Монастырского острова. Ожидается, что примет участие не менее 400 священнослужителей. Наместник Лавры епископ Кронштадтский Назарий предложилшить по этому случаю специальное облачение для всех клириков. Швейи, тактично исчезнувшие из мастерской на время нашей встречи с заведующим, начинают по одной возвращаться. В мастерской не любят праздности. Стало быть, и нам пора.

Руководитель швейной мастерской Андрей Коваленко

Ручная вышивка рублевской «Троицы» с изнанки. Только так можно понять, какой это невероятный труд – вышивать вручную

НА КОЛОКОЛЬНЕ

Чувствуется усталость. От впечатлений. Хотя и в ногах правды осталось немного. Восхождение под купол Федоровской церкви по хлипким дрожащим мосткам – это вам не эскалатор в метро. Но, оказывается, предстоит еще один «поход к небу». Однако прежде входим в Свято-Троицкий собор, как обыкновенные люди – по горизонтали. Описывать сам собор нужды нет. Такие храмы нужно видеть собственными глазами. Отмечу лишь, что это вовсе не тот собор, который начали строить еще при жизни Петра Великого, в 1722 году. Тогда явно поторопились, сделав фундамент за 20 дней. Понимание ошибки пришло спустя девять лет, когда стены дали осадку и в них образовались трещины. Дальше не то чтобы не торопились, а наоборот – излишне медлили. В середине XVIII века собор велено было разобрать «до подошвы». Новый проект исполнил архитектор Иван Стасов в 1774 году. В 1782-м собор обрел голос – на звонницах появились колокола

и куранты. Осветили храм в 1790 году. Тогда же сюда перенесли раку с мощами Александра Невского. Так как в Лавре часто бывали члены императорской фамилии, главный собор баловали подарками и украшениями. Тут наряду с почитаемыми иконами висели живописные работы Ван Дейка, Рубенса, Менгса.

В 1933 году собор закрыли, предварительно забрав все значимые ценности. В 1957-м Троица вернулась к верующим, но в качестве приходского храма. Остальные здания Лавры принадлежали различным советским организациям. В таком статусе храм работал вплоть до 1997 года.

В Свято-Троицком соборе реставраторы тоже не спят. В правом приделе колдуют над золотыми лепестками, заново кроют сень, под которой находилась серебряная рака с мощами великого князя. Работа ювелирная в полном смысле слова. Руководит подбором «ювелиров» Вадим Александров, мастер в Петербурге известный.

А вот вопрос о том, вернется ли в Лавру сама полуторатонная

рака, входящая ныне в собрание Эрмитажа, далеко не решен. В крипте работы уже закончили. Появилось то, чего никогда в соборе не было. По решению наместника Назария, возвели крестильный храм Иоанна Предтечи. Спускаемся в крипту. Пусто. И в только что отстроенном

помещении, и в купели, в которой легко поместится взрослый человек. Но если представить на секунду, что ты погрузился в купель, то прямо перед твоими глазами в специальной нише возникнет объемное изображение Бога-Отца – Саваофа. Никогда не забудешь, поверьте.

Резные рамы
багетной
мастерской

Вид на Лавру
с колокольни
Свято-Троицкого
собора

Из нижнего этажа – наверх! На колокольню! К северной звоннице ведут восемь десятков крутых степеней узкой, изгибающейся лестницы. Понятно, почему в звонари набирали крепких отставных армейских унтеров. Тогда, когда колокола на обеих колокольнях еще висели. Не всяк может осилить такую пробежку два раза в день, да еще за «языки» дергать.

Теперь колокола вновь появились. Осталось дожидаться и поднять главный – «праздничный Благовестник» весом 13 тонн. Ну и понять, где взять крепких отставных унтеров, знакомых с колокольным боем.

На колокольне на высоте 25 метров тоже гуляет ветер. Но если б предстояло делать выбор, предпочтительнее бегать унтером по крутым ступеням узенького, под крутым градусом идущего к небу коридора, стиснутого каменными стенами, чем трястись на шатких реставрационных лесах. Впрочем, это может быть делом привычки.

Последний вопрос, адресованный Алексею Одинцову: успеете ли завершить реставрацию-реконструкцию-ремонт Лавры к концу юбилейного года? Последняя дата, связанная с именем святого благоверного князя, – 6 декабря, день Александра Невского по святцам. По ответному взгляду Алексея Михайловича понимаю, вопрос так не стоит. И ответ приходит сам собой. Лучше сделать все хорошо, когда получится, чем сделать все кое-как к юбилею. Вот такие простые истины осеняют порой под куполом церкви.

***

В Москву возвращаемся вечерним «Сапсаном». Быстро и скучно. Скорость – под двести, а в вагоне тихо, воздух не шевелится. И пахнет пластиком. При таком комфорте охватывает равнодушная дрема. В Лавре, на стене Федоровской церкви, прямо под куполом – все по-другому. 📍